

Орден
Знак
Почета

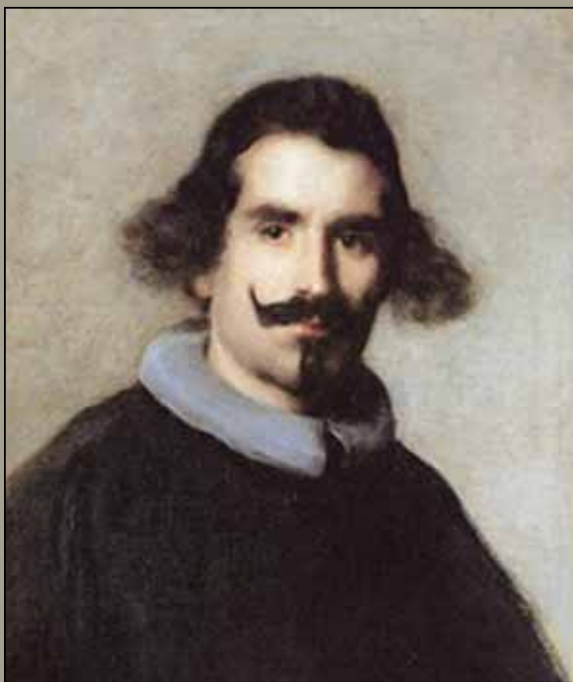
СМЕНА

№ 7 ИЮЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2023

*О жизни и творчестве художника Диего Веласкеса
читайте на стр. 46*

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Обложка

Актриса театра и кино,
народная артистка России
Мария Аронова.

Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.06.2023

Номер выходит при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

«После долгого забвения интерес к творчеству Бориса Пильняка сегодня нарастает. В 20-е же годы прошлого столетия имя его гремело — в одно время он возглавлял список самых издаваемых в Советском Союзе писателей. Но в 1938-м году жизнь Пильняка была трагически оборвана... В последнем слове на суде перед вынесением смертного приговора Борис Андреевич сказал: «Я очень хочу работать... Хочу иметь перед собой бумагу, чтобы написать полезную для людей вещь...»

Юрий **Осипов** «Я хочу быть сам по себе»

«Многие вещи, связанные с медициной, сегодня кажутся нам очевидными. И мало кто задумывается над тем, что большинство порядков, которые стали со временем мировыми стандартами, придумал и ввел в обиход русский врач Николай Иванович Пирогов. Он жил ровно так, как когда-то написал в своем дневнике: «Главное — не терять уверенности в значении дела, которому была посвящена жизнь, в пользе, доставленной страждущим людям...»

Евгения **Гордиенко** «Врач, "излечивший" медицину»

«В бессмертном романе Александра Дюма три мушкетера и д'Артаньян готовы были отдать жизнь за этого человека, но при этом вряд ли он был их кумиром. Да и его супруга, Анна Австрийская, относилась к нему, мягко говоря, прохладно. А тень великого кардинала Ришелье крепко лежала на троне, заслонив собой фигуру слабого венценосца. Но был ли на самом деле такой уж бесцветной личностью реальный Людовик XIII?»

Алла **Зубкова** «Король, который не любил править»

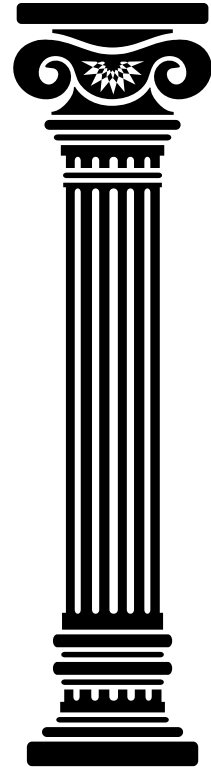
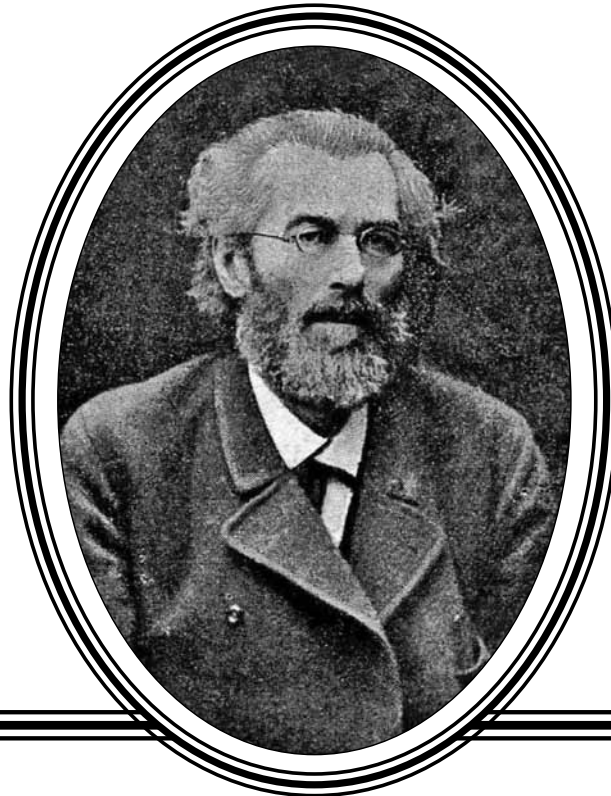
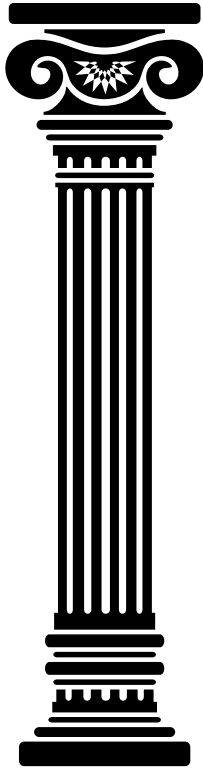
«Весной 1886 года в Варшаве, в семье чиновника Министерства народного просвещения родилась дочь, которую назвали Конкордией, что в римской мифологии означало «Согласие граждан государства». И это имя как нельзя лучше подошло девочке — ведь в дальнейшем вся ее жизнь была связана с поиском согласия и понимания среди людей, миров и пространств. А еще у нее был божественный дар — ее голос выделялся особой красотой, силой и чистотой. Она с детства мечтала стать певицей, что ей и удалось воплотить в жизнь: почти 30 лет Антарова выступала на сцене Большого театра, блистая на ней и вызывая восхищение тысячи поклонников. Вдобавок к этому, она известна и как автор уникального, таинственного романа «Две жизни», который впервые был издан только в 1993 году.

Ирина **Леонтьева** «Две жизни Конкордии Антаровой»

«Новый роман Анны и Сергея **Литвиновых** «Смерть за добрые дела»

Учитель с Пречистенки

(Поливановская гимназия)

...Испуганно пискнув, разлетелись высокие створки дверей директорского кабинета, и на пороге возник кряжистый старик в длиннополом черном пальто, картузе и смазанных сапогах. Прозрачная белая борода, словно стекавшая по развернутой груди, и насквозь сверлящие собеседника из-под клочковатых нависших бровей звероватые зрачки глубоко посаженных глаз не оставляли сомнений — перед ним стоял его великий тезка, Лев Толстой, который привез к нему в гимназию своих сыновей...

Неустанный труженник на ниве просвещения, талантливый педагог-импровизатор, крупный литературовед и общественный деятель, Лев Иванович Поливанов родился в 1838 году в Нижегородской губернии и происходил из старого дворянского рода Поливановых. Его отец, Иван Гаврилович Поливанов, был отважным участником русско-турецкой войны и автором любопытных военных «Записок». Мать, Прасковья Васильевна (урожденная Демидова), являлась внучкой старшего отпрыска знаменитого уральского заводчика, мецената и благотворителя, основателя Нескучного сада в Москве.

В Первопрестольную семья перебралась в начале сороковых, и мальчик пошел в Первую московскую мужскую гимназию, где показывал отличные результаты в учебе. Оканчивал с отличием он уже гимназию под номером четыре, после которой поступил на историко-филологический факультет Московского университета. И дипломированным педагогом вернулся в это близкое ему по духу учебное заведение, где преподавал русский язык и словесность.

Потом будут еще в его учительской биографии и воскресные школы с мастеровыми и ремесленниками за партами, а также — женское училище, Межевой институт, семинария военного ведомства... По крупницам накапливался бесценный педагогический опыт, росло профессиональное мастерство, вырабатывался свой неповторимый преподавательский стиль. Однако казенные рамки учебной программы и бездушная атмосфера в этих учебных заведениях душили его творческую инициативу. Он же мечтал о гуманитарной Школе совсем другого типа. Она, как воздух, была потребна обветшавшей, косной, нуждавшейся в свежих веяниях системе образования николаевской России, в которой набирала силу реакция.

Рожденные в года глухие

Пути не помнят своего.

Мы — дети страшных лет

России —

Забывать не в силах ничего.

Так скажет впоследствии об эпохе, когда выпало жить и трудиться Льву Поливанову, Александр Блок.

В столичных гостиных и уездных собраниях еще не изгладилась память о злосчастной Крымской войне, столь бесславно ознаменовавшей конец царствования Николая I. На папертях увечные герои Севастопольской обороны протягивали руку за подаванием. По-прежнему под сухую барабанную дробь свистели на плацах шпицрутены, впиваясь в спины вчерашних мужиков в солдатской форме. Вездесущая цензура изгоняла из печатных сочинений малейшие проблески свободомыслия. Лучших людей страны охватывало отчаяние, толкавшее многих к революции и террору...

Хуже всего было то, что долгожданная «эмансипация», то есть крестьянская реформа 1861 года, как стыдливо именовалась в чиновничьих кругах отмена позорного крепостного права, не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Недовольными остались в итоге и помещики, и крестьяне. Передовое русское общество испытывало глубокое разочарование еще и при виде казарменной муштры в реальных училищах

и классических гимназиях, строивших обучение подрастающего поколения на зубрежке латыни и закона божьего.

А министр народного просвещения граф А. Тостой цинично предлагал еще больше «подморозить» Россию, дабы отвлечь гимназистов от жгучих социальных вопросов. Той же линии придерживался и сменивший Толстого в министерском кресле И. Делянов. В отличие от других, Поливанов отказался смириться.

...Голос попечителя сонно тянул привычные поздравления, дребезжа предостерегающими нотками. В просторных залах старинного дома Пегова на углу Пречистенки и Малого Левшинского переулочка яблоку было негде упасть. Лев Иванович поминутно одергивал крахмальные манжеты и ободряюще улыбался своим компаньонам. Мальчишки со двора, корча смешные рожицы жмушмясь к родителям сверстникам, заглядывали в широкие окна новой частной гимназии...

Она была открыта на паях Поливановым и группой московских педагогов в 1868 году, когда еще не смолкло эхо рокового выстрела Каракозова в царя-освободителя. И едва ли кто мог подумать тогда, что со временем эта частная гимназия превратится в уникальный культурно-просветительский центр старой Москвы, обретет значение символа.

...Испепеляющие годы!

*Безумье ль в вас, надежды ль
весть?*

В числе прочих славных сынов Отечества Поливанову суждено было стать такой «вестью надежды». Этот непревзойденный артист своего дела не просто учил, но буквально «вжигал» в гимназистов знания, любовь к прекрасному, поражая воображение всех, кто с ним соприкасался.

Нельзя было не прийти в восторг «от красоты этой ураганной стихии, но скованной педагогическим гением... сперва четко учитывающим, какую стихию выпустить из своего пронумерованного инвентаря... И весь этот инвентарь великой игры, игры перманентной, игры в жизнь ради идеологических соображений и был жизнью Льва Ивановича, отданной для воспламенения и выковки культурных бойцов из отданных ему мальчат: Боренек, Васенек, Петенек...»

Так вспоминать о годах учебы у Поливанова мог, пожалуй, только он один — Андрей Белый (в жизни — Борис Бугаев). И он же продолжает: «Оттого-то первая встреча Бореньки с этим великим артистом под форму педагога была кризисом сознания Бореньки... после того, как «сей жрец» в сердце мне возжег пламень поэзии».

Кумиры Малого театра Лужский и Садовский, гремевшие в пьесах Островского, знаменитый поэт и теоретик символизма, сам бывший первым ректором и профессором Литературного института, Валерий Брюсов, маститый ученый-лингвист В.Лопатин с гордостью называли Поливанова своим Учителем и, выйдя

из стен его легендарной гимназии, продолжали сбегаться к нему на традиционные «субботы» в дом Пегова.

Повзрослев, выпускники Поливановской гимназии открывали для себя другого Льва Ивановича — яркого филолога, литературоведа, редактора, автора серьезных монографий о творчестве Пушкина, Лермонтова, Жуковского, учебников русского языка и грамматики, хрестоматий для народного чтения, выдержавших до революции десятки изданий. А кроме того они открывали для себя Полива-

ображаемую тогу, простым изображением мелом на доске «орла» римского легиона распахивает детскому сознанию захватывающую картину. Час спустя уже в четвертом классе под его крошащимся мелом оживают на доске древние славянские буквы... То же и в восьмом классе. Услышав однажды поливановский комментарий к «Гамлету», воспитанники гимназии станут годы спустя ревностными почитателями Шекспира и театра.

«Гром и свет», говоря словами Белого, вот что такое были в гимназии

Г

имназия была открыта на паях Поливановым и группой московских педагогов в 1868 году. И едва ли кто мог подумать тогда, что со временем эта частная гимназия превратится в уникальный культурно-просветительский центр старой Москвы и обретет значение символа. Поливанов, этот непревзойденный артист своего дела, не просто учил, а буквально «вжигал» в гимназистов знания, любовь к прекрасному, поражая воображение всех, кто с ним соприкасался

нова как человека громадной эрудиции и широчайшего культурного кругозора, неутомимого просветителя, ведущего свою «родословную» от новиковских народных библиотек, от его переводческих и педагогических семинарий.

И вся эта многообразная и многотрудная деятельность лишь дополняла живое чудо поливановского преподавания, которое он творил ежедневно.

Представьте себе, скажем, урок скучной латыни в первом классе. И вдруг директор, завернувшись в во-

незабываемые уроки Льва Ивановича. Их начинали ждать с раннего утра, с трепетом справлялись у невозмутимого швейцара Василия, будет ли? (Лев Иванович жил в квартире при гимназии и порой не выдерживал огромного переутомления.) И, завидя его на лестнице из квартиры, с криком неслись в зал: «Лев идет! Лев идет!»

На каждом уроке Поливанов творил свободно и непредсказуемо, превращая свои занятия с гимназистами в маленькие произведения искусства. Так, вспоминает все тот же

Белый, однажды, увлеченный чтением шиллеровского «Кубка», он принялся показывать, как расправляется с соперниками рыба-пила («однозуб»), и, неожиданно весь изогнувшись, почти выпадая из кресла, принялся вкручивать длинный карандаш в грудь ошеломленному Бореньке с воплем: «А однозуб вот так вот распили-ва-ет носом врага!»

Этот и другие столь же необычные поступки Льва Ивановича определялись безошибочной педагогической интуицией, основанной на многолетнем изучении детской, отроческой и юношеской психологии во всех возможных вариациях. Поэтому всякий жест Поливанова оказывался «художественной, произвольно задуманной и произвольно проводимой игрой», включая выставление отметок. Ставя двойку, словно выковыривал в дневнике яму; пятерку вlepлял великолепным жестом, точно одаривал ею ученика на годы вперед. При неправильном ответе вызванного к доске на лице директора отображался ужас, брови взлетали вверх. Но вот спрашиваемый поправлялся, и «подымаемый бровями ужас бесследно исчезал». А счастливый ученик гордо возвращался на свое место.

Неудивительно, что любили своего директора гимназисты самозабвенно, без оглядки, «лучшими сторонами души». Подобно пожару, любовь эта развивалась постепенно, на протяжении всех восьми лет учебы, по мере того, как Учитель охватывал их на уроках «все большими и большими горизонтами», давая в спут-

ники ответственному переломному возрасту чистый и возвышенный образ Женщины. Исподволь и неприметно, но настойчиво и последовательно он воспитывал в ребятах веру в мужество и силу человека, твердо заявляя, что «диплом — ерунда, коли с ним заблуждает по миру угасшее сознание».

Производя впечатление лишь увлеченного своим предметом педагога, Лев Иванович при этом видел своих воспитанников, что называется, «насквозь» и не только индивидуально объяснял и спрашивал, но индивидуально реагировал на поступки каждого из учащихся. Он бывал мягок и суров одновременно, четко различая, что и когда можно прощать, а что и когда — нельзя.

Стиль Поливанова был стилем его гимназии, неотвратимо подтягивавшей средних учителей до соответствующего уровня. Впрочем, благодаря масштабности натуры и неотразимому личному обаянию ему удавалось в разные годы привлекать к себе «на службу» преподавательскую элиту тогдашней Москвы.

Пушкин и Шекспир. Их имена были «начертаны» на символическом знамени Поливановской гимназии, с ними связан не один ее яркий вклад в культурную жизнь Москвы. Кто из москвичей не знал в ту пору о замечательном «Шекспировском кружке» — другом любимом детище Льва Ивановича, обладавшего, по свидетельству современников, также незаурядным актерским и режиссер-

ским талантом. В разгар борьбы за умы и сердца молодежи против неверия, нигилизма и упаднических настроений поливановская студия (как мы сейчас выразились) сыграла важную роль в деле пропаганды гуманистического искусства.

Порядки в кружке были самые демократичные; все грани между старшими и младшими гимназистами, между преподавателями и учащимися на репетициях упразднились. Лев Иванович поминутно вскакивал из-за режиссерского стола, чтобы показать, как падал отравленный ядом Гамлет, или привольно располагался в трактире Генрих IV. Это любительское увлечение породило затем большое культурное начинание, которое вышло за пределы гимназии, дало ряд одаренных исполнителей и было по достоинству оценено Толстым, Тургеневым, великой русской актри-

сой Гликерией Федотовой, чьи сыновья тоже учились у Поливанова.

Ученичество у Поливанова выливалось в сотрудничество с ним гимназистов не раз. Широко известна блистательная «постановка» пушкинских торжеств в Москве в 1880 году: открытие памятника Пушкину на Тверском бульваре, пламенная речь Достоевского... Но мало кому ведомо, что основное бремя подготовки и проведения грандиозного юбилея легло на плечи Льва Ивановича, и что бремя это разделили с ним учащиеся 8-го класса его гимназии.

«Сотрудничество» начиналось на уроках. Поливанов требовал от гимназистов при ответе на вопросы о Пушкине рассказывать «по-пушкински», побуждая ребят вживаться в стиль национального гения, и сам же подавал им пример. Даже изучение

античных авторов непосредственно увязывалось им с духом и требованиями русской словесности. При этом, в духе центральной идеи Ушинского о том, что «знания должны готовить учащихся к жизни», он подчинял учебный цикл задачам практического служения народу будущих выпускников своей гимназии.

Каждым уроком Лев Иванович давал бой обывательской рутине, отравлявшей души воспитанников. Сражаться книгой с этим неизбежным злом старой гимназии было нелегко, но Поливанов никогда не опускал рук. Приближался «слом

бы с революцией добровольный палач Торопов, и один из братьев Карр, «милый Сашка», ужаснувшийся впоследствии Россию убийством отца и матери...

То был распад — не гимназии, но жизни. Ломалось время. Ветер истории врывался в покойные залы дома Пегова, вызывая смятение в юных сердцах, бросая их от запретного марксизма к туманному символизму. Революция уже властно стучалась в двери. Казаки скакали по Пречистенке, разгоня нагайками демонстрантов, и озверелые охотнорядцы избивали протестую-

«Сотрудничество» с гимназистами начиналось на уроках. Поливанов требовал от них при ответе на вопросы о Пушкине рассказывать «по-пушкински», побуждая ребят вживаться в стиль гениального поэта, и сам же подавал им пример. При этом он подчинял учебный цикл задачам практического служения народу будущих выпускников своей гимназии

столетия», и чудо-директору при всей его незаурядности невозможно было в одиночку остановить социальное «расползание» гимназии. Она являлась в миниатюре характерным осколком эпохи, подвластным как хорошему, так и дурному. А дурного в те годы, увы, хватало с избытком. Вот почему, несмотря на духовную избранность состава учащихся, в их среде могли затесаться и увлекавшийся в гимназии математикой и поэзией будущий председатель Союза активной борь-

щих студентов. Наступал решающий час выбора. Лев Иванович Поливанов завершал свой подвижнический путь в период нового подъема общественного движения, когда поднимались на эшафот первоапрельцы Желябов и Перовская, когда был казнен старший сын попечителя Симбирской гимназии Александр Ульянов...

Вслед за столь любимым им Пушкиным потомственный дворянин Нижегородской губернии, которого

призвание педагога-просветителя далеко увело от устоев его класса, отчетливо осознавал, что свобода, «неизбежное следствие просвещения», рано или поздно увенчается революцией. Как это произошло во Франции XVIII-го столетия. Как это произойдет в России XX-го.

Скромный рыцарь просвещения, Лев Иванович не искал награду за труды. Наградой были его ученики, с которыми он порой засиживался допоздна, хотя дома его ждали жена и дети, и директор корил себя за то, что уделяет им недостаточно внимания.

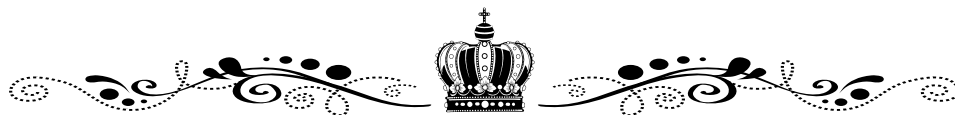
Несколько поколений московской интеллигенции вышли за три десятилетия из стен Поливановской гимназии. Идеологическая поляризация среди выпускников последних лет ее существования нередко приводила к острым спорам гимназистов, перераставшим, случалось, в кулачные баталии. Особой задиристостью отличался убежденный марксист Володя Ивлев, ставший затем видным публицистом Мирковым. Его противниками выступали богатые старшекласники, гонявшие на переменах швейцара за пирожками и всерьез доказывавшие, «что порядочным людям положено тратить деньги, а бедняк — человек непорядочный»...

Но вот морозным февральским утром 1899 года все они, примиренные и притихшие, собрались в родных пенатах проводить своего Учи-

теля в последний путь. Траурная процессия, направлявшаяся к Новодевичьему кладбищу, растянулась на целый квартал. Множество венков, речи, наряды полиции. Вот так же, скорбно склонив голову, шла передовая Москва за гробом Гоголя. Данью признательности обществу памяти выдающегося педагога стали издания сборников его публицистики и учреждение университетской премии его имени.

Он умер на рубеже нового века, века войн и социальных потрясений, величайших свершений человеческого разума и ужасных преступлений против человечности. Сегодня, перевалив уже в XXI век и третье тысячелетие, мы не вправе сдавать в архив бесценный опыт Поливановской гимназии, доказавшей на практике, что во главе угла всякого учебного процесса должна стоять личность Учителя.

...От старого здания Ломоносовского университета на Манежной площади — «альма-матер» московского просвещения — к арочной станции метро «Кропоткинская» пролегла незримая дорога времени. Здесь — связь эпох. Здесь, за спинами музейных особняков Фамусовской Москвы, рядом с классическим фасадом Государственного музея А.С. Пушкина сохранились флигели Поливановской гимназии. Она передала нам свою эстафету, и посеянные ею семена должны прорасти в день грядущий... □

За служение России...

1779 год. Санкт-Петербург.

Кабинет императрицы Екатерины II

Императрица окунула в чернильницу остро заточенное перо, а затем начертала на чистом листе бумаги:

«Италия. Рим. Барону Фридриху Гриму.

Мой любезнейший друг, не соблаговолите ли в кратчайший срок подыскать двух хороших архитекторов-итальянцев для работы в России. Ибо строительство затеваю масштабное, дабы держава наша не хуже иных европейских стран вид достойный имела!»

ПО ПРОШЕСТВИИ ТРИДЦАТИ ТРЕХ ЛЕТ...

— Уважаемый господин Кваренги, боюсь, у меня для вас дурные вести. — Чиновник итальянского посольства переминался с ноги на ногу, боясь переступить порог дома архитектора.

Хозяин указал гостю на венский стул:

— Да проходите уж, не стойте как истукан. Что там стряслось на нашем почтенном Апеннинском сапоге?

— Извольте ознакомиться и расписаться. — Продолжая стоять, гость протянул Джакомо Кваренги конверт. — К сожалению, задерживаться не могу, в столице итальянцев немало, и мне надобно каждому лично вручить подобное послание. Вынужден также сообщить, что наше посольство уже завтра ждет от вас ответ, ибо дело сие чрезвычайной важности, и задержка недопустима.

Поняв, что гость к долгой беседе не расположен, архитектор распечатал конверт и быстро ознакомился с содержанием.

«...Всем итальянцам, состоявшим на русской службе, приказано вернуться в Италию... в случае отказа каждый ослушавшийся будет незамедлительно приговорен к смертной казни, с конфискацией имущества!.. Король Италии».

Он хотел что-то сказать посетителю, но того уже не было. Лишь громкий стук входной двери засвидетельствовал, что чиновник ретировался по-английски, поспешно и не прощаясь.

Джакомо подошел к окну, долго смотрел на проезжающие внизу кареты и спешащих по своим делам людей разного чина. Затем, позвав супругу Анну Катерину Конради, протянул ей королевский вердикт:

— Что скажешь, дорогая? Как поступим? Будем паковать дорожные баулы или останемся?

— Последнее слово всегда за вами, мой господин, — ответила Анна. — Господь всегда посылает нам испытание по силам нашим. Вспомните, как девятнадцать лет назад во время родов покинула этот бранный мир ваша первая жена. И на вашем попечении осталась новорожденная девочка и четверо малолетних детей. Вы тогда покинули Россию, перебрались в Бергамо, но все же через два года вернулись. По всему выходит, что ваша родина отныне здесь, и, полагаю, уже навсегда, ибо правитель Италии слов на ветер не бросает. Окажетесь в его владениях, велит казнить без всякой жалости.

— Я тебя услышал, спасибо. А теперь ступай, мне надобно подумать.

Кваренги, покашливая и кряхтя, опустил на стул. Прожитые годы брали свое.

— Сделай милость, принеси мне кьянти. Нет, лучше завари кофе. Сейчас мне потребна трезвая голова, — крикнул он вслед супруге.

Оставшись один, архитектор предался воспоминаниям. Перед глазами пронеслись годы далекой юности, споры с отцом Антонио по поводу выбора профессии. Старший Кваренги настаивал, чтобы сын не смел нарушать семейную традицию. В случае если родятся три сына, два из них должны принять сан священнослужителя. И Джакомо, младший, второй, обязан пройти курс обучения в известном в Бергамо коллеже «Милосердие», а затем облачиться в рясу.

«...не могу достаточно выразить отвращение, с которым я предавался таким занятиям. Но не буду отрицать, что в курсе риторики я чувствовал особенную склонность к поэзии, и что мне до крайности нравились три изящнейших латинских поэта — Катулл, Тибулл и более всех Вергилий, из которых я перевел в итальянских стихах несколько произведений... но склонность, сильно влекшая меня к художествам, не позволявшая, чтобы я стал ни поэтом, ни философом, ни духовным лицом, была причиной того, что я извлек мало или совсем не извлек плодов из таких упражнений».

*Джакомо
Кваренги*

В конце концов родитель сдался. Видя, как его наследник всецело увлечен изобразительным искусством, отправил его учиться рисованию у лучших художников города Бергамо Паоло Бономини и Джованни Раджи.

Но юный бунтарь на этом не успокоился. Он утверждал, что манера их преподавания — устаревшая!

— Раз тебе и это не по нраву, остается одна дорога — в монастырь Сан-Кассино! — в гневе стукнул кулаком по столу отец. — Примешь обет послушания и будешь всецело служить господу нашему Иисусу Христу.

— Отпусти меня в Рим. Там есть люди, у которых можно получить

хорошие знания в области живописи и архитектуры. Обещаю, семью не подведу и фамилию не опозорю.

Настойчивость юноши была столь велика, что отец, поколебавшись, согласился с этим решением...

Кваренги открыл глаза и посмотрел на чашку с ароматным напитком. Супруги рядом не было. Она прекрасно понимала состояние мужа и, принеся кофе, тихо вышла из комнаты.

Джакомо попытался вспомнить, как пахнет кофе в далеком Риме, но не смог, а потому, закрыв лицо руками, вновь предался воспоминаниям.

«Аббат Торп познакомил меня со знаменитым меценатом Редзониго.

И тот не побоялся заказать у меня проект церкви в Субиако. Проблема была в том, что ее надо было не построить с фундамента, а переделать уже имеющееся здание, причем изменения должны были быть минимальными. Пришлось изловчиться и создать новый храм внутри уже существующего»...

Он в два глотка выпил ароматный напиток и поставил чашку на стол. Вспомнил, как, почти не колеблясь, принял предложение императрицы северной страны, как долго добирался через Крым до столицы огромного государства, как приступил к своей первой работе, перестройке дворца Ее Высочества на реке Яузе. Затем были православные церкви в Царском Селе, Павловске и Пулкове, Английский дворец в Петергофе, Эрмитажный театр на Дворцовой набережной, реконструкция покоев царицы в восточной части Зимнего дворца, Мальтийская капелла при Воронцовском дворце — это уже при правлении ее сына Павла I, который и присвоил ему звание архитектора высочайшего двора и капитула ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Потом было строительство Смольного института. Это уже при нынешнем самодержце Александре I.

Воспоминания архитектора прервал звон убираемой посуды.

— Так мы остаемся или нет? — тихо спросила Анна.

— Моя родина отныне и до окончания дней — Россия, — ответил ей

Джакомо и, опираясь на стол, поднялся...

Два года спустя Джакомо Кваренги получил потомственное российское дворянство и за выдающиеся заслуги был награжден орденом Святого Владимира I степени.

Он тихо скончался 2 марта 1817 года. Его тело было предано земле на католическом участке Волкова кладбища.

Сорок три года спустя место его последнего упокоения было утеряно.

В начале шестидесятых годов прошлого века могилу знаменитого итальянца и русского дворянина отыскивали. А в 1967-м году его перезахоронили на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

«Значение Кваренги в истории русского зодчества конца XVIII и начала XIX века очень велико. Величайший мастер своего времени, не знавший себе равного в целой Европе, он является в значительной степени создателем той архитектурной физиономии, которую имеет Петербург. Ибо здесь еще до сих пор стоят почти нетронутыми десять грандиознейших зданий из числа выстроенных им. Но со смертью Кваренги дух его архитектуры не умер, и он нашел себе достойного продолжателя в лице даровитого К.И. Росси, довершившего начатое им дело украшения столицы. В Европе нет столицы, которая была бы так богата архитектурными сокровищами строгого вкуса» (Игорь Грабарь). □

Мария Аронова

Мария Аронова — это женщина, всегда вызывающая улыбки у зрителей. Народная артистка России не просто играет, она заражает своей сногшибательной и потрясающей энергетикой любого, кто так или иначе прикоснулся к ее творчеству — будь то театральная постановка, полнометражный фильм или многосерийный телесериал. В ее плотном графике было нелегко отыскать окно для интервью, но для нашего издания такое нашлось...

«Я очень стараюсь соответствовать тому, ради чего зрители ждут моего выхода на сцену»

Фото из личного архива

— Мария Валерьевна, какого вы сейчас ждете зрителя в театре?

— Не знаю, как сказать, какого конкретно зрителя... Надо говорить о том, что сейчас очень многие люди ходят в театр, театральные залы переполнены. Чему, конечно же, артисты очень рады, и у них появляется какая-то ответственность за

настроение зрителей. Я тоже ощущаю эту ответственность, скажу вам честно. У меня складывается впечатление, что не только за историей приходит человек в театр, не только за хорошим настроением, а за какой-то особой душевной теплотой. И я очень стараюсь соответствовать тому, ради чего они ждут моего выхода на сцену.

— Мне кажется, они приходят зарядиться вашим позитивом, вашей неиссякающей энергией. Вы как батарейка, от которой идет заряд даже через экран, и льется позитивная энергетика. Откуда она берется?

— Эту мощь и эту теплоту можно сравнить с традициями в Новый год, когда мы из последних сил ставим елку. Режем эти салаты, и уже мы еле-еле тащим ноги, но понимаем, что делаем это ради детей. Ну, дай бог, дожить бы до слов Владимира Владимировича по телевизору и лечь спать. Но вдруг в какой-то момент ты видишь радость ребенка при разворачивании подарков и понимаешь, что начинаешь от этого заряжаться. Я полагаю, дело именно в этом.

— В девяностые вы поступили в Театральное Щукинское училище. Расскажите, пожалуйста, как это происходило.

— Ну, во-первых, хочу сказать, что это необыкновенное счастье, что в моем детстве и юности не было таких штук, как ОГЭ и ЕГЭ. Иначе бы мир не узнал такой артистки, как Аронова, потому что сто процентов я бы не сдала ни ОГЭ, ни ЕГЭ. Эти наши дети, наше новое поколение — они для меня какие-то космические люди, потому что то, как и что они сдают — это за пределами разумного. Та подготовка, которая сейчас требуется от детей, совершенно немислима была бы для меня на экза-

менах. Поэтому я аплодирую всем нашим ребятам-школьникам, я восхищаюсь ими. А перед «стобальниками», считаю, нужно снимать шляпы и в полупоклоне их приветствовать. Что касается поступления, то я еще в свои школьные годы попала в руки к Тихоновой Ирине Николаевне, женщине с потрясающими режиссерскими способностями. Она посвятила свою жизнь юношеской театральной студии, что находилась рядом с моим домом. Я ходила к ней заниматься, участвовала в спектаклях. Она же готовила меня к поступлению: делала мне программу, занималась со мной по литературе, для коллоквиума. Мы с ней очень много читали. И на каждый экзамен Ирина Николаевна ездила со мной, болела за меня, и мне от этого было очень спокойно. Это первое. А потом, судьба была ко мне благосклонна, потому что на первом же прослушивании в Щукинском училище в комиссии присутствовал Владимир Владимирович Иванов. В дальнейшем — мой мастер, а теперь — мой творческий отец, с которым я иду рядышком с 1990-го года. Ведь если бы меня тогда не приняли, я не пошла бы испытывать судьбу второй раз. Но я попала в руки именно к Иванову и с первой минуты почувствовала, что я нравлюсь, и, похоже, меня возьмут — это придавало мне сил. Такое и сейчас происходит в моей жизни — то ли в силу моего характера, то ли это мои комплексы, но, если во мне

сомневаются, я не буду ничего доказывать, а просто уйду. Я могу существовать только тогда, когда я нужна. А вот эти соревнования в творчестве... В спорте мне нравятся соревнования, а в творчестве — я их не принимаю.

— Да, в детстве вы занимались спортивной гимнастикой, помните ли то время? Вы ведь с тех и до сих пор садитесь на шпагат!

— Я думаю, что в силу моего характера, скорее всего, добилась бы больших результатов, потому что человек я упорный, не щадящий себя в том деле, которым занимаюсь. Но судьбой было предрешено не стать спортсменом, потому что я сломала ногу, это был мощнейший и сложнейший перелом по глупости. Четыре месяца я пролежала в гипсе, два месяца у меня было восстановление. Судьба дала понять, что мне надо заниматься другим. А насчет шпагата... вы сказали, что я сажусь на него благодаря тем самым спортивным занятиям, но это не так. Это дано мне от природы — такое качество природное моих мышц и моих суставов. По крайней мере, пока, на сегодняшний день. Что будет дальше, как поведет себя мой организм, взрослея и старея, — не знаю. Я всегда говорила себе, что у меня будут два самых главных достижения в жизни — если я когда-нибудь похудею и брошу курить. Вот это будут мои главные достижения и отношения с совестью.

Но, как известно, самыми страшными людьми мы являемся сами для себя. И самыми страшными адвокатами и судьями...

— Мария Валерьевна, какую вы книгу назвали бы своей любимой?

— Сейчас я могу сказать — «Война и мир». Это стало, как ни странно, для меня совершенным открытием. Когда мы в пандемию сидели дома, и я, понимая, что нас с дочкой Симочкой что-то должно объединять, придумала трехчасовые домашние чтения вслух, мы перечитали огромный объем литературы, и на сегодняшний момент любимой книгой своей я бы назвала «Войну и мир». Потому что мы с Симочкой прочитали этот роман от корки до корки. Симочка в один раз все четыре тома. И, вы знаете, я поняла, что мне очень обидно, что мы заканчиваем чтение.

— Как вы видите свою жизнь лет через 10–20?

— Я вообще боюсь загадывать. Боженьку благодарю за каждую минутку на Земле. В связи со всеми пандемиями сейчас вообще очень страшно загадывать что-то... Но если Богу будет угодно позволить мне пожить так, как я живу сегодня, то я держу кулаки за режиссеров, держу кулаки за людей, которые всегда будут любить русский психологический театр.

— Работа актера — тяжелый физический, моральный и пси-

хологический труд. Был ли в вашей жизни момент, когда хотелось все бросить?

— Актерскую работу мне никогда не хотелось бросать. У меня могли быть некие сомнения, какие-то творческие страдания в жизни, но чтобы бросить... к счастью, этого не было никогда. Потому что моя работа — это, в общем-то, мой воздух, без которого я не могу дышать. Конечно, самым правильным и настоящим воздухом для меня является моя семья, но я вижу себя только в этой профессии. Было бы не просто ужасно, если бы я ушла из профессии, это стало бы кошмаром наяву и для моих близких. Потому что тот выброс энергии, который я производжу в моих спектаклях, все это вываливалось бы дома. Думаю, что жизнь моих родных я превратила бы чудовищное испытание.

— Ваша энергетика просто бьет наповал!

— Об этом и речь. Поэтому под ударом были бы мои близкие. Я думаю, что их и так надо сильнее любить, чтобы им было хорошо и комфортно жить со мной.

— Мария Валерьевна, а в детстве и юности у вас были кумиры?

— Я никогда не собирала автографы. Думаю, это в первую очередь связано с моей гордыней, с которой я и сейчас, в свои 50 лет, продолжаю бороться. Мы, наверное, всю жизнь над собой работаем, «ставя

себя на горох». И все-таки была актриса, на которую я равнялась, которая вызывала у меня трепет — это Наталья Георгиевна Гундарева. Совсем недавно мы с Борисом Васильевичем Щербаковым играли наш спектакль в театре имени Маяковского. И там была прекрасная женщина, которая следит за порядком, и я ее попросила включить свет у двери гримерки Натальи Георгиевны, что находилась в темноте. И она включила, и я постояла возле, как у стены плача.

— Если продолжить тему об ушедших, вам посчастливилось работать с Говорухиным. Каким он был человеком?

— Станислав Сергеевич имел для меня огромный вес. Он был лев, огромный, мудрый. А еще необыкновенный умница. У него был потрясающий интеллект, и если были полчаса-час, когда Станислав Сергеевич о чем-то рассказывал, говорил о каком-то литературном произведении, о живописи или музыке, хотелось просто не сводить с него глаз. Прийти и сидеть в облаке его трубочного дыма. Да, старая школа такая — правильный разбор материала, очень нежное отношение к артисту, к тому, что он делает, подсказки и, конечно, абсолютный авторитет, что для меня является счастьем. Если я прихожу на площадку, на репетиции в театр, и состав не уважает режиссера, я вижу, что это непра-

вильно — капитан корабля должен быть уважаем. А когда входил этот «капитан корабля», казалось, что даже стены вытягиваются.

— В одном интервью вы сказали, что жизнь для вас разделилась — до смерти мамы и после. А какой она вам запомнилась?

— Если вы закроете глаза и представите себе самое прекрасное место, где вы отдыхали, где вам было хорошо, тепло, спокойно, уютно, то это и будет та атмосфера, которую умела создавать мама... У каждого человека это разные ассоциации. У кого-то это стены дома, у кого-то — прекрасный берег маленькой речушечки во время летнего солнца. Мне сложно объяснить, но это прекрасное состояние абсолютной защищенности и необыкновенной любви ко мне.

— Что для вас главное в творчестве и в семейной жизни?

— Наверное, честность — это одинаково важно как в личной жизни, так и в работе. Честность, справедливость. Это сложная история, сложная потому, что ты должен сказать себе: «Я никогда не совру», а это трудно сделать...

— Ваш сын, Владислав пошел по вашим стопам и играет с вами на одной сцене в спектаклях. Что вы можете о нем сказать как о партнере?

— Великолепный! Он никогда не перетянет на себя одеяло, всег-

да знает текст свой и партнера. С ним очень легко репетировать. Очень! Он настолько терпелив, настолько не переходит границ дозволенного! Я раньше думала, что это только по отношению ко мне, но нет. Для меня бальзамом явились слова Юлии Рутберг, которая очень его хвалила. А еще нет ни одного замечания со стороны гримерного и костюмерного цеха, а это очень важно, потому что это один из показателей правильного воспитания артиста.

— Как вы сами объяснили бы свой успех в театре и в кино?

— Мне кажется, это вера моих родителей в нас. Потому что то, что я стала актрисой, а брат — художником, это, как я считаю, родовое накопление. Очень много прекрасных и талантливых людей по каким-то причинам не стали этим профессионально заниматься. А в нас с братом это все сконцентрировалось. И, конечно же, как говорят, все идет из семьи. Вот эта вера мамы в нас и придавала нам возможность идти дальше. Мы шли, и нас поддерживали дома. А потом, уже вне дома, мы попадали в хорошие руки — это абсолютно Божий промысел. Тебя могут научить системе Станиславского или рассказать, что такое труды Михаила Чехова — все это прекрасно и нужно. Однако то воспитание, которое я получала от своего мастера, то, как он за мной следил, к примеру, видел, как у меня начинается «звездная болезнь», или

видел мое неправильное отношение к тому или иному событию, и вот тогда тебе, студенту, который вроде бы, с точки зрения педагога, одарен, задается вопрос: «А ты никогда не думала, почему Петрову или Сидорову не дали роль, а дали тебе? В связи с чем это произошло? Ты считаешь, потому что это именно ты? Ошибаешься! Это не является твоей собственностью. Это является твоим крестом, тем знаменем, который ты должен нести. Ты не его хозяин, ты ему служишь. Служишь таланту, возможности, органике, которым тебя наделил Господь Бог, дала природа. И если ты это воспринимаешь как дело, ради которого тебя на эту землю привели, то ты будешь правильно работать».

— Возвращаясь к вашей студенческой юности: какие главные творческие заветы вы вынесли из своей учебы в Щуке?

— Ну, во-первых, о чем я уже только что сказала, твой талант — это крест, которому ты должен служить, тебе он не принадлежит. Во-вторых, однажды я сказала своему мастеру, Владимиру Владимировичу Иванову: «Вы знаете, мне кажется, я неправильная актриса». — «Почему?» — задал он мне вопрос. На что я ему ответила: «Если передо мной поставят мою семью, моих близких, моего ребеночка (на тот момент у меня был только Владик) или сцену, то я выберу семью». «Вот благодаря этому я тебя так и лю-

блю, поэтому я тебя и взял, — с улыбкой произнес Владимир Владимирович. — Ты не путаешь свою работу, сцену, с жизнью», — пояснил он мне. И вот эти его слова стали для меня абсолютно верным, правильным стартом.

— Вы — обладательница многочисленных наград, премий, званий. Чем они являются для вас?

— Мне это очень приятно, я знаю, что это порадовало бы и моего папу. Ой, как он был бы доволен! Что же касается меня — приятно, когда оценивают мои работы. Это всегда необыкновенное счастье.

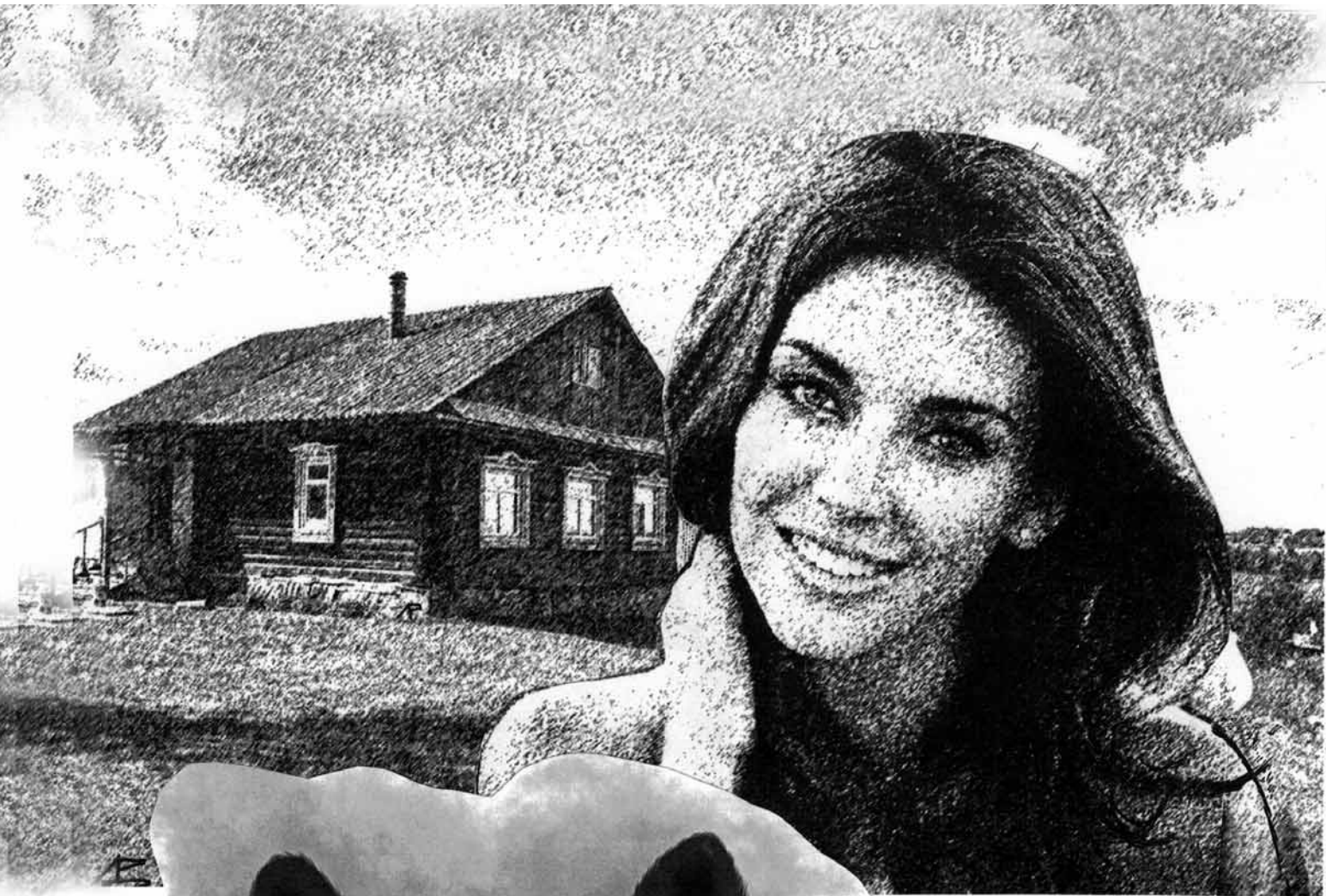
— Мария Валерьевна, вы крестились во взрослом возрасте. Что вас подтолкнуло на этот шаг?

— Ирина Николаевна Тихонова. Это не просто мой первый наставник, а тот человек, который привел меня к вере. Я покрестилась во время экзаменов, а точнее, перед написанием сочинения в театральный вуз. А мамочка моя крестилась за три дня до смерти.

— Ваши пожелания читателям?

— Я всем желаю здоровья, и еще раз здоровья. Потому что когда человек здоров, у него все получится! □

Беседовала *Дарья Парчинская*

Юлия Макарова

ПРОДАЕТСЯ ДОМ.

Обязательно с собакой

Накинув на плечи куртку, Алена вышла на балкон и глубоко вздохнула. Вот и прошел ее день рождения! Вдоволь навеселившись, наплясавшись и съев почти все вкусности, что она наготовила, гости разошлись по домам. В квартире стало неожиданно тихо. Теперь на кухне хозяйку дожидалась гора грязной посуды, но это нисколько не тяготило Алену. «Вот сейчас передохну немного и все перемою!» — пообещала она себе, открывая балконную дверь.

Праздник удался на славу, да оно того и стоило — ведь не каждый день человеку исполняется тридцать лет! Родители, к сожалению, жили далеко, к ним она выбиралась только раз в год, и их не было на юбилее дочери. Однако они сделали ей щедрый подарок — зная о ее планах приобрести собственную квартиру, перевели приличную сумму денег. «Покупай себе жилье, доча, и ищи жениха хорошего!» — напутствовали родители Алену. Она только улыбнулась. Женихи, да еще хорошие, нынче были в дефиците! Иногда появлялись на горизонте ухажеры, но до серьезных отношений дело никак не доходило.

Перемыв посуду, Алена взяла в руки планшет. Организм спать явно не собирался, завтра был выходной день, так что можно еще пободрствовать. Пробежав глазами по строчкам новостей, девушка вдруг на секунду задумалась, а потом забила в поисковик задание о продаже жилья. Если честно, Алена толком не знала, что именно хочет приобрести. Она уже несколько лет откладывала деньги, но сумма пока набиралась незначитель-

ная, потому никакие варианты она не рассматривала и планы не строила. А подарок родителей вообще оказался полной неожиданностью! Однако именно он позволял теперь приступить к поискам...

На следующее утро Алена вышла из дома с твердым намерением посетить несколько адресов. То, что предлагали к продаже, ее вполне устраивало, но нужно было посмотреть «вживую».

Первый вариант Алена отвергла сразу, как только вошла в подъезд. Квартира была неплохая, но сам подъезд и лестничные пролеты (жилье располагалось на третьем этаже) были просто в ужасном состоянии! Чтобы проходить через эту грязь каждый день как минимум два раза?! Нет, нет и нет!

Второй адрес Алене приглянулся, но она решила посмотреть еще один, чтобы было из чего выбрать. В итоге она вышла из третьей квартиры довольно задумчивая. Второй и третий варианты были почти идентичны, даже прихожие в обеих квартирах были поклеены одинаковыми обоями! Вот и выбирай теперь! Был у нее еще один адрес, но по нему ехать уже не хотелось. Пожалуй, стоит выбирать из этих двух. Она обернулась и посмотрела вверх, на окна квартиры. Второй этаж, тихий дворик. Вот, и лавочка возле подъезда имеется, и даже обжита — пока Алена находилась в квартире, на скамейку уселись две старушки. Добренько так все, по-домашнему. Это подкупило Алену, и, решив, что этот вариант ей нравится все-таки больше, она потихоньку пошла к своей машине и вдруг краем глаза заметила на столбе какое-то объявление. Крупными буквами на нем было напечатано:

Внимание! Внимание! Внимание!

Продается дом.

Обязательно с собакой.

И внизу номер телефона на аккуратно надрезанных полосочках.

Алена улыбнулась — смешное такое объявление! Потом нахмурилась. Что же такое случилось, что дом продается именно вместе с собакой? Если хозяин или хозяйка покинули жилище, то почему пес оказался не пристроен, почему он никому не нужен?

Собак Алена любила с детства, они всегда были в их доме. Только, покинув родное гнездо, ей пришлось довольствоваться наблюдениями за чужими питомцами — хозяйка съемной квартиры категорически запрещали заводить какую-либо живность.

Скорее из любопытства она оторвала полоску с номером телефона и, сев в машину, решила позвонить.

Ей ответили почти сразу, словно ждали ее звонка. Женский голос, явно принадлежавший не молодой даме, озвучил начальную цену и назвал точный адрес.

— Торг уместен, но лучше вы сами приезжайте и смотрите, что к чему. Через полчаса? Да, хорошо... — И трубка замолчала. Конечно, имелось еще много вопросов, но что поделаешь... А, может, и правда, лучше на месте все посмотреть? Алена глянула на часы. По времени она вполне успевала.

Небольшая, всего из пары улиц, деревенька давно уже вплотную примкнула к городской окраине. До места работы Алены буквально минут пятнадцать езды. И все-таки это — деревня. Что за дом там могут предлагать?

Однако подъехав к искомому жилищу, Алена почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Дом небольшой, но ухоженный, и он сразу ей приглянулся. Денег, правда, до нужной суммы немного не хватало, но ей вспомнились слова, что торг уместен, да и занять можно.

Выйдя из машины, Алена немного постояла, разглядывая дом, благо он не был скрыт глухим забором, изгородь, сделанная из штакетника, позволяла видеть и сам дом, и территорию вокруг него.

— Это вы приехали дом смотреть? — вдруг раздался за ее спиной чей-то голос.

Она обернулась и увидела идущую к ней женщину лет шестидесяти. Немного грузная, на голове — легкая косынка, одета в рабочую одежду, на ногах — резиновые сапожки.

— Я, — подтвердила Алена.

— Вы быстро приехали, извините, я не успела переодеться. Убираемся возле дома, субботник, так сказать. Я не хозяйка, я напротив живу. А хозяин дома в аварии погиб полгода назад. Дочка его далеко живет, вот мне и отдала ключи, чтобы я дом показывала, да за Тобо присматривала. Кстати, я вам не сказала, собака-то большая! — в голосе женщины послышалось сомнение. — Не испугаетесь?

— А она не кусается? — слегка улыбнувшись, спросила Алена.

— Да нет, но... Собака ОЧЕНЬ большая и довольно своеобразная.

— А порода какая?

— Ой, все забываю... Американская — точно помню... Акита — вот как!

Алена не была великим специалистом по собакам, и такой породы не знала. Признавшись в этом, она поинтересовалась, почему собака предлагается именно вместе с домом.

Женщина грустно усмехнулась и рассказала, что погибший хозяин два года назад взял Тобо совсем маленьким щенком. Мужчина был бывшим военным, жил один — жена лет десять как умерла, а дочь проживала очень далеко. Потому всю свою любовь он отдал Тобо. Вырастил, воспи-

тал в строгости. И тут такое несчастье! Осенью хозяин погиб... Приехавшая на похороны дочь с семьей, конечно, были раздавлены горем, но попробовали пристроить питомца в добрые руки. История оказалась непростая — собака категорически не хотела покидать дом! Нет, Тобо не противился тому, что его уводили со двора, но, оказавшись в другом месте, просто переставал принимать пищу и воду!!! Последний раз собаку перевезли почти за сотню километров отсюда, но он вообще сбежал от новых хозяев. Думали — все, погибнет, но пару недель назад Тобо, ослабевший и очень худой, со сломанным пальцем на передней лапе, вернулся домой. Пришел и лег у калитки. И все. Вот тогда люди, наконец, поняли, что к чему. Теперь он проживал в этом доме один.

— Потому-то я и говорю, что собака своеобразная. А так Тобо — добряк. Я приглядываю за ними обоими — и за домом, и за собакой, — улыбнулась соседка. — Кормлю бедолагу, а еще один человек занимается с ним, выгуливает, мне-то самой такое дело не под силу. Вступив недавно в права наследства, дочь хозяина решила продать дом, и непременное условие при продаже — что верный пес должен остаться в нем.

— А если кто-то купит дом, а потом избавится от собаки? — спросила Алена.

— Мы и об этом думали... Дочка хозяина предложила вернуть некоторую сумму через два года, если Тобо останется здесь, и с ним все будет хорошо. Опять же и я рядом, вижу, что к чему, не слепая, и из ума не выжила. Ну что, пойдете смотреть?

— Да, — твердо ответила Алена.

— Тогда я сейчас ключи принесу, а вы меня тут подождите. Тобо еще закрыть надо, а то он во дворе гуляет. — Немного ковыляя — у женщины явно были проблемы с ногами, — соседка направилась к дому напротив.

Алена же, глубоко вздохнув, шагнула ближе к калитке, на которой висела табличка, предупреждающая о наличии собаки, и, опустив на нее взгляд, вдруг замерла... Через щелку в калитке на нее смотрел большой круглый глаз, полный любопытства. Псу, видимо, было не очень удобно разглядывать незнакомку одним глазом, а двумя одновременно не получалось, и тогда он стал двигать головой, рассматривая Алену поочередно то правым, то левым глазом.

— Привет, Тобо! — тихо произнесла Алена. — Я к тебе в гости приехала. Примешь меня?

Тут за спиной послышались шаги соседки.

— Ой, да вы все-таки подошли! — воскликнула она, держа ключ наготове. Заметив собаку, с неподдельной лаской обратилась к ней: — Тобо, и ты здесь!

— Да, мы с ним поздоровались и даже познакомились, — радостно сообщила Алена.

— Погодите, я все равно сначала его в вольере закрою, а то мало ли чего... И сразу предупреждаю — вы только не пугайтесь, выглядит он сейчас неважнецки, еще не оклемался от своего последнего «путешествия». А так — отличный пес, и красавец, каких поискать! Команд много знает.

Алена не стала ждать и решительно заявила, что собаку не нужно закрывать, они с Тобо будут знакомиться. Соседка с сомнением посмотрела на нее, но все же открыла калитку.

Было понятно, что это очень крупная, но сильно исхудавшая собака. Густая, песочного окраса, шерсть уже начинала местами выбиваться «перышками» перед линькой. Морда была темно-коричневая, почти черная, и это придавало псу схожесть с медведем. Сложенный колечком длинный хвост с белой кисточкой на конце и белоснежное, почти правильной формы, сердечко на груди.

Тобо спокойно пропустил вошедших во двор. Он стоял чуть поодаль и никакой агрессии не проявлял.

— Сколько, вы говорите, ему лет? — недоверчиво переспросила Алена.

— Не верится, что ему всего два года? — усмехнулась соседка. — Думаете — старик? Поверьте — нет! Два года всего Тобушке, Валерий Михайч как раз на майские его маленьким привез. Ну, да, голод — не тетка. Мы и сами, когда Тобо вернулся, с трудом его узнали — доска-доской был, едва стоять мог. Палец на лапе сломан, все ребра — на перечет. Он всего недели две назад пришел, не успел поправиться. Сразу нельзя много еды давать, а то хуже будет. Вот и откармливаю потихоньку. Я кормлю, а Костя приходит вечером, гулять его в поле выводит. Собака-то большая, ей надо много двигаться. Только Костя уехал на пару недель, вот и сидит наш Тобо пока без прогулок. С моими-то ногами не больно нагуляешь. А как он выглядит сейчас — это ерунда, поправится и вес наберет. Так-то он красавец на самом деле, вы уж мне поверьте! Да, Тобо?

В ответ на ее слова колечко хвоста приветливо шевельнулось.

— Понятно, — кивнула головой Алена.

Она смотрела на пса, он — на нее. Казалось, что они оба прицениваются друг к другу, словно задавая одни на двоих вопросы: ты кто? какой (какая)? чего от тебя следует ожидать? Вдруг Тобо, не сводя глаз с незнакомки, склонил голову сначала в одну, потом в другую сторону и обратно. Выглядело это настолько забавно, что обе женщины дружно рассмеялись. Их смех словно подтолкнул собаку, и Тобо шагнул к Алене. Глянул на нее снизу вверх таким доверчивым взглядом, как могут смотреть только маленькие дети... и собаки! — и сердце ее дрогнуло. Нет, невозможно

лишать такого пса дома, ну никак нельзя! Сколько же ему довелось пережить, перетерпеть, снова и снова отстаивая свое право жить здесь! Да и разлука с любимым хозяином наверняка далась ему очень тяжело, и сейчас именно этой преданностью дому Тобо наверняка пытается показать, что он остается верен ему, человеку, вырастившему и воспитавшему его.

Огромная голова прижалась к Алене, глаза собаки неотрывно смотрели на нее, и рука помимо ее желаний легла на большой лоб Тобо. Он замер и довольно прищурился.

— Надо же, разомлел-то как! — покачала головой соседка. Ее, кстати звали Мария Юрьевна, и она сразу предложила: «Зовите меня тетя Маша, мне так привычнее». — Он вообще очень ласковый, не смотри, что такой большой! Хотя какой он большой? Два года всего.

— Так что ты еще совсем не взрослый, правда? — произнесла Алена, продолжая гладить голову Тобо.

Он приоткрыл пасть и улыбнулся.

Если вы скажете — как это так, разве собаки могут улыбаться? Они же не люди! И будете не правы, тысячу раз не правы! Спросите любого собачника — и получите такой ответ: наши четвероногие друзья умеют делать все то же самое, что и мы с вами! Они точно так же умеют улыбаться, точно так же плачут, радуются и огорчаются. Собаки одной своей мордахой могут выразить целую гамму самых различных чувств!

— Ну, что, пошли, показывай нам свои владения! — махнула рукой Алена, и они втроем направились к дому.

Алене все понравилось, даже очень понравилось! Прикинув про себя, где добрать необходимую сумму, она дала согласие на покупку дома, только попросила подождать несколько дней, чтобы собрать деньги. Соседка позвонила дочери погибшего хозяина, и они договорились с Аленой о встрече через неделю.

Спустя пару дней, проштудировав кучу статей и просмотрев не одно видео про американских акит, Алена не выдержала и, купив всяких вкусняшек, после работы собралась навестить Тобо.

Предварительно она созвонилась с соседкой, и они договорились, что тетя Маша сама придет с ключами, как только увидит, что Алена приехала.

Алена уже предвкушала радостную встречу с Тобо, но тут случилось непредвиденное — забарахлила машина. Пришлось взять такси.

Доехав до места, она подхватила большой пакет с гостинцами и направилась к калитке. Каково же было ее удивление, когда та распахнулась прямо перед ее носом! Выглянув из-за пакета, Алена увидела самого на-

стоящего богатыря! Молодой, плотного телосложения мужчина тоже застыл от изумления.

— Ой! — только и произнесла Алена, опешив от неожиданности. — А вы кто?

— А вы? — последовал встречный вопрос. Незнакомец перевел недоуменный взгляд на огромный пакет в руках девушки.

— Я? А вы-то кто? И что тут, собственно, делаете?

— Я помогаю тете Маше ухаживать за собакой. Вот, мы на прогулку собрались.

Тобо действительно стоял в проеме калитки чуть позади мужчины и вполне миролюбиво поглядывал на Алену.

Тут она вспомнила, что Мария Юрьевна говорила о каком-то человеке, выводящем Тобо на прогулку, даже называла имя, но оно тут же вылетело из головы.

— Понятно... А я собираюсь купить этот дом!

— Вы?! — Незнакомец удивленно поднял брови.

— Я! А что такого?

— Да нет, ничего... А вы про собаку в курсе? Не испугаетесь?

— В курсе, и не испугаюсь. К тому же мы с Тобо уже знакомы!

Занятые разглядыванием друг друга, молодые люди не заметили приближения тети Маши.

— Костя! Ты приехал? — радостно воскликнула женщина. — Вот Тобо-то рад, я ведь его только по участку отпускала погулять! Пока тебя не было, у нас, видишь, какие перемены! Валерия Михалыча дом продаем...

— Понятно, — качнул головой Константин, и в его голосе Алене послышалась грусть. Ему что, дома жалко, что ли? Но по тому, как он глянул на Тобо, девушка вдруг поняла, что он думает не о доме, а о собаке, и поспешила успокоить молодого человека:

— Да вы не переживайте, я его не обижу! — она поспешила успокоить молодого человека. У нас дома всегда собаки были, так что я привычная!

— Акиты — не просто собаки... — покачал головой Костя и вдруг спохватился: — Да давайте уже этот пакет, что вы его держите!

Пакет переключался в мужские руки, и это неожиданно разрядило небольшое напряжение, возникшее было между молодыми людьми.

— А вы бы сходили, вместе с Тобо погуляли, а? — предложила тетя Маша. — Костя вам заодно больше о нем расскажет. Он хорошо Тобушку знает, я-то его только кормила.

— Если прекрасная незнакомка согласится... — усмехнулся Константин.

— Ой, а вы еще не познакомились? — удивилась тетя Маша.

— Да как-то не успели, — Константин улыбнулся.

— Алена, — коротко кивнула девушка, внутренне немного напрягшись: они же с этим человеком совершенно не знакомы, о чем им говорить?

Однако она зря переживала, прогулка, на удивление, прошла довольно непринужденно. Весь разговор, естественно, крутился только вокруг Тобо. А тот, величаво вышагивая по дороге, казалось, совсем не обращал внимания на собак, поднимавших лай за чужими заборами.

Когда отошли подальше в поле, Константин снял с Тобо поводок. Алене понравилось, что пес послушно выполнил команду «сидеть» и не поднимался с места, пока не получил команду «гуляй». Но, даже услышав это разрешение, он не сорвался с места, а принялся неторопливо обследовать местность.

Константин рассказывал о Тобо, о его привычках и повадках, потом вдруг резко замолчал, а через минуту тихо добавил:

— Не буду скрывать — я привязался к нему. Очень привязался. Думаете, наверное, почему я его себе не беру?

Алена кивнула.

— Тетя Маша наверняка рассказала вам его историю, и вы уже знаете, что он никуда не хочет из дома уходить. Я пробовал уводить его к себе, но Тобо сначала искал возможность сбежать, а потом просто ложился и отказывался от пищи. Но только открываешь дверь — и он пулей летит к себе домой.

— Понятно. А из своего дома он не убегает? — спросила Алена.

— Нет. Хотя эта порода и склонна к «самоволкам», но за этим парнем такого греха не числится. Я несколько раз даже калитку оставлял открытой — подойдет и стоит, смотрит на улицу и все, дальше ни шагу. Только из новых мест жительства убегал, потому что четко домой стремился.

Тобо, словно поняв, что говорят именно о нем, обернулся, потом подошел, сел перед ними и, подняв большую голову, посмотрел сначала на Алену, потом на Константина. И снова его мордаха улыбалась. Тобо явно был счастлив...

И вот Алена переехала в купленный дом. Пока разбиралась что к чему, раскладывала вещи по местам, наступил глубокий вечер, и она так устала, что в буквальном смысле слова упала на диван. Тобо, которого она впустила в дом сразу по приезде, подошел к ней и положил голову на край дивана. «С ним надо погулять!» — молнией мелькнула мысль, но сил у Алены уже не было.

— Тобушка, милый! Я понимаю, что ты хочешь на прогулку, — почти простонала она, глядя собаку, — но я так устала...

Тобо шумно вздохнул и покорно улегся рядом с диваном. Пару минут царило безмолвие. «Боже! Что же я делаю! — пронеслось вдруг в голове девушки. — А ну, давай, Аленка, вставай! Ты теперь не одна!»

Вечер был тихий и теплый, на небе, словно горячий блин, желтела полная луна. В поле, где они выгуливали собаку вместе с Константином, Алена не пошла, но по обеим улицам деревеньки они с Тобо неспешно прогулялись. Близость к большому городу не дала деревне зачахнуть, наоборот, она разрослась, большинство строений были новыми или обновленными. Возле одного из домов на соседней улице пес вдруг приостановился и вопросительно посмотрел на хозяйку.

— Что такое, Тобо?

Не поняв причины его остановки, Алена повернула голову в сторону дома и стала рассматривать его. Одноэтажный, но явно просторный, кирпичный дом смотрел на улицу широкими трехстворчатыми окнами. В них горел свет, и она вдруг заметила знакомую фигуру — богатырь Константин вошел по комнате, наклонился... А когда выпрямился, в его руках появился карапуз лет трех. Сильные мужские руки принялись легко поднимать и опускать малыша, играя с ним. Алене даже почудилось, что она слышит их веселый смех.

В другом окне показалась молодая женщина, задвигавшая штору. «Ну что это я подсматриваю за чужой жизнью! — обругала себя Алена, с удивлением почувствовав, как неприятно царапнуло где-то внутри. — Люди живут, у них семья... Мне-то что до этого!» Опустив голову, она встретилась взглядом с Тобо.

— Ну, что, малыш, ты хотел мне показать, где живет твой друг? — погладила она собаку по голове. Тобо шумно вздохнул, и они пошагали дальше...

А спустя несколько дней Тобо пропал. Это было субботнее утро, и Алена, накануне сильно устав на работе, позволила себе поспать подольше. Проснулась от сопения Тобо. Рядом с собой. Да, конечно, он же хочет гулять — пронеслось в голове. Она поднялась, прошлепала к входной двери, сонно проговорила: «Погуляешь пока один, ладно?» — и снова провалилась в сон.

Когда Алена встала, на часах уже было девять часов. Умывшись, она занялась приготовлением завтрака. Наложила каши и в собачью миску — бывший хозяин был категорически против сухих кормов и приучил питомца к кашам, — налила свежей воды и пошла звать Тобо. Однако на ее призыв пес не явился. Прошло несколько минут, и ей пришлось повторить приглашение. Но Тобо не появился и на сей раз.

Алена вернулась в дом, накинула на плечи куртку и вышла во двор. Где же он может быть? Что так заинтересовало Тобо, что привлекло его внимание, раз он он не идет на ее зов? Все дни, что они жили бок о бок, этот умнейший парень демонстрировал ей стопроцентное воспитание. Тобо принял новую хозяйку всем сердцем, как, впрочем, и она его. Обыскав весь двор, Алена поняла, что Тобо здесь нет. Сердце сжала тревога — такое приключилось впервые! Неужели он убежал?! Но как, где нашел лазейку, ведь калитка по-прежнему была крепко заперта изнутри! И почему Тобо убежал? Куда он мог податься? Не натворил бы бед — напугает еще кого, а хуже, если повстречает другую собаку!

Алена выскочила на улицу. Сначала кинулась к тете Маше, но та не видела Тобо. Пожилая женщина разволновалась, схватилась за сердце и воскликнула:

— Вот ведь озорник, из своего дома никогда и шагу не сделал! Куда его понесло?

— Это, наверное, я плохая хозяйка, раз он сбежал! — Алена была готова разреветься.

— Вот еще, скажешь тоже! — возмущенно замахала руками тетя Маша. — Да он души в тебе не чаёт, я-то уж вижу! Он же при тебе опять таким красавцем стал, будто и не был доходягой! Не говори ерунды! Искать надо, Тобушка наверняка не просто так убежал, была на то веская причина! Вот только я тебе плохая помощница в этом деле с моими-то ногами...

Договорившись, что Мария Юрьевна будет непрерывно наблюдать за домом Алены и в случае, если Тобо вернется сам, немедленно позвонит ей, девушка выскочила на улицу, чтобы продолжать поиски беглеца.

Пройдя не по одному разу всю деревенскую улицу, она свернула на соседнюю и вдруг увидела, как из крайнего дома выходят Константин и... Тобо! Опешив от неожиданности и не веря свои глазам, Алена приостановилась. Не может быть! Этого просто не может быть!!! Она с ног сбилась, ища Тобо, а эта парочка так спокойно шествует!

— Ищите? — поравнявшись с ней, приветливо улыбнулся Константин.

— Ищу! — в сердцах бросила Алена. — Все утро ищу! Вы же говорили, что он не убегает от дома! А он взял и удрал! Чуть с ума не сошла, как представила, что он мог натворить без присмотра! А у вас он как оказался?

— Кстати, мы с вами не поздоровались, — снова улыбнулся Костя. — Здравствуйте, Алена!

— Здравствуйте, Константин! — ответила она. — И все же, как он у вас оказался?

— А он сам ришел к моему дому. Я поздно ночью с вахты приехал, вот, каюсь, проспал подольше. А когда встал, в окно глянул — и глазам не по-

верил: у калитки Тобо собственной персоной! Я сначала спросонья подумал, что вы следом идете, но потом сообразил, что вряд ли вы рискнете его по улице без поводка вести. Выскочил, завел его домой, потом оделся, ремень свой прицепил и — к вам! Подумал, что хватитесь, искать этого озорника будете.

— Спасибо! — искренне поблагодарила Алена и мысленно обругала себя за то, что сама-то она про поводок вообще забыла. Пришлось сознаться в этом Косте и попросить ремень на время.

— Мы вам сразу его вернем, вот только до дома дойдем. Так ведь, Тобо?

А тот сидел рядом, поглядывал то на нее, то на Костю и, как показалось девушке, хитровато улыбался.

— Да можете не спешить, этот ремень у меня не единственный. Но верните обязательно — так у меня будет возможность еще раз вас обоих увидеть!

— Соскучились по Тобо?

— Конечно! Вы его за эти две недели в такого красавца превратили! А вы сами... Как устроились? — отчего-то покраснев, спросил Константин.

— Я? Отлично устроилась!

— А ты, Тобо, хорошо себя вел все эти дни? Ну, не считая сегодняшнего побега, конечно! — обратился Костя к довольной собаке.

Алена не удержалась и рассмеялась.

— А гулять в поле ходите? — продолжал интересоваться Костя.

— Ходили несколько раз. Каждый день не получалось — было много хлопот с переездом. Потом все понемногу улеглось, так что теперь у нас с ним больше возможностей.

— А можно как-нибудь составить вам компанию? Эти две недели я дома. Если вы, конечно, не против...

— Я? Да нет, я не против, — ответила Алена и, не удержавшись, чуточку съязвила: — А ваши домашние не будут против?

— Мои домашние? — Костя неожиданно широко улыбнулся. — Думаю, что нет.

И в этот момент в кармане его куртки раздалась трель сотового телефона.

— Извините, срочный звонок, — произнес он.

— Ну и мы с Тобо пойдем, не будем вам мешать.

Костя извиняюще посмотрел на Алену, шагнул, было, за ними, но она прощально махнула ему рукой, и они с Тобо отправились домой.

Эта машина появилась возле ее дома ближе к вечеру. Небольшой серый фургончик — Алена не разбиралась в марках машин, и потому не

могла сказать, что именно за автомобиль проехал несколько раз туда-сюда, немного притормаживая напротив ее дома. Да она сначала и не обратила на него внимания. Но, когда зашедшая ненадолго тетя Маша первая заговорила про машину, Алена вспомнила, что уже видела ее.

— А я думала, что тебя какой-нибудь кавалер высматривает, — пошутила соседка.

— Да нет, не меня. Да и нет у меня никаких кавалеров, я же говорила.

— Ну, это дело не хитрое! — мягко улыбнулась тетя Маша. — Сегодня нету, а завтра... Только эту машину я уже третий день, наверное, здесь вижу. Поездит-поездит и уезжает.

Все открылось ближе к вечеру. Алена уже собралась на прогулку с Тобо, но немного замешкалась на крыльце, закрывая входную дверь. И в этот момент стоявший неподалеку пес неожиданно напрягся, задрал голову, явно принюхиваясь к чему-то. Потом издал странный, какой-то плаксивый звук и ринулся к забору. Оттуда донесся похожий звук, и Тобо заметался по участку как сумасшедший. Мощными прыжками он носился вдоль забора, поскуливая и совершенно не обращая внимания на зовущую его Алену. А она, кубарем скатившись с крыльца, бегала за ним, не понимая, что происходит. Тобо, ее всегда послушный и ласковый Тобо, сейчас словно обезумел, ища выход на улицу.

И вот «невидимка», всецело завладевший вдруг вниманием собаки, стал удаляться. Тобо ринулся за ним, а у Алены больно сжалось сердце — в глубине двора стояла перевернутая бочка, вскочить на нее и перемахнуть через высокий забор для крупной собаки было делом нескольких мгновений. Поняв, что случилось непоправимое, Алена побежала к калитке. То, что она увидела, выскочив на улицу, показалось ей невероятным. Чуть в стороне от ее дома стоял раскрытый фургончик, а к нему бежал молодой мужчина. В его руках был короткий поводок, и он изо всех сил тянул за собой большую собаку, чем-то очень схожую с Тобо. А сам Тобо уже почти догонял их обоих. Однако мужчина успел первым. Он закинул свою собаку в фургон, а Тобо запросто вскочил в машинное нутро сам. Словно выстрел хлопнула закрываемая дверь, вторым выстрелом был звук закрывшейся двери рядом с водителем — за ней скрылся незнакомец. И машина тотчас же рванула с места.

Алена просто остолбенела от увиденного. Что, что это было?! Чтобы вот так, запросто, среди бела дня, у нее на глазах украли ее собаку?! Но кто это?! Зачем?! Зачем им понадобился ее Тобо?! Что делать?! Сообщать в полицию? Да она даже номера машины не видела и марку ее не знает! Господи, что же делать?!

Внезапно девушка остановилась и с удивлением посмотрела на то, что держала в руках. Ремень. Мужской ремень. Это же ремень Кости, они с Тобо собирались зайти к нему и вернуть ремень. Они с Тобо... Слезы брызнули из глаз Алены, но какая-то неведомая сила подхватила ее и заставила ее ноги прийти в движение. «Ну и что, что там жена, пусть! — билась в голове мысль. — Мне все равно, я потом ей все объясню! Мне же не у кого больше помощи искать! А Тобушку надо спасти! Иначе я его больше никогда не увижу!» Она бежала по деревенской улице, не думая о том, чем же ей может помочь Константин, дома ли он вообще...

Костя был дома. Он открыл дверь, и Алена уткнулась ему в грудь, буквально залив ее слезами. А он сначала инстинктивно погладил ее по спине, потом осторожно взял за плечи и мягко отстранил от себя:

— Что? Что случилось-то?!

Размазывая по лицу слезы, Алена сбивчиво рассказала о случившемся. Выслушав ее, Константин нахмурился, задумался на пару секунд, а потом, велел ей сесть на диван, быстро исчез в другой комнате. Вскоре оттуда послышался голос Кости, он звонил кому-то по телефону:

— Илья, ты сейчас где? Мне нужна твоя помощь! Сможешь подъехать? В общем, слушай...

Через какое-то время Костя вышел из комнаты, держа в руках ружье.

— Пошли! — качнул головой Алене, и они выскочили из дома.

Уже сидя в машине, а у Константина оказался не новый, но весьма добротный внедорожник, он еще раз уточнил у девушки направление, в котором скрылась машина похитителей. Прикинул что-то, еще раз набрал неведомого Илью:

— Там развилка, ты сворачивай направо. Не пугайся, метров триста паршивые, но потом приличный асфальт. Машина твоя выдержит, и у тебя будет время с запасом. Перегороди им дорогу. А я сейчас за ними, попробую догнать. У них фургон, так что сильно не разгонятся. Все, отбой.

Алена давно уже перестала плакать, лишь сидела, зябко обхватив себя руками. Куда они едут? Кто такой Илья? Зачем им ружье, неужели все так серьезно? В другой момент она бы засыпала Костю такими вопросами, но сейчас ей было не до этого. Все мысли были об одном — только бы с Тобо ничего не сделали эти выродки!

— Зачем? Зачем он им нужен? Я не понимаю... — пробормотала вдруг она.

От неожиданности, что она вдруг заговорила, Константин развернулся, посмотрел на нее и ответил:

— Ну-у... Вариантов тут может быть несколько. Во-первых, для разведения щенков. Есть такие поганцы, что торгуют породными щенками,

почти ничего в них не вкладывая. Возможно, что это как раз тот самый случай, тем более вы говорите, что его заманили в фургон с помощью другой собаки, у которой наверняка течка...

— Даже если так, зачем его красть? Можно же просто договориться о вязке! — всхлипнула Алена.

— Можно. Можно договориться, а можно и не договариваться. Вдруг вы не согласитесь или потребуете алиментного щенка? А ведь это большие деньги! Знаете, сколько такие песики стоят?

— Догадываюсь...

— Вот-вот! Может, они просто не хотят ни с кем делиться. Отследили собаку, сграбастали — и все. Глядя на то, какую они операцию провернули, думаю, что это из-за прибыли! Кстати, есть еще вариант — им мог поступить заказ именно на такого пса. Приторговывают, сволочи!

— Господи! А если мы их не догоним?

— Догоним! — уверенно заявил Костя. — Хорошо, что они не в сторону города поехали. Если бы туда, мы точно не успели бы. А здесь дорога сейчас будет не очень, так что у нас есть преимущество.

Они действительно вскоре догнали серый фургон с собаками. Свернув с асфальта, километров десять им пришлось ехать по не очень хорошей проселочной дороге, и это действительно помогло внедорожнику догнать машину похитителей. Алена первая заметила серый фургон.

— Вон они!

Дальше события развивались, как в кино. Через несколько минут расстояние между машинами сократилось настолько, что Константин начал сигналить, призывая злоумышленников остановиться. Поняв, что за ними устроена погоня, похитители прибавили скорость. Но фургон все же проигрывал внедорожнику, да и водителем Костя оказался опытным. И вот уже машины сблизилась настолько, что Алена могла хорошо рассмотреть номер фургона.

И вдруг, за очередным поворотом, дорога стала ровной, как стрела. Фургон, словно обрадовавшись этому, прибавил скорость. Заметив, что похитители снова стали удаляться, Алена побледнела и бросила тревожный взгляд на Константина. Однако он был совершенно спокоен. И вскоре стало понятно, почему: через пару километров вдалеке показалась встречная машина. Это был УАЗ, именуемый в народе «буханкой». Увидев его, Костя поморгал фарами, уазик ответил ему тем же и, чуть притормозив, начал разворачиваться поперек дороги. Еще несколько минут — и серый фургон вынужден был остановиться, зажатый между «буханкой» и внедорожником Константина.

— Сидите здесь, не выходите пока, мало ли что! — приказал Костя и, схватив ружье, выскочил из машины.

Из уазика тем временем вышел мужчина, в руках которого была такая же охотничья двустволка. Это оказалось весомым аргументом, потому что, стоило Константину махнуть рукой, «приглашая похитителей на выход», из фургона выбрались двое парней. Еще один взмах — и те двое подняли руки вверх. Водитель «буханки» держал ружье наготове, а Константин заставил одного из парней открыть фургон.

Вот тут Алена не выдержала и выскочила из машины. А из распахнутой дверцы фургона уже выпрыгивал Тобо. Оказавшись на земле, он приостановился, явно ошарашенный, но, едва увидев Алену, помчался ей навстречу. Когда они приблизились друг к другу, девушка опустилась на колени и обняла собаку за шею. Мокрый шершавый язык весьма смачно прошелся по всему ее лицу — от подбородка до лба, но никто не стал ругать Тобо за это. Довольный, он прильнул к хозяйке и радостно засопел ей в ухо.

— Зачем вам нужна была собака? — сурово спросил Константин у замерших поодаль парней.

— Понравилась, — попытался пошутить водитель фургона, но качнувшееся в его сторону ружье моментально стерло ухмылку с его физиономии.

— Так зачем? — переспросил Костя.

— Для разведения... Хороший кобель...

— Ясно. А вторая собака чья?

— Н-наша, — чуть заикаясь, ответил второй.

— Точно?

— Угу.

Обернувшись в сторону Алены и Тобо, Костя велел ей увести пса в машину. Алена усадила Тобо на заднем сиденье внедорожника, и сама села рядом с ним. Когда они оказались в машине, Константин заставил заикавшегося вора выпустить вторую собаку.

Боже, что это был за пес! Худенькая, довольно грязненькая девочка, поджав хвост и сгорбившись, словно старушка, стояла возле похитителей. От природы она была почти белая, с рыжими пятнами на боках, но сейчас белый цвет стал серым, словно ее вываляли в угольной пыли.

— Как ее зовут?

Парни молчали.

— Ну! — Константин чуть шевельнул ружьем. — Как зовут вашу собаку? И снова в ответ тишина.

— Ясно, — крикнул водитель «буханки», с жалостью глядя на бедную собаку. — Ни хрена она не их! Сволочи! Бахнуть бы вам по разику между

ног, чтоб на всю оставшуюся жизнь память была, чтобы не плодились больше такие, как вы, на свете!

Похитители вздрогнули и побледнели.

Илья подошел к Косте, и некоторое время они о чем-то совещались. Потом Илья открыл дверцу «буханки», посадил туда вторую собаку и убрал машину с дороги. Еще через пару минут серый фургон помчался вперед, а мужчины и вышедшая к ним Алена разговорились. Константин представил их с Илей друг другу.

— Куда вы ее теперь? — задала девушка больше всего волнующий ее вопрос.

— Пока домой возьму, — ответил помощник Константина. И добавил: — У меня двоюродная сестра Катя как раз такими собаками занимается. Есть такая команда, они специальную группу ведут в Интернете, «Акита Хелп» называется. Вот они и разберутся, что там дальше делать.

— Акита Хелп? — переспросила Алена.

— Да, «Помощь акитам», если по-русски, — пояснил Илья. — Они все в разных местах живут, да и люди совершенно разные. Скидываются деньгами, вопросы всякие решают по таким вот бедам, кого надо, подлечивают и стараются пристроить в нормальные семьи.

— А если ее не возьмут? — засомневалась Алена.

— Катя не откажет! У нее за каждую такую бедою душа болит! — твердо заверил ее Илья и с интересом взглянул на девушку. Потом перевел взгляд на Костю, но промолчал. Собака, словно поняв, что сейчас решается ее судьба, осмелилась подойти ближе, посмотрела на каждого из своих спасителей и вдруг ткнулась носом в опущенную руку Ильи. У того от неожиданности приоткрылся рот.

— Ишь, ты, дамочка!.. — хрипло проговорил он и запнулся, на скулах заходили желваки. Затем взглянул на замершую у него под ладонью собаку и севшим вдруг голосом сказал: — А что... Чего уж там Катюху напрягать? Пошли сразу ко мне. Глядишь, и поладим.

— А Светлана как отнесется? — удивился Костя.

— Хм, а то ты жену мою не знаешь! Она же ветврач, с детства всякую живность домой тащит. А что — хомячки были, ежики жили, птичек всяких вообще не считанное количество перелечено и обратно выпущено. А тут такое сокровище прямо на голову свалилось! — Илья погладил собаку по голове, на мгновение задумался и строго предупредил: — Слушай, только у нас кот есть, Барон. Вот с ним, дорогая, тебе придется уживаться. Так что учти.

Попрощавшись с Аленой и Костей, Илья шагнул к машине. Поняв, что он уходит, собака вытянулась в струнку и тихонько заскулила. Илья тем временем подошел к уазу, открыл боковую дверь и обернулся:

— Ну, что же ты? Домой-то поедешь?

Собаку не надо было уговаривать. В несколько прыжков она преодолела расстояние до машины, довольно ловко забралась в нее и даже легла, словно давая понять, что готова ехать домой. Илья только одобрительно крякнул, махнул рукой на прощание и сел за руль.

Проводив отъехавшую машину, Алена с сомнением произнесла:

— Странно как-то... Такое поспешное решение, ни с кем не посоветовавшись... А вдруг собаку не примут дома?

Однако Костя почему-то был уверен, что новый член семьи придется ко двору в семействе его друга.

Они пошли к машине. Восседавший на заднем сиденье Тобо уже был совершенно спокоен, он благодарно лизнул руку хозяйки и одарил Константина милейшей улыбкой.

— Вы уж простите нас, мы вам машину испачкали, — смущенно проговорила Алена..

— Да бросьте, ерунда какая! Пылесос мне в помощь! Пять минут — и вуаля!

— Спасибо вам, Костя! Если бы не вы, я даже не представляю, что было бы...

— Ну, скажем так, это было не трудно. Главное — иметь надежного друга, ну и дедово ружье тоже пригодилось. К сожалению, бывают вот такие уроды, что приходится оружие в руки брать. Слава богу, что все обошлось.

Они стояли у машины, но почему-то оба медлили садиться в нее. Взгляд Алены упал на Костин ремень, который она забыла передать хозяину.

— Вот, кстати, ваше имущество, возвращаем вам, наконец...

— Жаль! — улыбнулся Костя. — Так у меня был шанс увидеть вас еще раз.

— Зачем? — искренне удивилась Алена.

— Знаете, скажу честно — было бы очень приятно пообщаться с такой отчаянной девушкой. И по Тобо я скучаю, не видел его всего две недели, а соскучился. Нет, я, конечно, очень рад, что у него теперь есть вы, но мне самому его не хватает...

— А у вас нет собаки?

— Нет. Я работаю на вахте — две недели дома, две на выезде. С кем же я собаку оставляю?

Сердце Алены замерло.

— А ваши... ваша семья...

— Семья? — Константин усмехнулся. — У сестры и так ребенок маленький, когда ей еще за моей живностью приглядывать! Она в городе

живет, приезжает только в гости, и то не часто. Родители вообще далеко. А больше никого нет. — Он пристально взглянул на Алёну. — Признаюсь, попытки были, да как-то не сложилось ничего серьезного.

Алёна забралась в машину и взяла в руки ремень Константина, который так и таскала с собой.

— Поехали домой. А ремень мы вам, так и быть, вернем сегодня вечером. Вы ведь составите нам компанию во время вечерней прогулки?

Лицо Константина осветила счастливая улыбка. А на заднем сиденье довольно щурился большущий пес...

...Эта осень выдалась на редкость теплой и солнечной. Даже в середине октября ближе к обеду становилось так тепло, что люди ходили в ветровках. В один из таких дней тетя Маша собралась на день рождения к соседям. Приодевшись, она взяла пакет с подарком виновнице торжества и вышла на улицу. Тут к дому именинника подъехал уазик, и из него вышли хорошо знакомые ей Илья, друг Кости, его жена Светлана и Рада — большая, белого окраса, с рыжими пятнами на боках, собака. Та самая собака, которую пару лет назад Илья и Константин освободили из плена. Сейчас ее было практически не узнать, такой она стала ухоженной и красивой.

Весело переговариваясь, гости направились к дому Алёны. Войдя во двор, они перешли на шепот — возле беседки стояла большая коляска, а в ней сладко посапывали полугодовалые близнецы — Ольга Константиновна и Николай Константинович. Рядом, чутко охраняя их сон, с грациозностью настоящего льва возлежал Тобо собственной персоной. Приветствуя гостей, он шевельнул свернутым в полубублик хвостом, но с места не сдвинулся. В данный момент у него была своя миссия, и ничто не могло его отвлечь от нее. Гости прошли в дом, а Рада направилась в сторону беседки и легла с другой стороны коляски, ведь она точно так же, как и Тобо, обожала детей... □

Владимир Тыцких

ЗЕМЛЯ ОКЕАНА

Этот край на земле у восхода —
Дальний берег под небом родным!..
Есть в Приморье особое что-то,
Недоступное землям иным.

Здесь на глади прозрачных заливов
Блики солнца играют живей.
Здесь обводы судов горделивей
И слышней голоса кораблей.

И нежнее объятия милой,
И тревожнее шорох ночной,
И какая-то тайна и сила
Даже в камне, омытом волной.

Своенравней ветра и теченья,
Даль — туманней, разлука — длинней.
Может быть, веселей возвращенья —
Потому что дороги трудней.

Это — край всероссийской отваги,
И, трепещущие в вышине,
Эти старые русские флаги
Здесь особенно дороги мне.

А в мире этом все похоже
До нас, при нас и после нас,
И все перемениться может
В который раз.

Вновь снится счастье неземное,
Но ты его напрасно ждешь.
Дождь, прошумевший стороною,
Еще не дождь.

Родней считались, жили вместе,
Но оказалось — были врозь.
А гость, с тобой не спевший песни,
Еще не гость.

Друзьями разными богатый,
Живешь, и думать недосуг
О том, что друг, не ставший братом,
Еще не друг.

Случайно вышедший из боя —
Пусть сам он думает не так —
Твой враг, поверженный тобою,
Уже не враг.

Нет ни прологов, ни прелюдий
В судьбе, и, как ты ни кружись,
Но жизнь, не отданная людям,
Уже не жизнь...

Я повторю знакомые слова
И сам я повторяюсь, пока не поздно,
Как в мае повторяется трава,
А в море корабли и в небе звезды.

Прости меня, тайга-сестра,
Что твой покой пронесит мимо
Когтистым пламенем костра,
Слезящими клубами дыма.

Прости, доверчивая юность,
За те мечты, что не сбылись,
За то, что ты мне улыбнулась,
И тропы наши разошлись.

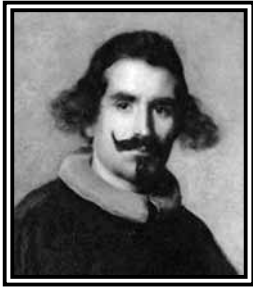
За то, что многое не вышло,
Прошу: прости меня, судьба.
Простите все, кого не слышал,
С кем речь моя была груба.

Прости, мой свет, за все грехи,
За все шипы в дареных розах,
За все молчанье и стихи,
Которые остались прозой.

Прости, далекая дорога,
За то, что уставал в пути.
За то, что долго жил без Бога,
Прости мне, Господи, прости.

За то, что вас достать не мог,
Простите мне, родные звезды.
За то, что век был так жесток,
Простите, русские погосты.

Но до последнего мгновенья,
Пока живу, пока дышу,
Я за любовь мою прощенья
Ни у кого не попрошу.

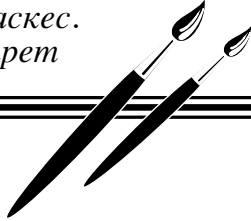

Ирина Опимах

ВЕЛАСКЕС

Портреты Оливареса

Диего Веласкес.
Автопортрет

В 1814 году российский император Александр I приобрел у английского банкира Кузвельта часть его коллекции картин. Среди полотен, отправленных в Россию, был «Портрет графа-герцога Оливареса» кисти выдающегося испанского художника Диего Веласкеса.

За свою долгую творческую жизнь Веласкес написал множество портретов — среди его героев могущественные монархи, их супруги и дети, аристократы и плебеи, писатели и поэты, красавицы и уроды... При этом редко кто удостоивался быть изображенным художником более чем один раз. Среди таких героев Веласкеса — всесильный министр Филиппа IV граф-герцог Гаспар де Гусман Оливарес. Его Веласкес писал, по крайней мере, трижды.

Что же это был за человек, и почему ему было оказано такое почтение со стороны художника?

*Портрет графа-герцога
Гаспара де Гусмана Оливареса*

В 1611 году юный Диего Веласкес поступил учеником в мастерскую севильского художника Франсиско Пачеко. Пачеко не был гениальным живописцем, зато он был настоящим учителем, умевшим разглядеть дарование ученика, дать ему возможность развить свои таланты и помочь правильным, своевременным советом. Во всех смыслах для Веласкеса попасть к Пачеко было большой удачей, ведь дом сеньора Франсиско в Севилье называли «академией всех искусств» — сюда приходили поговорить о жизни, политике, искусстве и науках ученые и поэты, живописцы и писатели, к примеру, здесь бывал Мигель Сервантес, автор знаменитого романа о Дон Кихоте. Дом учителя стал отличной школой для Веласкеса, его университетами — слушая разговоры гостей Пачеко, он впитывал в себя культуру того времени.

Пачеко понимал, что Веласкес — настоящий талант, он полюбил его как сына, видя в нем и добрую душу, и дар, который был совершенно неоспорим. А весной 1618 года учитель и ученик породнились — Веласкес женился на дочери Пачеко, очаровательной Хуане Миранде. Отец Хуаны был счастлив. Сеньор Пачеко верил, что Веласкеса ждет блестящее будущее. Нужно только помочь ему и сделать так, чтобы о юном живописце узнали не только в Севилье, где они жили, но и в столице. И Пачеко задействовал все свои связи — а они у него были, и не только в мире богемы, но и в политических кругах.

Диего должен попасть в столицу, ко двору короля — там лучшее в Европе собрание живописи, где можно учиться у мастеров прошлого, там лучшие люди Испании, там, наконец, король и вероятность получать достойные заказы.

В Мадриде тем временем все быстро менялось. Шестнадцатилетний Филипп IV совсем недавно стал королем, но уже многие вельможи потеряли свое положение, оказавшись в опале, многие были признаны ворами и взяточниками. Король сам вникал в дела страны, сам хотел править, при этом опираться на людей преданных и знающих. А еще он любил в свободное время поохотиться, или взять в руки кисть и краски, или сочинять стихи. В общем, любил литературу и искусство. Он был наивен, этот молодой король, стараясь повернуть жизнь в стране по-новому. И, увы, очень скоро все пошло по-прежнему...

Вместо всесильного прежнего королевского фаворита герцога Лерма около нового короля появился Гаспар де Гусман, граф де Санлукар, принадлежавший к высшей знати Андалузии и вошедший в историю как граф-герцог Оливарес. Он постепенно стал правой рукой короля, без него не принималось никакое важное решение в стране.

Оливарес родился в Риме, 6 января 1587 года, в весьма высокоародном, аристократическом семействе. Отец его, Энрике де Гусман-Рибера, происходил из клана Гус-

*Портрет
короля
Испании
Филиппа IV
в доспехах*

Справа:
*«Менины
(автопортрет
Веласкеса
с членами
королевской
семьи)»*

манов, главе которого принадлежал титул герцога Медина-Сидония. Его мать Мария Пиментель де Фонсека была сестрой графа Монтеррея, в честь которого назван один из крупнейших городов Мексики. Оливарес-старший всегда занимал высокие посты — был послом Испании в Ватикане, затем вице-королем Сицилии и Неаполя, и потом, вернувшись в Испанию, оказался среди первых лиц государства. Первые 12 лет жизни Оливареса прошли в Италии.

В 14 лет родители отправили его учиться в Саламанкский университет, лучший университет в Испании, изучать каноническое право.

В 1604 году Оливарес оказался в Мадриде, во дворе Филиппа III, где его отец в это время уже был членом Государственного совета и главным казначеем. А когда старший Оливарес умер, наш герой унаследовал все его титулы и земли, женился на своей двоюродной сестре, дочери графа Монтеррея, а

затем уехал в Севилью, где у него были обширные поместья.

В 1615 году он вернулся в Мадрид и очень сблизился с наследным принцем Филиппом. Через шесть лет Филипп стал королем Испании, а Оливарес — *valido*, его официальным фаворитом. Вскоре он уже возглавлял правительство молодого короля, а также получал все новые и новые должности и звания: от личного камергера короля до магистра ордена Алькантара. Тогда же появился и

необычный для Испании двойной титул «граф-герцог»: получив от короля титул герцога Санлукар-ла-Майор, он, вопреки традиции, объединил графский и герцогский титулы.

Вот как пишет об этом человеке другой испанец, наш современник и замечательный романист Артур Перес-Реверто: «К своим 35 годам этот испанский гранд уже находился в зените могущества и влияния. Юный Филипп, государственным делам предпочитавший празднества

и охоту, был слепым орудием его воли: возможных соперников Оливарес устранил, убрал, удалил — причем иных так далеко, что дальше уже и некуда. Приближенных покойного государя и прежних своих покровителей — герцога Уседу и монаха Луиса де Ольягу отправил в ссылку, герцога де Осуну изгнал из страны, забрав все его имущество в казну, а герцог де Лерма не поплатился головой лишь потому, что успел укрыть ее под красной кардинальской шапкой, тогда как Родриго Кальдерона, игравшего заметную роль при дворе покойного короля, казнили на площади при большом стечении публики. И теперь никто не стоял поперек дороги у этого умного, образованного, бешено честолюбивого патриота, крепко взявшего бразды правления империей, могущественней которой в ту пору не было на свете».

Это был непростой, очень противоречивый человек и очень набожный, порой до крайности — бывало, целые дни проводил в молитве, делал щедрые пожертвования...

Но вернемся к Веласкесу.

Мадридские друзья Пачеко рассказали всесильному Оливаресу, что в Севилье живет молодой талантливый живописец. И он, оставаясь верным себе, подумал: а может, этот севильец понравится королю, и тогда тот будет благодарен ему, Оливаресу, за новый талант при дворе, а этот талант будет по гроб жизни обязан опять же ему, Оливаресу, за хорошее место...

И вскоре Веласкес получил приглашение от Оливареса прибыть в столицу. Ослушаться этого всесильного человека было невозможно, приглашение Оливареса — это приказ! Оказавшись в Мадриде, художник сразу приступил к работе над портретом короля, который Филиппу очень понравился. А Оливарес, увидев картину, заявил во всеуслышание, в присутствии всего королевского семейства, что еще никто и никогда не писал так короля. В результате Веласкес получил невероятную привилегию — теперь только он имел право писать портреты Филиппа. А еще ему назначили жалованье — «равное тому, что получают брадобреи», так что положение молодого Веласкеса при дворе было не особо завидное, но все-таки...

Итак, он писал портреты короля, но при этом, конечно же, и портреты его первого министра, графа Оливареса. Веласкес изображает на холсте человека, самого могущественного в стране, который реально сосредоточил всю власть в государстве в своих руках. Того, кто на самом деле правит Испанией.

Король на портретах — строгая, вытянутая фигура, замкнутое выражение лица, тяжелый габсбургский подбородок, пухлые, еще юношеские губы, но в глазах уже надменность и презрение к народу. А вот Оливарес у Веласкеса совсем иной — в портретах он блестит золотом, все такое роскошное, пышное, на груди — крест ордена Калатравы, католического военного ордена, основанного

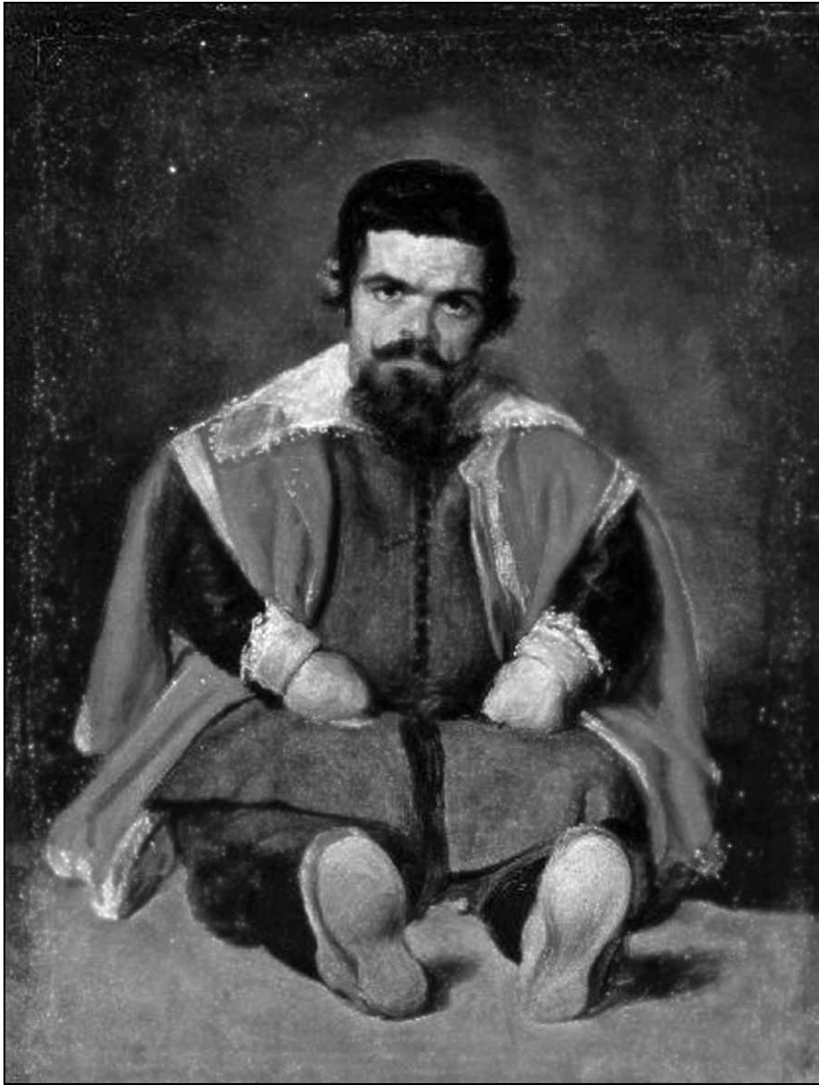

*Конный
портрет герцога
де Оливареса*

еще в XII веке. Золотой ключ говорит о том, что он занимает важный пост королевского мажордома, то есть вхож в королевские покои, а золотые шпоры — о том, что он — главный конюший короля, и это тоже очень важный пост. Оливарес — невысок, но физически крепкий, широкоплечий, твердо стоящий на ногах. Как-то нахально торчат его жесткие усы, дорого поблескивает черный шелк костюма, мощно выглядит золотая цепь на груди. Он словно гово-

рит: нет, я вам не верю, но пока вы мне не нагадили, живите, господа! Его так много, что, кажется, он вот-вот выйдет за пределы картины. Все его существо выражает самодовольство, вульгарность, сытость и жажду власти и денег. И у него есть и власть, и деньги. Недаром в Испании его называли «вторым королем».

В последующие годы Веласкесу придется еще не раз писать портреты этих двух главных фигур Испании — короля и его первого мини-

*Портрет
придворного
шута*

Справа:
*Портрет
герцога
де Оливареса*

стра. Портреты министра были разные — в полный рост, на коне, в образе отважного полководца, но все они отличались большой правдой жизни и искусства, глубочайшим психологизмом и блестящим мастерством. Это были портреты Власти.

Веласкес написал несколько портретов Филиппа на коне, и однажды Оливарес тоже захотел увидеть себя таким героем-всадником, полководцем, на фоне битвы. Он очень редко садился на коня, и как военачальник был никакой — никогда сам не участвовал в войнах, руководил

войсками, сидя в кабинете, и не выиграл ни одного сражения, зато легко приписывал себе чужие победы, и ему так хотелось хотя бы на холсте выглядеть героем...

Но времена менялись, и постепенно Оливарес терял свою власть и влияние на короля. В 1627–1635 годах он попытался усилить давление на провинции, но сразу же взбунтовалась Бискайя. Потом, когда французы вторглись в Руссильон, и Оливарес объявил всеобщую мобилизацию, взбунтовалась Каталония. Более того, она захотела самостоя-

тельности, и началась Каталонская революция, подавленная только в 1652 году. А потом восстал Португалия, тоже захотевшая свободы от Испанской короны и восстановившая свою независимость в 1641 году. Это был большой удар для Испании — она лишилась португальских колоний и португальских земель, а еще португальского флота, зато приобретала врага у самых границ. Дела были плохи, и не удивительно, что король под влиянием новых фаворитов и королевы, которая терпеть не могла Оливареса (эта умная француженка неплохо разбиралась в людях и политике), стал испытывать недовольство своим министром и понемногу удалял его от дел.

Но Веласкес по-прежнему не отказывался писать портреты своего покровителя. Только вот портретируемый был уже не тот, что раньше. На портрете 1641 года на графе нет никаких регалий и

орденов, на нем только строгий черный костюм с белым воротничком. Усы еще по-прежнему топорщатся, но в глазах нет прежнего победительного блеска, в них скорее затаенная тоска, хотя губы растянuty в привычной для царедворца улыбке... Не очень приятный, не очень здоровый, уже не очень молодой, замкнутый и одинокий — вот он теперь какой, граф-герцог Оливарес!

Об этом портрете, попавшем в Эрмитаж, директор музея Пиотровский писал так:

«Портрет... поразителен, поскольку глубоко правдивый образ создан в рамках нормативной официальной живописи. Сложность натуры ненавидимого Испанией всесильного королевского фаворита проступает через положенную при дворе маску холодной непроницаемости, находит адекватное выражение в композиции и живописном строе картины. При ближайшем рассмотрении в сдержанной красочной гамме обнаруживаются тончайшие оттенки, благодаря чему изображение становится трепетно живым. По остроте восприятия натуры и свободе живописного мастерства этот портрет принадлежит к числу лучших произведений Веласкеса».

Во всех бедах страны оказался виноват Оливарес. А кто же еще? Ведь он все и всегда решал сам! Родственники Филиппа, короли других европейских стран, слали ему письма, в которых обвиняли Оливареса в военных поражениях Испании; супруга Изабелла и ее юный сын Балтасар Карлос просили короля избавить страну от этого «гносного временщика». Гранды и все испанское дворянство было против Оливареса. И совсем не случайно на одном из военных смотров чей-то мушкет выстрелил в сторону министра. Предупреждение вполне ясное.

Как правило, все фавориты рано или поздно попадают в опалу. Случилось это и с Оливаресом. 17 января 1643 года король лишил его всех постов и изгнал из столицы. Среди

немногих провожавших совсем недавно всесильного графа в ссылку был Веласкес. Он помнил, благодаря кому попал ко двору испанского короля...

Поначалу бывший фаворит жил в своем владении Лоэчес близ Мадрида, затем, по настоянию врагов Оливареса, Филипп IV сослал его в небольшой город Торо, в его поместье Каса де Аро близ Севильи. В годы своей безграничной власти Оливарес осмелился противиться действиям Святой инквизиции. Теперь ему это припомнили: его обвинили во всех грехах и вынудили предстать перед ее судом. Правда, прямых доказательств виновности Оливареса в предательстве, отступлении от Веры или других страшных преступлениях так и не нашли, но можно представить, какой это был удар для графа.

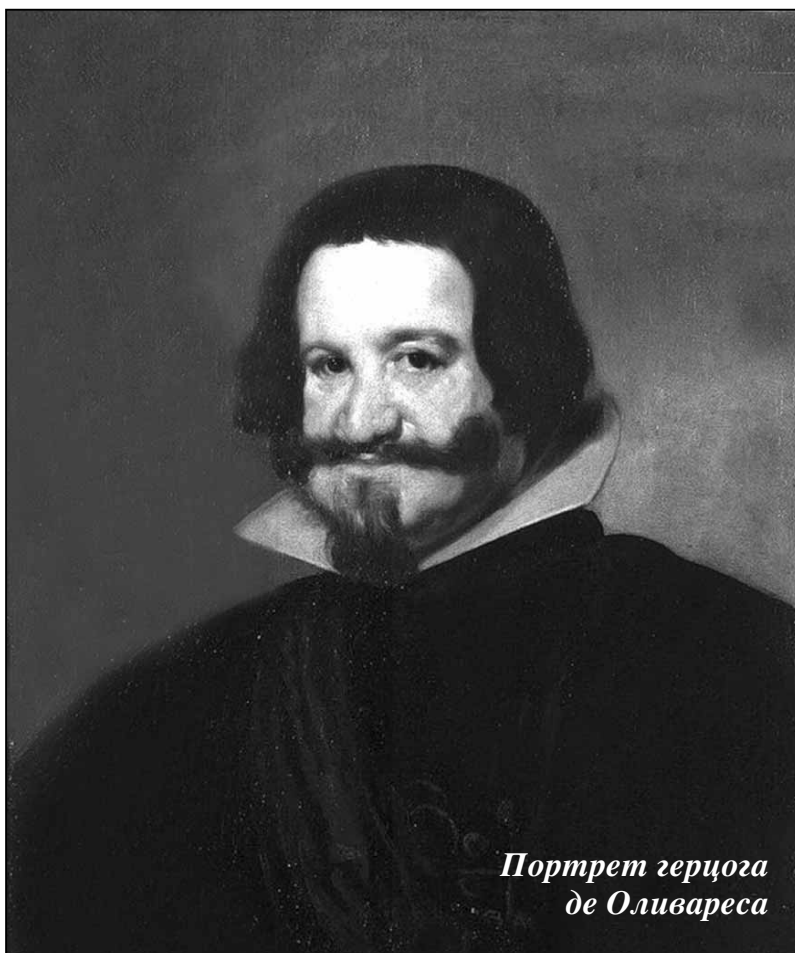
Оливарес писал письма королю с просьбой вернуть его в Мадрид — деятельная натура графа-герцога никак не могла успокоиться. Но ответ был ужасен: Филипп IV сказал, что намерен в дальнейшем сам править страной, а потом передать корону сыну, но если он, Филипп, вернет Оливареса в столицу, народ его просто свергнет. То есть, если Оливарес приедет в Мадрид, ему, королю, придется выдать его врагам, иначе трон под ним зашатается. Современники писали, что после суда инквизиции и получения этого письма Оливарес потерял рассудок. Пережить такое падение — с самых высот власти! — и сохранить ду-

шевное здоровье действительно нелегко.

22 июля 1645 года граф-герцог Оливарес умер. Похоронили его в основанном им монастыре в Лоэчесе. Все его титулы и имения в XVIII веке унаследовали герцоги Альба — еще одно семейство, сыгравшее огромную роль в истории Испании.

Узнав о смерти Оливареса, случившейся почти в одно время со смертью его соперника и заклятого врага кардинала Ришелье, французский литератор Ги Патен написал: «Было бы к добру, если бы земля освободилась от этого самодурского отродья».

Веласкесу оставалось жить еще 15 лет. За эти годы он написал множество замечательных картин, среди которых, конечно же, были портреты короля и членов его семейства, а также других высокопоставленных персон. Но не меньше времени он посвятил и портретам шутов, бродяг, карликов и уродцев, всегда в обилии обитавших при испанском дворе. И их,

*Портрет герцога
де Оливареса*

этих несчастных, униженных, презираемых всеми людей, он писал с не меньшей любовью и мастерством, чем «хозяев жизни». Он был мудрым и очень добрым человеком, этот сеньор Диего Веласкес, хорошо знавший, что такое люди власти, и что такое их подданные, что такое счастье и беда, что такое уродство и истинная красота. Вот почему в облике многих его героев, обойденных, обиженных судьбой, мы видим высоту духа и обаяние личности.

После смерти Оливареса Филипп IV продолжал править страной еще 20 лет. Кстати, премьер-министром после отставки Оливареса он назначил его племянника Луиса де Аро-и-Гусмана. Были у Филиппа на протяжении его царствования и провалы, и победы, но остался он в истории в основном потому, что при его дворе работал великий испанский художник Диего Веласкес. □

Иван
Переверзин

Поэтизмы

*По преступному приказу украинских фашиствующих властей
в Малороссии погибли многие тысячи русский детей!*

*Украина в национализм зашла так далеко,
что без тяжких потерь не выйдет из него!*

*Ющенко, получивший от американцев президентские штаны,
стал исподволь разжигать костер идущей нынче войны!*

*Получив от России огромные территории и свободу,
украинцы подло предали нас американцам в угоду!*

*Для того украинцы и формировали такую мощную
военную группировку, чтобы донбасские города
смешать с землей за одну артподготовку!*

*Путин заявлением о начале военных действий по защите
Донбасса проблему с коронавирусом решил в течение
одного часа!*

*Надо понимать, что война идет не столько с Украиной,
сколько со всей натовской машиной.*

*Никаких изменений в отношении западных стран к России
не произойдет — и через века у нее будет лишь два верных
союзника — это армия и флот!*

*Заокеанские санкции, словно лакмусовая бумажка,
покажут, насколько Россия сильна, когда ей тяжело!*

*Нацизм был нами побежден, но не искоренен,
вслед за Германией на Украине поднял голову он!*

*Европа не протестовала, когда тысячи русских людей
невинно гибли от рук украинских нацистских палачей!*

*Другого способа и в наше время у миролюбивой России нет,
как только военной силой защищать свой суверенитет!*

*Нацисты в Мариуполе накопили большие силы для захвата
Крыма, да и остались в нем, только в виде пепла, гари и дыма!*

*Благодаря русским Украина исполнилась державной силой,
но вскоре говорить на родном языке им запретила!*

*Никому не дано право запрещать человеку
говорить на языке родном! И все же Украина
стала это делать, что и вышло ей боком поделом!*

*В маленькой Швейцарии четыре государственных языка,
и люди ничего, живут в мире и согласии уже многие века!*

*Русский язык представляет такой глубокий колодец,
что в нем слово для себя сможет найти и инородец!*

*Американцы прямо заявляют, что с русскими воевать
не хотят, но за них это будет делать Украина,
пока жив хоть один ее солдат!*

*Метафористично выразиться:
«Воевать до последнего украинца»
в любом случае может только конченный убийца!*

*Заветная мечта Англии с Америкой сбылась:
война между славянскими народами началась!*

Нацисты — это не имеющие национальности зверские убийцы, они не оставляют в живых ни русского, ни украинца!

Мариупольских детей, выбирающихся из подвалов во двор, украинские нацисты ради развлечения расстреливали в упор!

В Мариуполе киевские националисты приказали долго жить, и словно не было мечты в Европе фашизм восстановить!

Американские секретные, работавшие на человеческом материале лаборатории были капитально созданы по всей украинской немалой территории!

Киев должен проклясть тот день и час, когда на смертные муки обрекал Донбасс!

Все для фронта! — вот в сегодняшней России главный девиз, как в сороковые, когда мы насмерть бились за жизнь!

Украинские националистки-матери своих малолетних детей в тире учат как можно больше убивать москалей!

Сдача в российский плен националистов батальона «Азов» говорит о деморализации даже таких отъявленных волков!

Россия, обладающая неисчислимыми природными богатствами, обязана стать страной, справляющейся с любыми санкциями!

К сожалению, настало время всему миру показать, как Россия на военный вызов США может отвечать!

Только не знающий великой истории России может говорить с ней на злом языке силы!

Главный вывод, который из войны должна обязательно сделать Россия, заключается в том, что в ее полном самообеспечении непобедимая сила!

На пленных нацистов жалко смотреть, а ведь на свободе они — сама смерть!

*История немцев не учит, ибо снова их танк с крестами на бортах
нашел свою неминуемую гибель в исстари российских полях!*

*Гиперзвуковая ракета «Кинжал» обладает такой точностью
и силой, что для двухсот натовских офицеров бункер обратила
в могилу!*

*Не в прозападном Львове, где исстари крепки польские связи,
а в, казалось бы, русском Харькове нацисты повылезли в князи!*

*Нагло ставить свою нацию превыше других
может только нацист или конченный псих!*

*Боюсь, что простой украинец и не думал когда-то,
что за его равнодушие выйдет такая злая расплата!*

*Россия в экономике сама загнала себя в угол,
но и сама из него выбирается, как ни туго!*

*Нацистов надо вырывать с корнями, как сорняк,
иначе человечеству от них не избавиться никак!*

*Россия успела вскочить на подножку набирающего скорость
последнего вагона, но сколько же надо времени, сил и средств,
чтобы пройти в тепловоз эшелона!*

*Ельцинские так называемые младореформаторы Америке в угоду
только и делали, что по всей стране рушили фабрики и заводы!*

*Ну почему люди упрямо не живут в согласии и мире,
ведь если хочется стрелять, то это можно делать в тире!*

*Евросоюз у США на поводу идет снова и снова,
как будто неизлечимый пьяница у спиртного!*

*Каждый россиянин должен ответственно до конца понимать,
что украинский нацизм мы должны с корнями вырывать!*

*Весьма тяжелые времена ждут российскую «пятую колонну»,
но без борьбы она свои позиции не сдаст, безусловно!*

Евросоюз обстрелял Россию из всех экономических и политических орудий, не подумав, что если она всерьез ответит, то его вообще не будет!

Тэтчер не зря говорила: «Если плюнуть в Россию, то она утрется, а вот если плюнет Россия, то полмира захлебнется!»

Еще двадцать лет тому назад Глазунов без всякой пробы гениально написал провидческую картину «Закат Европы!»

Украина свою территорию превратила в международный полигон, где испытывается оружие для этих и будущих времен!

Благодаря воли России однополярный мир трещит по швам, это значит, что каждая страна будет плыть к своим берегам!

Невозможно сказать, когда на Украине закончится война, поскольку интересы многих государств охватывает она!

Военная специальная операция, словно Волга, будет от истока до устья течь долго, долго!

Предательство отечества — это самое страшное преступление, поэтому тем, кто совершил его, не может быть прощения!

Ядерное оружие, как ружье, висящее на стене, однажды будет применено в мировой войне!

*Глупый вопрос: «Если Россию не победить, то зачем с ней, пусть и чужой кровью, счета сводить?»
Умный ответ: «Чтоб в непроглядно-мутной воде чужими руками золотую рыбку ловить и ловить!»*

Самое мерзкое для человека дело — это за деньги воевать, то есть без всякого следствия и суда убивать и убивать!

Десятилетний русский мальчик, несмотря на ранение, по-взрослому смело двух девочек от вражеских пуль прикрыл, можно сказать, своим телом!

Жуткое убийство Татарского еще раз подтвердило, что наша доверчивость — это укронацистская сила!

Навязанная России кровопролитная война на Украине еще раз подтвердила, что только союз власти с народом может быть побеждающей силой!

Без духовно-патриотического подъема всей российской нации невозможно достичь целей специальной военной операции!

Более триста танков, хотя и собраны в один кулак, но его удара сокрушить Россию не хватит никак!

Как враг, вооруженный до зубов натовским оружием, ни силен, еще день, другой — и Бахмут буден полностью освобожден!

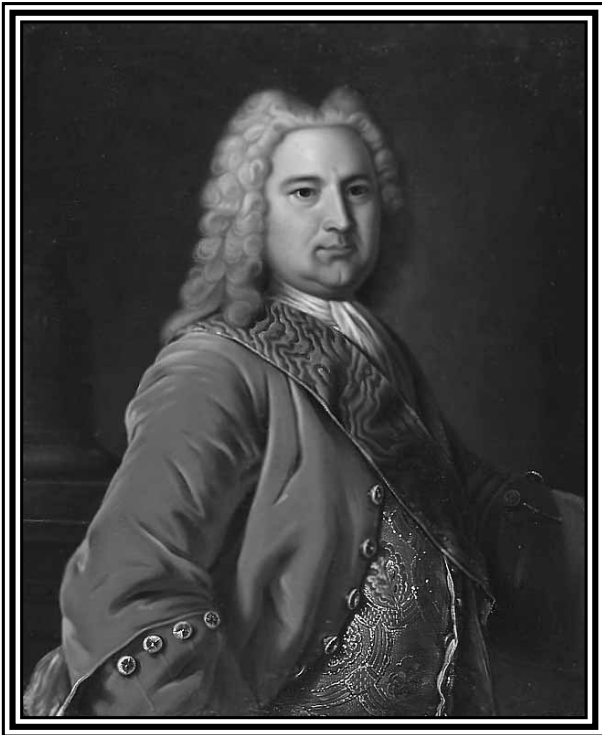
Как показали бои, хваленые натовские «Леопарды» насквозь прожигают наши бронейбойные снаряды!

Нацистский Киев от бессилия противостоять России каховскую плотину взорвал, тем самым против всего человечества совершил преступление, я бы сказал!

Несмотря на отсутствие патриотического воспитания в рыночной России, молодые солдаты, защищая ее, исполняются решимостью и силой!

Многие блогеры информацию о киевском наступлении черпают из слухов, словно в самом деле не верят в крепость русского боевого духа!

Укронацисты на российские мирные города обрушивают беспилотники, в общем, они как были, так и есть до невинной крови мерзкие охотники! □

Слово «бироновщина» известно всем, кто изучал историю даже в рамках школьного курса. И чаще всего человек в общих чертах может объяснить, что входит в это понятие: засилье иностранцев, шпионаж, доносы, необузданные траты власть предержащих, пытки, казни и страдания простого народа. Темные времена, если кратко. Период, который называют сегодня «бироновщиной», пришелся на десятилетие правления императрицы Анны Иоанновны, а названием своим он обязан имени ее ближайшего сподвижника, друга и фаворита — Эрнста-Иоганна Бирона. Однако все ли так прямолинейно — темные времена, и все тут? Был ли этот человек действительно «дьяволом во плоти», каким его называли многие, или же в нем все же обнаруживалось некоторое светлое начало? Попробуем разобраться.

Говорить о своем происхождении сам Бирон не любил, возможно поэтому слухи о нем ходили самые разнообразные. Так, например, Наталия Борисовна Долгорукая (урожденная графиня Шереметева) в «Своеручных записках» писала, что «он ни что иное был, как башмачник, на дядю моего сапоги шил». Порой Бирона обвиняли в присвоении «имени и

герба французских герцогов». И отчасти это правда — настоящая фамилия будущего фаворита Анны Иоанновны — Бюрен, а Бироном он стал уже позже, желая придать своему имени французскую благозвучность и благородство. Появился на свет он в 1690 году и родом был из остзейских дворян (по другой версии — из курляндских помещиков),

то есть все же имел, скорее всего, некоторое происхождение, не совсем уж был сапожником, позволим себе усомниться в словах княжны Долгорукой.

Юноша учился в Кенигсбергском университете, однако не окончил его, отправившись в столицу империи, чтобы устроиться при дворе принцессы Стефании-Шарлотты, жены царевича Алексея, но получил отказ — для двора его происхождения все же не годилось. Зарабатывал, чем придется — чаще всего служил воспитателем детей в дворянских домах. Не снискав ни в одном из дел успеха, он вынужден был вернуться домой, в Курляндию (это западная часть современной Латвии). В 1718 году Бирон получил должность при дворе курляндской герцогини Анны Иоанновны, племянницы Петра I. Она была выдана замуж за герцога Курляндии и Семигалии Фридриха-Вильгельма, но новоиспеченный супруг скончался вскоре после свадьбы, а возвращаться в столицу Анне запретили — отныне она должна была символизировать владения русского царя на отдаленных территориях.

Разумеется, молодой женщине, только что потерявшей мужа и, по сути, «сосланной» на задворки империи, было тоскливо и одиноко. Сначала герцогиня сделала своим конфидентом и возлюбленным Петра Бестужева-Рюмина. Именно он и представил ей молодого Эрнста-Иоганна Бирона. При дворе Анны

он, весьма и весьма усердный, прошел путь от секретаря и управляющего именем до камергера.

Управляющим Бирон был своеобразным и, как сказали бы сегодня, эффективным. В одном из его донесений Бестужеву-Рюмину было написано: «Докладываю, что за время моего отсутствия садовник посадил 300 лип. Я подбадривал садовника добросовестно работать, применяя все свои знания. Но этот парень весь день прогуливался по саду и ничего не делал, поэтому я велел его выпороть. В субботу и в понедельник тоже все продвинулось настолько успешно, что посажено 700 лип и 200 вишен».

Когда Бестужева отозвали из Курляндии, Анна Иоанновна некоторое время была безутешна, но вскоре нашла себе нового «друга» — Бирона, который, правда, к тому моменту был женат и имел двоих детей.

Женился он в 1723 году на Бенигне Готтлибе фон Тротта-Трейд. Часто молодую женщину описывали как «горбатую, глупую, да еще и «совершенно неспособную к супружеской жизни» особу. Однако же, скорее всего, это преувеличение. Жена английского консула в Петербурге леди Рондо писала: «У нее прекрасный бюст, которого я никогда не видела ни у одной женщины». Правда, при этом добавляла, что она «так испорчена оспой, что кажется узорчатой».

Но оспины в XVIII веке были делом обыденным, а портреты зача-

*Императрица
Анна Иоанновна*

стую льстили оригиналам. Но вот сохранившиеся письма Бирона говорят о том, что, невзирая на возможные внешние несовершенства избранницы, относился он к ней с нежностью. Так, в одном из посланий он описывает подарок невесте — коробочку для косметики: «Надеюсь, что добрый Шмидхаммер уже был у вас и что сюрприз удался. Благодаря Бога в этот день за все хорошее и доброе, что он сделал для вас, пусть великий Бог и в дальнейшем дарит вам здоровье. Когда дела будут окончены, пусть ни малейшая печаль не тревожит ваше сердце. «Прекрасный и любимый» — девиз вашего сердца. Поскольку я имею преимущество быть

близким вашему сердцу, считаю дни, которые еще разделяют нас, и успокаиваю себя, что вскоре увижу своего милого ангела».

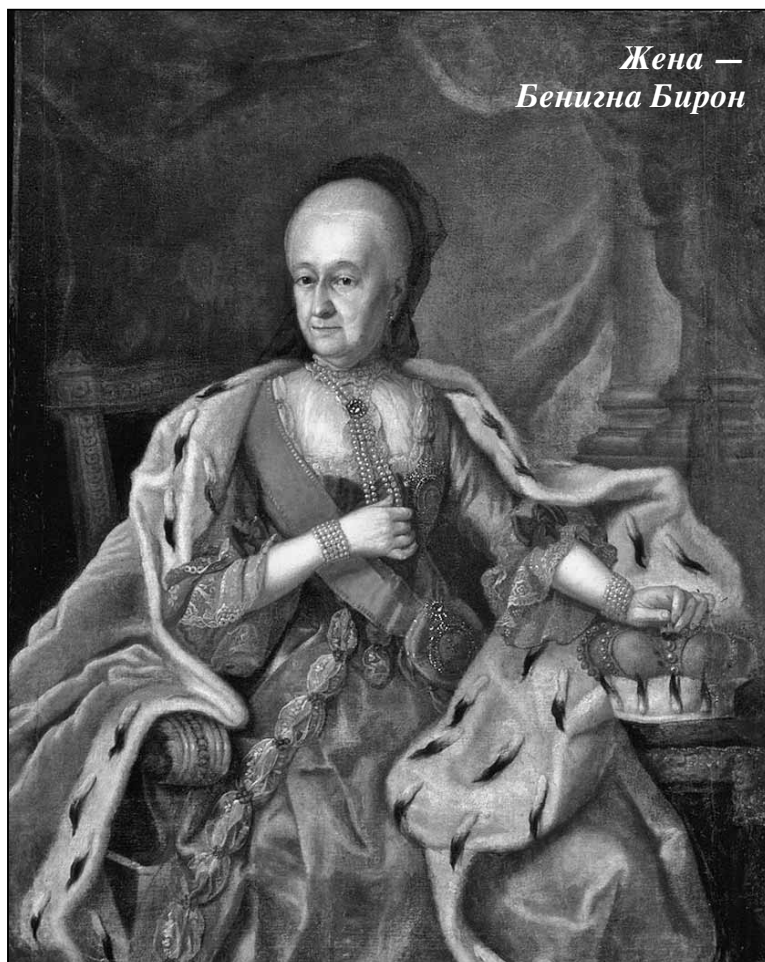
Отношения с Анной Иоанновной никак не повлияли на семейную жизнь Бирона. Кажется, что это был один из первых удачных тройственных союзов, которые могли шокировать общество и спустя столетия.

Союз этот был дружным. Герцогиня даже не имела своего стола, а обедала только с семьей Бирона. Вместе они проводили время: катались на санях, слушали орган в кирхе.

Когда у Бирона и его жены родился третий сын, Карл-Эрнст, ходили упорные слухи, что матерью его была Анна. Никаких доказательств этому, конечно, не было, но в придворном протоколе сыновьям Бирона отведено было особое, почетное место, они получали высокие чины уже в детстве.

А Карл-Эрнст всегда находился рядом с Анной. В 1730 году, когда верховники пригласили ее занять российский трон, она взяла с собой только этого годовалого малыша. Стоит отметить также, что с рождения и до десяти лет его кроватка стояла в спальне Анны.

Как только Анна Иоанновна стала императрицей, она вызвала Бирона из Курляндии ко двору. Вскоре он получил чин обер-камергера и вместе с ним — огромное политическое влияние. Скорее всего, Анна действи-

*Жена —
Бенигна Бирон*

тельно любила Бирона: по свидетельствам современников, более дружной четы не бывало на свете. И за все десять лет ее правления едва ли наберется несколько дней, которые они провели порознь.

Не очень знатное происхождение, меж тем, тяготило даже получившего обер-камергерский чин Бирона. Он мечтал стать герцогом Курляндским, получить признание. Но не получалось: гордые курляндские дворяне несколько раз отклоняли его кандидатуру. И только в 1737 году Бирон нашел убедительные аргументы: прислал фельдмаршала Ласси с несколькими полками и сказал, что, конечно, каждый волен голосовать, как считает нужным, но если курляндцы не выберут в герцоги Бирона, то тотчас отправятся в прямо в Сибирь. На этот раз выборы показали нужный результат.

В 1740 году покровительница Бирона Анна Иоанновна серьезно заболела. Никто не ожидал, что полная сил 47-летняя женщина скончается так внезапно. Понимая, что дело близится к концу, императрицу стали упрашивать сделать Бирона регентом при малолетнем наследнике престола Иване Антоновиче. Но суеверная Анна боялась, что, подписав бумаги, призовет к себе смерть, и лишь сунула принесенные документы под подушку. И все же незадолго до кончины она поддалась мольбам стоявшего на коленях Бирона и завещание подписала.

18 октября 1740 года началось трехнедельное правление Бирона. За этот короткий срок он успел подписать ровно 100 указов. Часть из них легитимизировала уже сделанные в последние месяцы назначения, часть — предписывала «поступать по регламентам и уставам и прочим определениям и учреждениям от благоверного и вечного достойные памяти государя императора Петра Великого». Были среди указов и вовсе неожиданные: всем подданным обещался суд «равный и правый», податным сословиям — сбавка в уплате подушной подати на 17 копеек за текущий год, преступникам — амнистия, дезертирам — отсрочка для добровольной явки, нерусское население Поволжья было избавлено от уплаты накопившихся недоимок. Подписывал Бирон документы так: «Иоганн, регент и герцог».

Он надеялся править страной до совершеннолетия Ивана Антоновича — то есть еще 17 лет, но был свергнут в результате дворцового переворота, устроенного фельдмаршалом Минихом в пользу Анны Леопольдовны, матери Ивана Антоновича. 9 ноября 1740 года подручные Миниха разбудили Бирона грубыми ударами и, завернув в одеяло, вытащили из спальни. Его проволокли даже через залу, в которой еще стоял гроб императрицы Анны Иоанновны. Но она помочь свою любимцу уже ничем не могла.

Обвиняли бывшего фаворита в захвате регентства, в «небрежении» о здоровье покойной государыни, желании завладеть престолом. 18 апреля 1741 года был обнародован манифест «о винах бывшего герцога Курляндского». Его приговорили к смертной казни четвертованием, но помиловали, и казнь была заменена «вечной» ссылкой в Пелым (это село на территории современной Свердловской области). Правда, оказалась ссылка весьма короткой: после восшествия на престол императрица Елизавета Петровна, тепло относившаяся к Бирону, позволила ему переехать в Ярославль, где он и прожил следующие двадцать лет.

С ярославским периодом пребывания Бирона связано несколько историй-легенд. Одна из них звучит так: летними ночами в переулках близ Волжской набережной можно встретить старинную карету, дверь

которой распахивается перед случайным прохожим, а сидящий в карете незнакомец в шляпе задает вопрос: «Как проехать к дому Иоганна Бирона?»

Стоит отметить, что дом, выделенный «ссылному», был весьма комфортным: усадьба в центре города, на набережной, с мебелью, штатом прислуги и конюшней. Опись дома называет 13 жилых и хозяйственных построек, среди них три

деревянных жилых и одна каменная парадная палата для Бирона и двух его сыновей.

Когда в доме произошел пожар, Бирона с семьей и прислугой разместили в богатом доме купца Викулина. Напуганный пожаром, герцог попытался запретить ярославцам пользоваться печами. И поначалу такой запрет ввели! Но жители, разумеется, были недовольны, и вскоре топить печи разрешили два раза в неделю.

Восстановление дома и построек должно было обойтись казне (не самому же герцогу оплачивать ремонт?) в две тысячи рублей. Но, к счастью, этого не потребовалось. Император Петр III, взошедший на престол, вернул Бирону свободу, ордена и знаки отличия. Екатерина II пошла дальше: восстановила его в правах на курляндском герцогском троне. Туда — в Курляндию — бывший регент и отправился. При этом по договоренности с императрицей он обязывался пропускать по территории своего герцогства русские войска, не вступать ни в какие отношения с врагами империи, поддерживать православных, разрешая строить храмы. Но такие условия не понравились дворянству Курляндии. В результате Бирон отказался от титула в пользу своего сына Петра.

По меркам своего времени Бирон прожил очень долгую жизнь. Его не стало в 1772 году, в возрасте 83 лет он умер от инфаркта. Похоронен был в герцогском склепе Митавского дворца.

Термин «бирановщина» появился во многом благодаря воспоминаниям людей, Бирона не любивших: княгиня Наталья Долгорукая, генерал-фельдмаршал Иоганн Миних, его адъютант Манштейн. Если верить им, Бирон был грубым, необразованным, корыстолюбивым и кровожадным деспотом. В вину ему вменялось засилье иностранцев на ключевых государственных постах, жестокие казни, сребролюбие.

Но вспомним, кто первым ввел «засилье» иностранцев на Руси. Не Петр ли Первый, за которым уже потянулись все потомки? Коллегии при Анне Иоанновне возглавляли, главным образом, русские люди, среди сенаторов также преобладали славяне. Пушкин писал: «Он (Бирон) имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа».

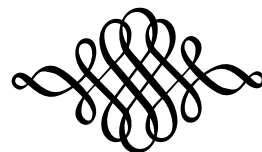
Особо стоит сказать о предполагаемом сыне Анны Иоанновны и Бирона — Карле-Эрнсте. Уже в 4 года он был назначен бомбардир-капитаном Преображенского полка, 14 февраля 1740 года получил сразу 2 ордена — Святого Александра Невского и орден Святого Андрея Первозванного с бриллиантами. Но после дворцового переворота и ареста отца был лишен орденов и отправлен с ним в ссылку. Петр III в 1762 году произвел его в генерал-майоры, назначил шефом Вологодского пехотного полка и вернул орден Святого Александра Невского. В 1763 году Карл-Эрнст стал одним из основателей петербургской масонской ложи «Счастлирое согласие». При Екатерине II отправился в Курляндию, потом путешествовал по Европе и с 8 января по 24 апреля 1768 года находился в Бастилии по обвинению в изготовлении фальшивых векселей и подделке подписей.

Его потомки носили титул князей Бирон-Вартенбергских. Особых следов в истории они не оставили. □

Сергей Федоров

«Я мечтаю
найти
скелет
древнего
человека»

Есть в Якутске единственный в мире Музей мамонта СВФУ. Его экспозиционным отделом заведует Сергей Федоров — человек, которому научный мир обязан за одну из самых сенсационных палеонтологических находок на территории России. Об этом и о профессии палеонтолога мы, конечно, поговорили, но все же основной темой разговора стала профессиональная и личная судьба самого Сергея Егоровича, в которой так ярко отразилась самобытность его родной Якутии.

Фото из личного архива

— 10 лет назад на территории вашей республики были найдены два щенка доисторической собаки, и находка оказалась настолько инте-

ресной, что ею заинтересовались ученые разных стран. В том, что судьба «найденнейшей» сложилась для науки столь удачно, немалую

роль сыграли именно вы. С чего началась эта история, и почему вашу находку называют сенсационной?

— Потому что это первые и единственные в мире хищники Ледникового периода, найденные целиком — от носа до кончика хвоста! А началось все с телефонного звонка из Якутска — я тогда был в экспедиции в бассейне реки Яны. Позвонили из музея и сказали, что в окрестностях села Тумат в приморской тундре нашли кости древнего человека и какую-то, как сказали нашедшие, «чупакабру». Короче, местные ребята нашли целую тушку непонятного зверька с оскаленной мордой, замороженную в лед. Я вернулся в Якутск, быстро собрался, и мы, несколько человек, вылетели в поселок Депутатский, оттуда вертолетом надо было добираться до места. 9 дней ждали летной погоды. Депутатский расположен между гор — туман опускается, и взлетной полосы не видно. Наконец нам удалось сесть в вертолет, который с дальних стойбищ забирал детей к началу учебного года. Из Тумата выдвинулись на место находки. Сначала долго плыли на лодке, потом ехали на вездеходе 1957 года выпуска. В общем, добирались с большими трудностями. Но все было не напрасно. Костей человека, правда, не оказалось, а вот «чупакабра» нас ждал. Визуально по ряду морфологических признаков специалисты определили находку как щен-

ка плейстоценового хищника. ДНК анализы показали, что это «скорее собака, чем волк». Найденный тогда зверь и вошел позже в историю как туматская собака, изучению которой я потом действительно посвятил немало времени.

— А второго щенка вы нашли уже сами — неподалеку от первого. Представляю, какие сильные эмоции вы тогда испытали...

— Это, скажу я вам, нечто! До сих пор помню пять пар рук в белых китайских перчатках с пупырышками, которые потянулись к объекту, чтобы его потрогать. А я... Потом ребята сказали, мол, Сергей Егорович лишился дара речи от счастья — только мычал. А я просто онемел от страха, что вот сейчас дотронутся, «занесут» свои ДНК. А он, щенок этот, лежал еще в грязи в том же состоянии, в таком же виде, как и 12 тысяч лет назад, когда был насмерть раздавлен земляным оползнем. Потом мы его сфотографировали, описали, измерили. Для него вырыли специальную ямку в ледяной стенке обрыва и поместили его в этот естественный холодильник — до транспортировки в Якутск. После чего я достал бутылку водки «Хаски», чтобы отметить с участниками находку. Всегда ее вожу в такие экспедиции — как залог будущей удачи, и именно «Хаски», так как занимаюсь исследованием представителей семейства псовых (смеется). Кстати, обязательно беру и еще кое-что.

У нас, якутов, есть такое поверье, ритуал, называется «сир бэлэгэ» — «дар земле». Если ты что-то нашёл — должен что-то и оставить, положить в землю. Обычно мы кладем волосы с хвоста или гривы лошади белой масти, мелкий бисер и кусочки разноцветной материи. У меня всегда с собой мешочек с бисером и всем остальным. Мы же отчасти язычники, верим в силу природы и в те явления, которые нас окружают с рождения. Такие ритуалы для чего нужны? Чтобы добрые божества были благосклонны и ограждали от зла. Это своего рода защита. То, что мы это с собой возим и ритуал соблюдаем, даёт нам некое моральное право считать себя частью нашей земли. Кстати, там произошла... не скажу мистическая, но таинственная история. Пещерка, в которой мы «законсервировали» нашего древнего щенка,

находилась на крутом склоне озера. Стоял редкий в приморской тундре совершенно безветренный день. Мы свернули лагерь, готовясь к отъезду, пили чай. А с нами была собака. Вдруг она, всматриваясь в сторону пещерки, начала неожиданно громко выть и лаять. Лаяла собака так, что всем стало как-то не по себе, и хозяину пришлось на нее прикрикнуть. И таких вещей, которые удивляют и иногда пугают, потому что нет объяснения, в тундре и в тайге случается много. Вот почему мы стараемся себя оберегать, соблюдать все правила, установленные предками.

— Кто ваши родители по образованию?

— Отец — филолог, мать — учительница. Отец долго работал научным секретарем Института гуманитарных исследований в Якутске, изучал якутский язык и произведе-

ния якутских писателей, его докторская диссертация вышла в виде монографии. Жили мы недалеко от якутского филиала Сибирского отделения Академии наук. И хотя меня с детства окружали ученые и дети ученых, не скажу, что я тогда горел желанием заниматься наукой. Но я слышал разговоры взрослых на кухне — только о науке, и видел пример отца, который в своем кабинете много работал над книгами. Особенно запомнились колоритные геологи-бородачи, которые останавливались у наших соседей после полевого сезона на необъятных просторах Якутии — громкоголосые, уверенные в себе, с мозолистыми руками, насквозь прокопченные якутским жарким солнцем лица и пропахшие дымом костра, в свитерах грубой вязки... Романтика, одним словом. Возможно, это как-то повлияло. Сам я окончил биолого-географический

факультет университета и начинал свою трудовую деятельность как учитель биологии и химии. Три года отработал, как тогда полагалось, по распределению — в глубинке.

— И какая она, якутская глубинка? Как вам там жилось?

— Помню, пришел я в Минпрос за распределением, а начальник отдела кадров Петров мне и говорит: «Требуются учителя в поселок Покровку и в поселок оленеводов Кобяйского района. Куда поедешь?» Надо подумать, отвечаю. Он подводит меня к большой карте, показывает, где находится этот поселок оленеводов-эвенов (оказалось — на правом берегу Лены, среди гор), и начинает соблазнять. «Там, — говорит, — караси — во! Соболя — во! Сохатые — во! Рыбалка — во!» И я, городской мальчик, абсолютно рафинированный, согласился. Нужно

было лететь на самолете из Якутска до поселка Сангар. Оттуда на самолете АН-2 до места. Я 24 дня в аэропорту Сангара просидел! Это мой личный рекорд. Из-за непогоды. За это время был всего один рейс, улете-ло только 12 пассажи-ров. Но, сами понимаете, сколько людей, да еще с детьми, все эти дни в аэ-ропорту рейса ждали. В общем, пошел я в райо-но и сказал заведующей, что не могу добраться до места работы, и деньги у меня закончились. Она написала записку началь-нику аэропорта, и, в ито-ге, я благополучно сел на следующий рейс. Приле-тел в поселок уже после ноябрьских праздников. Как оказалось, прежняя молодая учительница био-логии, приехавшая по распределению, смогла выдержать только одну четверть и уехала домой, в Якутск, поэтому целый учебный год в школе не было учителя биологии. Поселили меня в огром-ном старом интернате. Нас, молодых учителей, там четыре человека жи-ло. Переночевал первую ночь, пытаюсь утром

дверь открыть — не открывается. Оказалось, местные учителя мне, молодому коллеге, оставили у двери всякой еды — караси там лежали, заяц... Такую вот проявили заботу.

— **В бытовом плане трудно было?**

— Трудно. Готовить приходилось самому, каждое утро я бегал на кочегарку за сухими дровами, чтобы печку растопить... Время было еще советское, но уже на излете. Со временем ко мне прониклись. Считаю, я достойно там свои три года отработал. И с кем мне повезло, так это с учителями, с коллегами. Школа наша была малокомплектная — 106 учеников. Стар-шекласники попадались чуть младше меня,

потому что и по два года ребята в одном классе сидели, а то и по три. Пришлось мне быть многостаночником: биология, химия, астрономия, не было физкультурника, я и физкультуру вел, и классное руководство. Однажды спросил пятиклассников: что было раньше — курица или яйцо? На собрании родители учеников меня чуть не побили, сказали: не смей задавать нашим детям вопросы, на которые мы, их родители, ответа не знаем, они нас этой курицей с яйцом замучили, покоя не дают со своими расспросами!

И общественная школьная жизнь у нас бурлила, мы много мероприятий проводили. Например, есть там неподалеку остроконечная гора — Пик чекистов. В Гражданскую войну недалеко от нее добывали свинец, пули из него отливали, и семеро чекистов, которые прибыли сюда за этим свинцом, попали в засаду белогвардейцев и были убиты. Там, в братской могиле все и похоронены. Поэтому у горы такое название. И каждую весну 9 мая совхозная молодежь (и школьники тоже) идут на традиционную маевку и совершают восхождение на эту гору. На вершине лежит большая железная банка от киноплёнки для клубного кинопроектора. Помните, были такие? В ней — тетрадка в клеточку и замусоленный карандаш. Каждый, кто поднимается на Пик чекистов первым, записывает в тетрадку свою фамилию. Так что и моя там есть, за 1984 год.

— Какой-нибудь человек из школьной поры запал особенно в душу?

— У меня там был наставник, Иван Денисович, учитель математики, седой как лунь, хотя нестарый еще был человек. В конце 70-х годов его жену и ребенка глухой осенью задрал медведь-шатун. Получилось так, что младшая дочь Варя заболела, ее положили в больницу, и жена со старшей девочкой пошли ее навещать. Тропинка к больнице, которая стоит на отшибе от поселка, шла через чащобу. Там трагедия и случилась. Иван Денисович ночью один с фонариком пошел по следам и нашел обеих... От пережитого он за одну ночь поседел...

— Жуткая история. Дикий край...

— Край там действительно дикий, богатый дичью. Молодому учителю в выходные в деревне заняться особенно было нечем, и Иван Денисович отдал мне свои охотничьи угодья в семи километрах от поселка. Я ставил там капканы на соболя, на горностаю, ловил петлями зайцев, охотился на куропаток. А еще любил рыбачить. Окуней ловил. Местные окуня за рыбу не считали — мол, костлявый, ели только карася, ленка, хариуса. А я — одолжу у кочегара ледобур (только у него был), пробурю лунку — и сижу с удочкой. Такой рыбалкой занимались лишь немногочисленные русские, которые там жили. Местное население считали удочку баловством, рыбу ловили сетями.

— Возвращаетесь иногда в те места?

— Конечно. Ради общения с природой. Там заснеженные горные вершины, чистейшие речки и озера. Ну и, конечно, рыбалка притягивает. Я очень азартный в этом плане. Сверление проруби, сидение с удочкой — это мое. А еще — бесконечные разговоры в охотничьих и рыбацких избушках. Понимаете, у нас на севере быстро темнеет, поэтому после трех часов уже, считай, делать особо нечего, только разговоры разговаривать. Мой любимый собеседник и товарищ в поездках на зимнюю рыбалку (а поездки обычно дальние и долгие) — однокурсник Василий Малышев. Мы знакомы много лет, поэтому нам даже молчать часами комфортно вместе. Если он возьмет молоток, я знаю, сколько гвоздей ему подать и какого размера. Без слов друг друга понимаем.

Но в целом народ здесь стал разобщенный. Раньше на тех же озерах: вижу — на другой стороне озера машина стоит, обязательно к ней иду, пешком по глубокому снегу, а это километра три, и все ради того, чтобы поздороваться и спросить: «Как дела? Как рыба — клюет?» Поговорю, узнаю последние рыбацкие новости, выпью с ними рюмку водки — и назад. И всегда тебе рады, всегда тебе отвечают тем же добрым отношением. А сейчас нет той приветливости, теплоты и простоты, которые были прежде, и, к сожалению, те душевность и открытость уже не вернуться. Мамонты могут вернуться, а это — никогда.

— Мамонты вернуться?! Что вы имеете в виду?

— В то, что сегодня-завтра может забегать по Земле мамонтенок, похоже, не сомневается уже никто.

Технологии непрерывно развиваются, а наши находки становятся все сенсационнее. Возьмем, к примеру, находку Малоляховского мамонта («Мамонта с кровью»), у которого при раскопе в 2013 году на Новосибирских островах начала вытекать жидкая кровь. И это притом, что обитал этот мамонт на Земле 28 тысяч лет назад, согласно радиоуглеродной датировке. Это реальность. Спросите, зачем клонировать вымершее животное? Какая от этого польза? Лично я думаю, что это как бы машина времени, то есть возвращение на Землю животных, исчезнувших много тысяч лет назад...

— Вы меня, конечно, ошарашили... Но все-таки — каким был ваш путь в науку?

— После того как отработал в глубинке, я 17 лет работал старшим научным сотрудником отдела природы краеведческого музея имени Емельяна Ярославского, серьезно увлекался таксидермией. Кстати, это занятие помогло пережить «лихие девяностые», когда зарплата музейных работников была мизерной. В большинстве краеведческих и школьных музеев нашей республики есть мамонтовые коллекции, разнообразные кости животных Ледникового периода — скелеты, черепа, кости, кожа, шерсть, подошвы, копыта, мягкие ткани... Волей-неволей приходилось определять их, консультироваться с учеными-палеонтологами. В 2001 году для строящегося Музея мамонта мы с напарником изготови-

ли первый в республике муляж мамонта в натуральную величину. Шерстный покров сымитировали волосами из лошадиных хвостов и грив — их понадобилось 450 штук. Муляж мамонта стоит до сих пор и является одной из визитных карточек музея. Потом с группой мастеров сделали муляж Тирехтяхского мамонта для японского музея северных народов Хоккайдо, муляж мамонтенка Димы... К этому времени я начал интересоваться историей палеонтологических находок в Якутии, занялся издательской деятельностью. Издал несколько книг на мамонтовую тематику, был руководителем проекта книги «Якутский феномен — мир мамонтов», составителем фотоальбома «По следам мамонтов», защитил диссертацию. Так, можно сказать, и начинался мой путь в палеонтологию...

— А какие-то детские, еще не осуществленные мечты у вас есть?

— Есть. Главная моя мечта — профессиональная, палеонтологическая. Я мечтаю найти скелет древнего человека. Стоянки везде находим, а их обитателей — нет. Кость человека, в отличие от костей животных, более хрупкая, конечно, но люди-то жили! И почему, если другие животные так хорошо сохраняются в мерзлоте, мы до сих пор не нашли человека? Этот вопрос волнует многих палеонтологов и археологов. Но, как говорил Никулин в одном хорошем фильме: будем искать!.. □

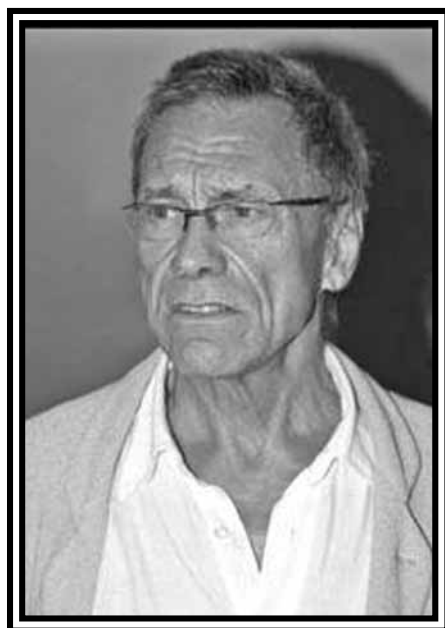
Беседовала **Марина Бойкова**

Георгий Кричевский

НЕСТАРЕЮЩИЙ КИНОКЛАССИК

Он живет на полном ходу, не сбавляя темпа, и часами бегаёт трусцой по утрам. Каждый божий день, в любую погоду, в любой стране, где временно пребывает или работает. Так было в тридцать и в пятьдесят; так неотступно продолжалось после шестидесятилетнего рубежа, 75-летнего, 80-летнего. Так продолжается и сегодня, когда Андрей Сергеевич Кончаловский отметил свое 85-летие...

Его мужское и творческое долголетие не может не изумлять, ведь он все так же регулярно снимает фильмы мирового проката и столь же регулярно продолжает завоевывать призы на самых престижных кинофестивалях. А еще ставит оперные и драматические спектакли, пишет книги и сценарии, продюсирует... И сегодня остается живым классиком отечественного кинематографа, художником, к которому прислушиваются и на которого равняются.

Андрей Сергеевич Михалков-Кончаловский родился в 1937 году в семье выдающегося детского поэта, автора текстов трех государственных гимнов нашей страны, Сергея Владимировича Михалкова, и известной поэтессы и литературной переводчицы Натальи Петровны Кончаловской, дочери знаменитого художника-пейзажиста Петра Кончаловского и внучки великого русского исторического живописца Василия Сурикова. Нежную привязанность к отцу Андрей Сергеевич со-

хранил на всю жизнь. Кстати, в самом начале творческой деятельности он именовал себя Андрон, как его в детстве ласково звали дедушка с мамой, однако, по прошествии лет, предпочел называться Андреем.

Фамильное поместье Михалковых под Нижним Новгородом (ныне вновь приобретенное Никитой Михалковым) обоим братьям заменила уютная дача с просторным участком в элитном поселке писателей, ученых и артистов на Николиной го-

ре в ближнем Подмосковье. Здесь и в многокомнатной квартире на престижной улице Воровского (в прошлом и вновь — Поварской) прошло их вполне счастливое детство.

Отец, Герой Соцтруда, лауреат всех имевшихся тогда государственных премий, кавалер четырех орденов Ленина, председатель Союза писателей РСФСР, будучи всегда занят, обычно приезжал на дачу под ночь, уезжал в Москву рано утром и воспитанием сыновей занимался мало. Это было прерогативой матери, которая привила им любовь к прекрасному. По ее настоянию Андрей окончил Центральную музыкальную школу (ЦМШ) по классу фортепиано, училище при Московской консерватории, учился в Московской государственной консерватории у Льва Оборина, но ушел

с последнего курса, почувствовав призвание к кинорежиссуре, и поступил во ВГИК в мастерскую Михаила Рома.

Там у него произошла судьбоносная встреча со старшекурсником Андреем Тарковским. Они подружились и начали совместно писать сценарии, хоть и являлись полными антиподами в жизни и творчестве.

Вместе «два Андрея» (как их величали тогда) написали сценарий курсовой работы Тарковского «Каток и скрипка» (1960), удостоенного на следующий год первой премии Нью-Йоркского фестиваля студенческих фильмов. В 62-м последовал их совместный сценарий первого шедевра Тарковского «Иваново детство» (Золотой лев Венецианского кинофестиваля и ряд других призов). А затем был «Андрей Рублев», включенный

Слева:

*«Возлюбленные
Марии»*

«Одиссей»

в списки лучших фильмов мирового кинематографа, после чего его создатель Андрей Тарковский со своим верным другом-соавтором разошелся по идейным соображениям и жизненной позиции. Началось их скрытое творческое соперничество.

Диплом Кончаловский защищал полнометражной исторической драмой «Первый учитель» (1965), удостоенной в числе прочих наград «Кубка Вольпи» в Венеции за лучшую женскую роль актрисе Н. Аринбасаровой, ставшей вскоре первой женой молодого режиссера и родившей ему сына Егора, который успешно пошел по его стопам. Этот брак продлился пять лет — годы стремительного возмужания Кончаловского, когда он окончательно выбирает свой собственный путь в кино и в жизни.

Главным для него как для режиссера выступает отныне принцип — ни в чем не повторять себя. Он утверждает, что талант не боится новизны, и совершает неожиданный поворот к «Истории Аси Клячиной» (полное название — «История Аси Клячиной, которая любила одного, да не вышла замуж, потому что гордая была») (1967). В этой абсолютно экспериментальной ленте героиню «хромоножку» в замечательном исполнении Ии Савиной окружают непрофессиональные актеры из числа местных жителей. Режиссеру удался здесь редчайший жанр документальной мелодрамы с «шершавыми» в своей правдивости видами русской деревни и живой речью колхозников, многие из которых прошли через фронт и ГУЛАГ.

*«История
Аси
Клячиной»*

После надолго положенной «на полку» «Аси Клячиной» режиссер делается одной из ключевых фигур российской «новой волны», но со своим «лица необщим выраженьем». Его не спутаешь ни с Климовым, ни с Тарковским, ни с Хуциевым, у которого в памятном эпизоде «Заставы Ильича» «два Андрея» появляются на заре туманной юности в своих собственных обличьях. Жизненная позиция Кончаловского теперь тоже точно определяется: не просветитель, не подвижник и не пророк, а просто либеральный интеллектурал. В душе он, конечно же, не мог не мечтать о международной славе, об «Оскарах», о свободе творчества и свободе жить, как ему хочется. Однако стать «человеком мира» Кончаловский был еще не готов и к

эмиграции как к таковой относился предосудительно. Другое дело, что мировоззрение и художественное мировосприятие его с концом «оттепели» существенно изменились. От острых проблем современности он стал обращаться к экранизациям испытанной литературной классики, экранизациям ярко современным. Классика Тургенева и Чехова позволила развивающемуся режиссерскому таланту Кончаловского совместно с культовым оператором Г. Рербергом и не менее оригинальным художником-постановщиком Н. Двигубским сосредоточиться на пластических решениях, цветовых эффектах и чисто живописных приемах экранного повествования. Блестящие экранизации тургеневского «Дворянского гнез-

да» (1969) и пьесы Чехова «Дядя Ваня» (1971) предвосхитили и определили ту свободную эстетическую манеру, в которой впоследствии снимет свои бесспорные шедевры по Чехову и Гончарову младший брат Кончаловского, Никита Михалков.

Доказав и утвердив себя в исторической классике, режиссер обратился к современности, дерзко штурмуя сложнейшие и столь противоположные жанры поэтического мюзикла «Романс о влюбленных» (1974) и «производственной» эпопеи «Сибириада» (1978).

Первый фильм рождает при просмотре сложную гамму чувств, вызванную взволнованной искренностью сюжетной истории и первозданной свежестью реакций героев. Здесь Кончаловский не боится высокого пафоса — ни любовного, ни патриотического, но, напротив, обращает его в действенное средство воздействия на зрительские эмоции. Причем весь фильм идет на захватывающей музыке молодого тогда еще композитора Александра Градского. Зрители выходили из зала ошеломленные, переполненные впечатлениями от увиденного.

Любовь — счастье и трагедия одновременно. Она случилась. Ее потерял служивший в десантных войсках герой Е. Киндинова, которого не дождалась героиня Е. Кореневой, полюбившая хоккеиста в исполнении А. Збруева. Герой от отчаяния женится без любви на поварихе столовой. Краски исчезают, начинают-

ся серые будни без стихов в черно-белом изображении. Но вот у него с женой (И. Купченко) рождается малыш, и любовь возвращается в новом глубоком чувстве в сопровождении вновь появляющегося на экране цвета, под проникновенную колыбельную... Однако в СССР периода «оттепели» картина была воспринята не как лирическая исповедь, а скорее как пафосно просоветская «кинопоэза», что в общем-то несправедливо.

Не пришлось полностью по душе также и масштабная киноэпопея «Сибириада», где в главных ролях были заняты такие наши «звезды», как Л. Гурченко, В. Соломин, Н. Андрейченко, С. Шакуров, В. Самойлов, П. Кадочников и Н. Михалков. Но то, что лента получила специальный приз в Каннах, открыло режиссеру дорогу на Запад, куда он втайне рвался уже давно.

Увы, говорить о больших достижениях Кончаловского его «голливудского периода» не приходится. «Возлюбленные Марии» (1983), первая картина, снятая Кончаловским после долгих мытарств на «благословенной» американской земле (он описал их в автобиографической книге «Низкие истины»), откровением не стала. Положенная в ее основу повесть А. Платонова «Река Потудань» не отозвалась в фильме своим невероятным духовным напряжением. Получилась типичная голливудская мелодрама с абрисом традиционного любовного треуголь-

*«Белые ночи
почтальона
Виктора
Тряпицы»*

Справа:
«Рай»

ника, фрейдистскими аллюзиями и мастерским синтезированием сентиментальных порывов и зова плоти.

Славянский «след», отчетливо ощутимый в фильме, появится и в философском экшене «Поезд-беглец» (1985) по сценарию самого А. Куросавы, где двое закоренелых беглых преступников, вскочив на несущийся во мглу без машиниста обезумевший поезд, отчаянно пытаются настигнуть ускользающий от них призрак свободы. Жесткая мужская схватка в момент смертельной опасности, ледяное дыхание Аляски — все это снято стильно, темпераментно, по-американски, брутальная атмосфера триллера выдержана здесь от начала до конца. И все же славянская «рефлексия» несколько размывает жанр. Думается, именно она помешала Кончаловскому окончательно адаптироваться в Голливуде.

Внешней причиной возвращения Андрея Сергеевича на родину из «фабрики звезд» стали его серьезные размолвки с продюсером масштабного боевика «Танго и Кэш» с С. Сталлоне и К. Расселом в главных ролях. Фильм доснимал уже другой режиссер, но Кончаловский фигурирует на титрах в качестве единственного постановщика картины. В своей книге «Низкие истины» он пишет, что не мог больше выносить голливудского диктата продюсеров и штамповочного конвейера кинопроизводства. Очевидно, истинные причины отъезда лежат глубже. Авторское кино, которое занимало все его помыслы, ему там по разным причинам не удавалось. И это несмотря на то, что за плечами у Кончаловского к тому времени уже были и психоаналитический «Дуэт для солиста» (1986), и трагикомедия «Гомер и Эди» (1989),

и настоящий экологический кинороман «Скромные люди» (1987), отсылающие зрителя к «Прощанию» Э. Климова и «Покаянию» Т. Абуладзе. Герои, конфликты этих картин упорно напоминали русский исторический контекст, чеховские, горьковские мотивы, содержали реминисценции произведений Достоевского...

В 1997 году Кончаловский снял триумфальный телевизионный фильм «Одиссей» (1997), как бы символизирующий его собственную судьбу и устремления. Этот удостоенный «Эми» стремительный и цельный фильм, весь как бы в густоте оливкового масла, бликах средиземноморского солнца, выразительных движениях бронзовых, лоснящихся от пота тел греческих воинов, побуждающий нас любоваться развевающимися на ветру гривами волос женщин Итаки и стройными силуэта-

ми легких парусников (керкуров), этот фильм-легенда, фильм-притча ознаменовал запоздалое признание в России «штучных» работ Кончаловского на чужбине.

Увы, «своим» на Западе он так и не стал, сохранив определенную национальную ментальность и неистребимый русский романтизм, по контрасту с трезво-рассудочной натурой. Зато, даже по западным меркам, сделался очень состоятельным человеком. Особняк с интерьерами в русском стиле в старом дачном поселке на Николиной Горе, можно сказать, родовое гнездо. Поражающий великолепием и размерами трехэтажный дом в Лондоне, тосканское поместье... А есть еще вилла на побережье Тихого океана в Лос-Анджелесе.

Оформлять дизайн всех этих владений, выбирать для них мебель по-

«Дом дураков»

могала последняя жена Андрея Сергеевича, актриса Юлия Высоцкая, мать двух его поздних детей и его муза, которую он снимает со времен женитьбы в каждом своем фильме и которую занимает во всех своих драматических спектаклях. Тридцатишестилетняя разница в возрасте совершенно не мешает им двоим вот уже 26 лет быть счастливыми в браке.

Поздние фильмы Кончаловского, снятые в России, являют нам их создателя в постоянных попытках уйти от себя предыдущего, «вчерашнего». Быть может, в этом кроется залог изумительного режиссерского долголетия Андрея Кончаловского. Его российские картины последних десятилетий не раз обвиняли в конъюнктурности, конфор-

мизме, а они с завидным постоянством продолжали брать престижные призы на главных международных киносмотрях: «Серебряный лев» Венецианского фестиваля за лучшую режиссуру — фильм «Белые ночи почтальона Виктора Тряпицына» (2014). До этого «Серебряного льва» в Венеции удостоился «Дом дураков» (2002). Третьего «льва» получил фильм «Рай» (2016). И, наконец, в 2020 году специальный приз жюри был присужден Кончаловскому за фильм «Дорогие товарищи!». И все это, не считая отечественных кинопремий «ТЭФИ», «Ника», «Золотой орел» и других.

Вернувшись домой, Кончаловский начал с фильма «Ближний круг» (1991), Затем был «Дом дура-

ков» — причудливая смесь черной комедии, трогательной мелодрамы и психологического триллера в духе потрясающей формановской «Кукушки».

Юлия Высоцкая в центре картины показала настоящий класс, ведь убедительно сыграть полупомешанную (ее мания — ожидание придуманного жениха, канадского попидола Б. Адамса, тоже появляющегося в фильме) потруднее, чем прикидываться сумасшедшей. У Кончаловского получился очень личный фильм о никчемных людях в безумном мире, фильм неровный, но с «нервом», откровенный. Странно, что режиссер наглотался за него упреков в цинизме, конъюнктурности, плагиате, хотя это абсолютно авторский фильм, признающий ошибочность пути, которым Кончаловский достаточно успешно шел в Голливуде. Картину наградили в Венеции и выдвинули от России на «Оскар».

Ковчег психушки в «Доме дураков» сменился в «Глянце» (2007) герметичным мирком Дома моды. И вновь Юлия Высоцкая блеснула в главной роли рвущейся на подиум вульгарной провинциалки, становящейся под конец гламурной супругой эксцентричного русского миллиардера в исполнении Александра Домогарова. В начале картины противопоставлены два мира — провинция и столица. Но так ли уж они противоположны друг другу — задается

вопросом режиссер. «Глянец» разрушает в общем-то тривиальные иллюзии обитателей обоих миров; и мы видим, что за их профессиональным тщеславием кроется тоска и духовная пустота...

И все же фильм этот при всех его достоинствах скорее разлекательный, чего уж точно не скажешь об исторической драме «Рай», мировая премьера которой состоялась в сентябре 2016 года и получила «Серебряного льва» Венецианского фестиваля за лучшую режиссерскую работу. Это, без преувеличения, выдающееся произведение киноискусства, как по форме, так и по содержанию, относится к разряду «трудного кино». Но смотреть его надо, особенно молодежи, ибо оно рассказывает об опасной притягательности зла для неокрепших душ и умов, показывая при этом неотвратимую силу жертвенных стремлений отдельных личностей спасти обреченных на смерть несчастных, а вместе с ними — и собственное «я». Раем же в фильме является та душевная пристань, куда попадает в впечатляющем воплощении Ю. Высоцкой главная героиня, русская аристократка и участница французского Сопротивления Ольга, ценой собственной жизни пытающаяся уберечь от гибели в фашистском концлагере еврейских детей с их матерью.

Обращение к прошлому позволяет Кончаловскому быть более свободным, чем в кино о настоящем,

которое требует от художника «слияния» со временем. А режиссер «Рая» всегда предпочитал позицию отстраненного наблюдателя и аналитика явлений, фактов, поступков. Он оглядывается назад, чтобы не судить происходящее здесь и сейчас, чтобы говорить о всеобщем, а не о частном. Собственно, и концлагерь в фильме — тема вторичная. Концлагерными ужасами на экране, по мысли Кончаловского, сегодня уже незачем удивлять. Страх в фильме рождается в результате конфликта персонажей, каждый из которых считает себя правым и пытается строить свой индивидуальный «рай».

Кончаловский никогда не подразделял свое киноискусство на высокое и низкое, не считал себя залож-

ником какой-то определенной стилистической манеры и жанровой формы, чурался территории элитарного кино «не для всех», оставаясь, разумеется, режиссером, тяготеющим к многозначным образам и глубоким чувствам, которые призваны волновать зрителя.

То, что он настоящий Мастер, которому подвластны любые жанры, Кончаловский в очередной раз доказал, сняв после вынужденного «простоя» во Франции из-за тяжелой травмы дочери в результате автокатастрофы полуигровую-полудокументальную картину, вновь о российской «глубинке» «Белые ночи почтальона Виктора Тряпицына» (2014). В какой-то степени это жанровое продолжение «Аси Кля-

*«Дорогие
товарищи»*

чиной» и «Курочки Рябы», но насыщенное иными реалиями, иной философией. И самое важное — здесь даже заглавную роль режиссер рискнул отдать местному почтальону В. Тряпицыну.

Съемочная группа более полугода отсматривала потенциальных персонажей в разных регионах страны. Искали героя с интересной судьбой и колоритным окружением. Нашли в окруженном озерами поселке Архангельской области, где единственная связь с внешним миром по воде, на моторке почтальона Лехи. «Снимать непрофессионалов очень сложно, — рассказывал Андрей Сергеевич. — Нельзя дать им

текст, чтобы они его выучили и говорили — это невозможно, поэтому мы шли за ними, они понимали нас, а мы — их... Это замечательные люди... только живут, конечно, в другом веке».

Сценария не было. Одна лишь общая канва. Однако и она менялась в процессе съемок неоднократно. Причем, выходя на площадку, создатели картины не знали, что конкретно будут снимать — как получится. И получилось! Она снова получила «Серебряного льва» на Венецианском кинофестивале, а еще выдвигалась от России на «Оскар», попала в «шорт-лист», но выпала из итоговой номинации. «Я считаю, что сейчас «Оскар» — как «Макдо-

нальдс», это транснациональная корпорация. И качество у нее очень сомнительное», — заявил в 2017-м Андрей Кончаловский, предложив в качестве санкционной меры не выдвигать больше российские фильмы на эту обесценившуюся награду Американской киноакадемии.

А тепло встреченная российскими зрителями лента «Белые ночи почтальона Виктора Тряпицына» продолжала тем временем совершать триумфальное шествие по экранам мира. И впечатляющей метафорой фильма стал его контрастный финал, когда за спиной Лехипочтальона, вернувшегося из райцентра в свою вековую северную деревню, с соседнего космодрома уходит в небо на столбе пламени межконтинентальная ракета...

Впереди, после бесспорного «Рая», у режиссера был спорный во многих отношениях, масштабный, постановочный исторический байопик «Грех» (2019), посвященный нескольким годам жизни Микеланджело на старте его величайших творений — росписи свода Сикстинской капеллы, ваяния мраморной гробницы папы Юлия II и фасада Базилики Сан-Лоренцо во Флоренции. Готовясь к этим работам, он отправляется в Каррару за гигантским мраморным блоком, который ему выпиливают в знаменитых на весь свет каменоломнях. Одновременно гениальный художник, скульптор и архитектор погружен в низменные житей-

ские дразги и проблемы, разрываясь между двумя самыми могущественными семействами средневековой Италии, стремящимися заполучить его целиком себе.

Переключка здесь с «Рублевым» Тарковского (сценарий которого, мы помним, Кончаловский писал вместе с ним) очевидна. Там гений несет в душе языческую чувственность и христианские озарения, воспаряя над земным ужасом монголо-татарского ига. Здесь же герой буквально погружен в средневековую «грязь», лишен сакрального ореола и являет постыдные пороки, вплоть до прямого воровства...

Остается ли он при этом в глазах зрителя гениальным Творцом — вот в чем вопрос. Мнения авторитетных кинокритиков по поводу фильма разделились. Многие отказывают ему в художественном озарении, упрекают в рассудочности, старомодности, упрощенчестве. Думаю, это не совсем так. Да и вообще, творческая неудача выдающегося мастера ценнее и интереснее неожиданной удачи посредственного ремесленника.

Для меня лично «Грех» — фильм о неподдельной красоте, наполняющей наш грешный мир и пробивающейся сквозь «грязь» людского бытия. Нет, в этом неровном, порой теряющем темпоритм и смысловые ориентиры фильме есть, безусловно, и выразительная драматургия, и глубина. А еще — блистательная игра даже внешне столь похожего

«Грех»

на Микеланджело А. Тестоне и других итальянских актеров.

Картина в классическом экранном формате 4:3 снималась несколько лет в Италии, на итальянском языке (с русским закадровым переводом). Внушительный бюджет позволил режиссеру с художниками и декораторами воссоздать средневековую атмосферу — от дворцовых и уличных экстерьеров Флоренции и Рима до завораживающих интерьеров Сикстинской капеллы. На экране словно оживают великие живописные полотна, наделенные волшебной игрой светотени и виртуозной проработкой полутонов. Оживают также традиционные пейзажи старых мастеров с их тонущими во мраке горными кручами и бездонными пропастями, которые изобра-

зительный ряд фильма превращают в аллегорию бездн людских страстей и пороков. Погружая всю картину в живописные, музыкальные и кинематографические ассоциации, Кончаловский проводит мысль, что создание бессмертных шедевров Ренессанса целиком зависело от прихотей их могущественных заказчиков. Да и вообще участь этих шедевров могла оказаться плачевной. Недаром в фильме рядом с грандиозной скульптурой микеланджеловского Давида болтается труп повешенного...

«Мой фильм — это не размышление о живописи Микеланджело, — сказал режиссер. — Моей задачей было показать человека Ренессанса, который был гениальным художником и вместе с тем обычным че-

ловеком со своими слабостями, страхами и недостатками. Я... больше заинтересован не талантом Микеланджело как таковым, а... его отношениями с эпохой, полной вдохновения и красоты, и в то же время кровавой и жестокой».

Ну и тут уж в дело вступает упоение фактурой, как у всякого крупного советского режиссера-шестидесятника. За ней, правда, иногда теряется маленькая тщедушная фигурка взъерошенного и дочерна загорелого Тестоне-Микеланджело, напоминающего измученного ворона. Не зря ведь мотив этой таинственной птицы пронизывает всю картину; и герой, словно ворон, «перепархивает» из одной низменной житейской ситуации в другую. При этом постоянно обращаясь к Всевышнему за прощением и советом.

Мы не увидим его в фильме за божественной работой «освобождения» будущей скульптуры из циклопического мраморного блока. И — хорошо, наверное. Зато увидим, как он, трогательный и улыбающийся, несет куда-то по пыльной дороге на вытянутых ладонях свой деревянный макет грандиозного ватиканского Собора Святого Петра.

После выхода фильма «Грех» пошли разговоры о том, что Андрей Кончаловский выдыхается, и что его режиссерская потенция в преддверии 85-летия идет на убыль. Постановки в разных странах оперных и драматических спектаклей, продюсирование работ молодых и не очень молодых мастеров через свой продюсерский центр, участие в публицистических проектах только уси-

«Глянец»

ливали расхожее мнение, что большое кино ему уже не по зубам.

И вот в 2020 году на Венецианском фестивале состоялась премьера черно-белой остро обличительной, почти хроникально документированной игровой драмы «Дорогие товарищи!», посвященной новочеркасскому расстрелу в 1962 году рабочей демонстрации протеста против отвратительных условий жизни. Перед нами внятное и мощное художественное высказывание в почти квадратном экранном формате, выявляющее подоплеку того, что случилось однажды в СССР и долгие годы оставалось позорным белым пятном в нашей общей и без того достаточно избирательной исторической памяти.

Причем этот строгий и лаконичный фильм отнюдь не о жестокости лицемерной советской системы и даже не о заведомой обреченности попыток отчаявшейся толпы изменить установленный порядок. Он о том, что всякий государственный порядок вещей по-своему бездушен и способен привести к аналогичным печальным событиям. Это режиссеру, подолгу работавшему в Европе и Америке, известно не понаслышке. К счастью, люди не везде безнадешны. Остается уповать лишь на счастливую случайность «человеческого фактора», что Кончаловский и делает во всех своих фильмах. В «Дорогих товарищах!» «человеческий фактор» добра и элементарной порядочности героини Юлии Высоцкой под воздействием страшно-

го пережитого ею с дочерью опыта выходит победителем.

Высоцкая сыграла здесь зашоренного и, в то же время, вполне циничного инструктора горкома партии. Поначалу актриса создает роль на выразительных бытовых штрихах и подробностях, а во второй половине картины достигает поистине трагедийной высоты образа. Она заставляет вспомнить неподражаемую И. Чурикову в фильме Г. Панфилова «Прошу слова», а также незабываемых героинь итальянского кино периода расцвета. И Кончаловский с исключительным мастерством строит «под нее» мизансцены, акцентирует каждый кадр с ней при съемке и в монтаже. Именно стилистическая отточенность фильма вызывает ощущение, что он снят тем самым молодым режиссером, который в 1962-м, убедительно реконструированном им теперь на экране, уже смело пробовал свои силы...

На фоне «Серебряного льва» — приза Большого жюри Венецианского кинофестиваля за картину «Дорогие товарищи!» — Андрей Сергеевич спокойно говорит во время очередного интервью о постигшей его неудаче с высокобюджетным, со «звездным» актерским составом, музыкальным сказочным фильмом в 3D «Щелкунчик и Крысиный Король» по мотивам одноименной сказки Гофмана и балета Чайковского (2010). Столь же спокойно он относится к своим полностью заслуженным фе-

стивальным призам, правительственным наградам, званиям. Их у него много...

Народный артист РСФСР, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», ордена «За заслуги перед Итальянской Республикой» и ордена Почетного легиона (Франция), Андрей Кончаловский делал и продолжает делать в искусстве то, что другие просто не в состоянии сделать или бояться себе позволить. И у него получается (пусть и не всегда). Фильмы Кончаловского порой достаточно резко диссонируют с его же публичными высказываниями. Это режиссера тоже не смущает. Старости он не боится, заявляя, что старость — это когда исчезают желания, а у него они пока не исчезли. Застать Андрея Сергеевича дома, на одном месте почти невозможно — он все время в пути, в работе. Сейчас, правда, надолго прикипел к родной природе и отечественным павильонам — снимает исторический мини-сериал о причинах, истоках и результатах Октябрьской революции, действие которого разворачивается с 1905-го по 1924-й годы. Поистине исполинская задача!

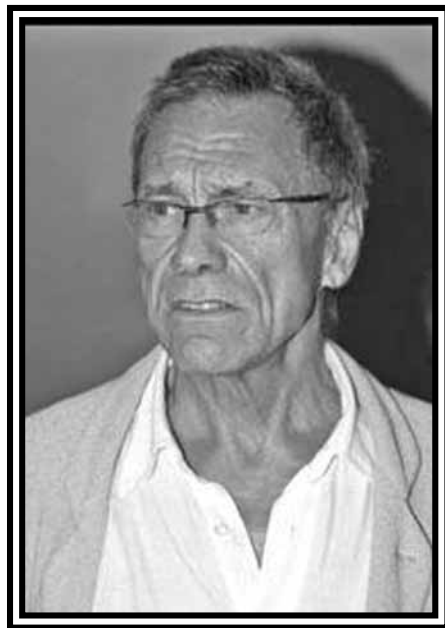
Как ни странно, этот увенчанный лаврами Мастер считает себя, как он сам выражается безо всякого кокетства, «начинающим режиссером. Ну, может быть, уже не совсем начинающим, но все еще подающим надежды. По крайней мере, самому себе». □

Георгий Кричевский

НЕСТАРЕЮЩИЙ КИНОКЛАССИК

Он живет на полном ходу, не сбавляя темпа, и часами бегаёт трусцой по утрам. Каждый божий день, в любую погоду, в любой стране, где временно пребывает или работает. Так было в тридцать и в пятьдесят; так неотступно продолжалось после шестидесятилетнего рубежа, 75-летнего, 80-летнего. Так продолжается и сегодня, когда Андрей Сергеевич Кончаловский отметил свое 85-летие...

Его мужское и творческое долголетие не может не изумлять, ведь он все так же регулярно снимает фильмы мирового проката и столь же регулярно продолжает завоевывать призы на самых престижных кинофестивалях. А еще ставит оперные и драматические спектакли, пишет книги и сценарии, продюсирует... И сегодня остается живым классиком отечественного кинематографа, художником, к которому прислушиваются и на которого равняются.

Андрей Сергеевич Михалков-Кончаловский родился в 1937 году в семье выдающегося детского поэта, автора текстов трех государственных гимнов нашей страны, Сергея Владимировича Михалкова, и известной поэтессы и литературной переводчицы Натальи Петровны Кончаловской, дочери знаменитого художника-пейзажиста Петра Кончаловского и внучки великого русского исторического живописца Василия Сурикова. Нежную привязанность к отцу Андрей Сергеевич со-

хранил на всю жизнь. Кстати, в самом начале творческой деятельности он именовал себя Андрон, как его в детстве ласково звали дедушка с мамой, однако, по прошествии лет, предпочел называться Андреем.

Фамильное поместье Михалковых под Нижним Новгородом (ныне вновь приобретенное Никитой Михалковым) обоим братьям заменила уютная дача с просторным участком в элитном поселке писателей, ученых и артистов на Николиной го-

ре в ближнем Подмосковье. Здесь и в многокомнатной квартире на престижной улице Воровского (в прошлом и вновь — Поварской) прошло их вполне счастливое детство.

Отец, Герой Соцтруда, лауреат всех имевшихся тогда государственных премий, кавалер четырех орденов Ленина, председатель Союза писателей РСФСР, будучи всегда занят, обычно приезжал на дачу под ночь, уезжал в Москву рано утром и воспитанием сыновей занимался мало. Это было прерогативой матери, которая привила им любовь к прекрасному. По ее настоянию Андрей окончил Центральную музыкальную школу (ЦМШ) по классу фортепиано, училище при Московской консерватории, учился в Московской государственной консерватории у Льва Оборина, но ушел

с последнего курса, почувствовав призвание к кинорежиссуре, и поступил во ВГИК в мастерскую Михаила Рома.

Там у него произошла судьбоносная встреча со старшекурсником Андреем Тарковским. Они подружились и начали совместно писать сценарии, хоть и являлись полными антиподами в жизни и творчестве.

Вместе «два Андрея» (как их величали тогда) написали сценарий курсовой работы Тарковского «Каток и скрипка» (1960), удостоенного на следующий год первой премии Нью-Йоркского фестиваля студенческих фильмов. В 62-м последовал их совместный сценарий первого шедевра Тарковского «Иваново детство» (Золотой лев Венецианского кинофестиваля и ряд других призов). А затем был «Андрей Рублев», включенный

Слева:

*«Возлюбленные
Марии»*

«Одиссей»

в списки лучших фильмов мирового кинематографа, после чего его создатель Андрей Тарковский со своим верным другом-соавтором разошелся по идейным соображениям и жизненной позиции. Началось их скрытое творческое соперничество.

Диплом Кончаловский защищал полнометражной исторической драмой «Первый учитель» (1965), удостоенной в числе прочих наград «Кубка Вольпи» в Венеции за лучшую женскую роль актрисе Н. Аринбасаровой, ставшей вскоре первой женой молодого режиссера и родившей ему сына Егора, который успешно пошел по его стопам. Этот брак продлился пять лет — годы стремительного возмужания Кончаловского, когда он окончательно выбирает свой собственный путь в кино и в жизни.

Главным для него как для режиссера выступает отныне принцип — ни в чем не повторять себя. Он утверждает, что талант не боится новизны, и совершает неожиданный поворот к «Истории Аси Клячиной» (полное название — «История Аси Клячиной, которая любила одного, да не вышла замуж, потому что гордая была») (1967). В этой абсолютно экспериментальной ленте героиню «хромоножку» в замечательном исполнении Ии Савиной окружают непрофессиональные актеры из числа местных жителей. Режиссеру удался здесь редчайший жанр документальной мелодрамы с «шершавыми» в своей правдивости видами русской деревни и живой речью колхозников, многие из которых прошли через фронт и ГУЛАГ.

*«История
Аси
Клячиной»*

После надолго положенной «на полку» «Аси Клячиной» режиссер делается одной из ключевых фигур российской «новой волны», но со своим «лица необщим выраженьем». Его не спутаешь ни с Климовым, ни с Тарковским, ни с Хуциевым, у которого в памятном эпизоде «Заставы Ильича» «два Андрея» появляются на заре туманной юности в своих собственных обличьях. Жизненная позиция Кончаловского теперь тоже точно определяется: не просветитель, не подвижник и не пророк, а просто либеральный интелlectual. В душе он, конечно же, не мог не мечтать о международной славе, об «Оскарах», о свободе творчества и свободе жить, как ему хочется. Однако стать «человеком мира» Кончаловский был еще не готов и к

эмиграции как к таковой относился предосудительно. Другое дело, что мировоззрение и художественное мировосприятие его с концом «оттепели» существенно изменились. От острых проблем современности он стал обращаться к экранизациям испытанной литературной классики, экранизациям ярко современным. Классика Тургенева и Чехова позволила развивающемуся режиссерскому таланту Кончаловского совместно с культовым оператором Г. Рербергом и не менее оригинальным художником-постановщиком Н. Двигубским сосредоточиться на пластических решениях, цветовых эффектах и чисто живописных приемах экранного повествования. Блестящие экранизации тургеневского «Дворянского гнез-

да» (1969) и пьесы Чехова «Дядя Ваня» (1971) предвосхитили и определили ту свободную эстетическую манеру, в которой впоследствии снимет свои бесспорные шедевры по Чехову и Гончарову младший брат Кончаловского, Никита Михалков.

Доказав и утвердив себя в исторической классике, режиссер обратился к современности, дерзко штурмуя сложнейшие и столь противоположные жанры поэтического мюзикла «Романс о влюбленных» (1974) и «производственной» эпопеи «Сибириада» (1978).

Первый фильм рождает при просмотре сложную гамму чувств, вызванную взволнованной искренностью сюжетной истории и первозданной свежестью реакций героев. Здесь Кончаловский не боится высокого пафоса — ни любовного, ни патриотического, но, напротив, обращает его в действенное средство воздействия на зрительские эмоции. Причем весь фильм идет на захватывающей музыке молодого тогда еще композитора Александра Градского. Зрители выходили из зала ошеломленные, переполненные впечатлениями от увиденного.

Любовь — счастье и трагедия одновременно. Она случилась. Ее потерял служивший в десантных войсках герой Е. Киндинова, которого не дождалась героиня Е. Кореневой, полюбившая хоккеиста в исполнении А. Збруева. Герой от отчаяния женится без любви на поварихе столовой. Краски исчезают, начинают-

ся серые будни без стихов в черно-белом изображении. Но вот у него с женой (И. Купченко) рождается малыш, и любовь возвращается в новом глубоком чувстве в сопровождении вновь появляющегося на экране цвета, под проникновенную колыбельную... Однако в СССР периода «оттепели» картина была воспринята не как лирическая исповедь, а скорее как пафосно просоветская «кинопоэза», что в общем-то несправедливо.

Не пришлось полностью по душе также и масштабная киноэпопея «Сибириада», где в главных ролях были заняты такие наши «звезды», как Л. Гурченко, В. Соломин, Н. Андрейченко, С. Шакуров, В. Самойлов, П. Кадочников и Н. Михалков. Но то, что лента получила специальный приз в Каннах, открыло режиссеру дорогу на Запад, куда он втайне рвался уже давно.

Увы, говорить о больших достижениях Кончаловского его «голливудского периода» не приходится. «Возлюбленные Марии» (1983), первая картина, снятая Кончаловским после долгих мытарств на «благословенной» американской земле (он описал их в автобиографической книге «Низкие истины»), откровением не стала. Положенная в ее основу повесть А. Платонова «Река Потудань» не отозвалась в фильме своим невероятным духовным напряжением. Получилась типичная голливудская мелодрама с абрисом традиционного любовного треуголь-

*«Белые ночи
почтальона
Виктора
Тряпицы»*

Справа:
«Рай»

ника, фрейдистскими аллюзиями и мастерским синтезированием сентиментальных порывов и зова плоти.

Славянский «след», отчетливо ощутимый в фильме, появится и в философском экшене «Поезд-беглец» (1985) по сценарию самого А. Куросавы, где двое закоренелых беглых преступников, вскочив на несущийся во мглу без машиниста обезумевший поезд, отчаянно пытаются настигнуть ускользающий от них призрак свободы. Жесткая мужская схватка в момент смертельной опасности, ледяное дыхание Аляски — все это снято стильно, темпераментно, по-американски, брутальная атмосфера триллера выдержана здесь от начала до конца. И все же славянская «рефлексия» несколько размывает жанр. Думается, именно она помешала Кончаловскому окончательно адаптироваться в Голливуде.

Внешней причиной возвращения Андрея Сергеевича на родину из «фабрики звезд» стали его серьезные размолвки с продюсером масштабного боевика «Танго и Кэш» с С. Сталлоне и К. Расселом в главных ролях. Фильм доснимал уже другой режиссер, но Кончаловский фигурирует на титрах в качестве единственного постановщика картины. В своей книге «Низкие истины» он пишет, что не мог больше выносить голливудского диктата продюсеров и штамповочного конвейера кинопроизводства. Очевидно, истинные причины отъезда лежат глубже. Авторское кино, которое занимало все его помыслы, ему там по разным причинам не удавалось. И это несмотря на то, что за плечами у Кончаловского к тому времени уже были и психоаналитический «Дуэт для солиста» (1986), и трагикомедия «Гомер и Эди» (1989),

и настоящий экологический кинороман «Скромные люди» (1987), отсылающие зрителя к «Прощанию» Э. Климова и «Покаянию» Т. Абуладзе. Герои, конфликты этих картин упорно напоминали русский исторический контекст, чеховские, горьковские мотивы, содержали реминисценции произведений Достоевского...

В 1997 году Кончаловский снял триумфальный телевизионный фильм «Одиссей» (1997), как бы символизирующий его собственную судьбу и устремления. Этот удостоенный «Эми» стремительный и цельный фильм, весь как бы в густоте оливкового масла, бликах средиземноморского солнца, выразительных движениях бронзовых, лоснящихся от пота тел греческих воинов, побуждающий нас любоваться развевающимися на ветру гривами волос женщин Итаки и стройными силуэта-

ми легких парусников (керкуров), этот фильм-легенда, фильм-притча ознаменовал запоздалое признание в России «штучных» работ Кончаловского на чужбине.

Увы, «своим» на Западе он так и не стал, сохранив определенную национальную ментальность и неистребимый русский романтизм, по контрасту с трезво-рассудочной натурой. Зато, даже по западным меркам, сделался очень состоятельным человеком. Особняк с интерьерами в русском стиле в старом дачном поселке на Николиной Горе, можно сказать, родовое гнездо. Поражающий великолепием и размерами трехэтажный дом в Лондоне, тосканское поместье... А есть еще вилла на побережье Тихого океана в Лос-Анджелесе.

Оформлять дизайн всех этих владений, выбирать для них мебель по-

«Дом дураков»

могала последняя жена Андрея Сергеевича, актриса Юлия Высоцкая, мать двух его поздних детей и его муза, которую он снимает со времен женитьбы в каждом своем фильме и которую занимает во всех своих драматических спектаклях. Тридцатишестилетняя разница в возрасте совершенно не мешает им двоим вот уже 26 лет быть счастливыми в браке.

Поздние фильмы Кончаловского, снятые в России, являют нам их создателя в постоянных попытках уйти от себя предыдущего, «вчерашнего». Быть может, в этом кроется залог изумительного режиссерского долголетия Андрея Кончаловского. Его российские картины последних десятилетий не раз обвиняли в конъюнктурности, конфор-

мизме, а они с завидным постоянством продолжали брать престижные призы на главных международных киносмотрях: «Серебряный лев» Венецианского фестиваля за лучшую режиссуру — фильм «Белые ночи почтальона Виктора Тряпицына» (2014). До этого «Серебряного льва» в Венеции удостоился «Дом дураков» (2002). Третьего «льва» получил фильм «Рай» (2016). И, наконец, в 2020 году специальный приз жюри был присужден Кончаловскому за фильм «Дорогие товарищи!». И все это, не считая отечественных кинопремий «ТЭФИ», «Ника», «Золотой орел» и других.

Вернувшись домой, Кончаловский начал с фильма «Ближний круг» (1991), Затем был «Дом дура-

ков» — причудливая смесь черной комедии, трогательной мелодрамы и психологического триллера в духе потрясающей формановской «Кукушки».

Юлия Высоцкая в центре картины показала настоящий класс, ведь убедительно сыграть полупомешанную (ее мания — ожидание придуманного жениха, канадского попидола Б. Адамса, тоже появляющегося в фильме) потруднее, чем прикидываться сумасшедшей. У Кончаловского получился очень личный фильм о никчемных людях в безумном мире, фильм неровный, но с «нервом», откровенный. Странно, что режиссер наглотался за него упреков в цинизме, конъюнктурности, плагиате, хотя это абсолютно авторский фильм, признающий ошибочность пути, которым Кончаловский достаточно успешно шел в Голливуде. Картину наградили в Венеции и выдвинули от России на «Оскар».

Ковчег психушки в «Доме дураков» сменился в «Глянце» (2007) герметичным мирком Дома моды. И вновь Юлия Высоцкая блеснула в главной роли рвущейся на подиум вульгарной провинциалки, становящейся под конец гламурной супругой эксцентричного русского миллиардера в исполнении Александра Домогарова. В начале картины противопоставлены два мира — провинция и столица. Но так ли уж они противоположны друг другу — задается

вопросом режиссер. «Глянец» разрушает в общем-то тривиальные иллюзии обитателей обоих миров; и мы видим, что за их профессиональным тщеславием кроется тоска и духовная пустота...

И все же фильм этот при всех его достоинствах скорее разлекательный, чего уж точно не скажешь об исторической драме «Рай», мировая премьера которой состоялась в сентябре 2016 года и получила «Серебряного льва» Венецианского фестиваля за лучшую режиссерскую работу. Это, без преувеличения, выдающееся произведение киноискусства, как по форме, так и по содержанию, относится к разряду «трудного кино». Но смотреть его надо, особенно молодежи, ибо оно рассказывает об опасной притягательности зла для неокрепших душ и умов, показывая при этом неотвратимую силу жертвенных стремлений отдельных личностей спасти обреченных на смерть несчастных, а вместе с ними — и собственное «я». Раем же в фильме является та душевная пристань, куда попадает в впечатляющем воплощении Ю. Высоцкой главная героиня, русская аристократка и участница французского Сопротивления Ольга, ценой собственной жизни пытающаяся уберечь от гибели в фашистском концлагере еврейских детей с их матерью.

Обращение к прошлому позволяет Кончаловскому быть более свободным, чем в кино о настоящем,

которое требует от художника «слияния» со временем. А режиссер «Рая» всегда предпочитал позицию отстраненного наблюдателя и аналитика явлений, фактов, поступков. Он оглядывается назад, чтобы не судить происходящее здесь и сейчас, чтобы говорить о всеобщем, а не о частном. Собственно, и концлагерь в фильме — тема вторичная. Концлагерными ужасами на экране, по мысли Кончаловского, сегодня уже незачем удивлять. Страх в фильме рождается в результате конфликта персонажей, каждый из которых считает себя правым и пытается строить свой индивидуальный «рай».

Кончаловский никогда не подразделял свое киноискусство на высокое и низкое, не считал себя залож-

ником какой-то определенной стилистической манеры и жанровой формы, чурался территории элитарного кино «не для всех», оставаясь, разумеется, режиссером, тяготеющим к многозначным образам и глубоким чувствам, которые призваны волновать зрителя.

То, что он настоящий Мастер, которому подвластны любые жанры, Кончаловский в очередной раз доказал, сняв после вынужденного «простоя» во Франции из-за тяжелой травмы дочери в результате автокатастрофы полуигровую-полудокументальную картину, вновь о российской «глубинке» «Белые ночи почтальона Виктора Тряпицына» (2014). В какой-то степени это жанровое продолжение «Аси Кля-

*«Дорогие
товарищи»*

чиной» и «Курочки Рябы», но насыщенное иными реалиями, иной философией. И самое важное — здесь даже заглавную роль режиссер рискнул отдать местному почтальону В. Тряпицыну.

Съемочная группа более полугода отсматривала потенциальных персонажей в разных регионах страны. Искали героя с интересной судьбой и колоритным окружением. Нашли в окруженном озерами поселке Архангельской области, где единственная связь с внешним миром по воде, на моторке почтальона Лехи. «Снимать непрофессионалов очень сложно, — рассказывал Андрей Сергеевич. — Нельзя дать им

текст, чтобы они его выучили и говорили — это невозможно, поэтому мы шли за ними, они понимали нас, а мы — их... Это замечательные люди... только живут, конечно, в другом веке».

Сценария не было. Одна лишь общая канва. Однако и она менялась в процессе съемок неоднократно. Причем, выходя на площадку, создатели картины не знали, что конкретно будут снимать — как получится. И получилось! Она снова получила «Серебряного льва» на Венецианском кинофестивале, а еще выдвигалась от России на «Оскар», попала в «шорт-лист», но выпала из итоговой номинации. «Я считаю, что сейчас «Оскар» — как «Макдо-

нальдс», это транснациональная корпорация. И качество у нее очень сомнительное», — заявил в 2017-м Андрей Кончаловский, предложив в качестве санкционной меры не выдвигать больше российские фильмы на эту обесценившуюся награду Американской киноакадемии.

А тепло встреченная российскими зрителями лента «Белые ночи почтальона Виктора Тряпицына» продолжала тем временем совершать триумфальное шествие по экранам мира. И впечатляющей метафорой фильма стал его контрастный финал, когда за спиной Лехипочтальона, вернувшегося из райцентра в свою вековечную северную деревню, с соседнего космодрома уходит в небо на столбе пламени межконтинентальная ракета...

Впереди, после бесспорного «Рая», у режиссера был спорный во многих отношениях, масштабный, постановочный исторический байопик «Грех» (2019), посвященный нескольким годам жизни Микеланджело на старте его величайших творений — росписи свода Сикстинской капеллы, ваяния мраморной гробницы папы Юлия II и фасада Базилики Сан-Лоренцо во Флоренции. Готовясь к этим работам, он отправляется в Каррару за гигантским мраморным блоком, который ему выпиливают в знаменитых на весь свет каменоломнях. Одновременно гениальный художник, скульптор и архитектор погружен в низменные житей-

ские дразги и проблемы, разрываясь между двумя самыми могущественными семействами средневековой Италии, стремящимися заполучить его целиком себе.

Переключка здесь с «Рублевым» Тарковского (сценарий которого, мы помним, Кончаловский писал вместе с ним) очевидна. Там гений несет в душе языческую чувственность и христианские озарения, воспаряя над земным ужасом монголо-татарского ига. Здесь же герой буквально погружен в средневековую «грязь», лишен сакрального ореола и являет постыдные пороки, вплоть до прямого воровства...

Остается ли он при этом в глазах зрителя гениальным Творцом — вот в чем вопрос. Мнения авторитетных кинокритиков по поводу фильма разделились. Многие отказывают ему в художественном озарении, упрекают в рассудочности, старомодности, упрощенчестве. Думаю, это не совсем так. Да и вообще, творческая неудача выдающегося мастера ценнее и интереснее неожиданной удачи посредственного ремесленника.

Для меня лично «Грех» — фильм о неподдельной красоте, наполняющей наш грешный мир и пробивающейся сквозь «грязь» людского бытия. Нет, в этом неровном, порой теряющем темпоритм и смысловые ориентиры фильме есть, безусловно, и выразительная драматургия, и глубина. А еще — блистательная игра даже внешне столь похожего

«Грех»

на Микеланджело А. Тестоне и других итальянских актеров.

Картина в классическом экранном формате 4:3 снималась несколько лет в Италии, на итальянском языке (с русским закадровым переводом). Внушительный бюджет позволил режиссеру с художниками и декораторами воссоздать средневековую атмосферу — от дворцовых и уличных экстерьеров Флоренции и Рима до завораживающих интерьеров Сикстинской капеллы. На экране словно оживают великие живописные полотна, наделенные волшебной игрой светотени и виртуозной проработкой полутонов. Оживают также традиционные пейзажи старых мастеров с их тонущими во мраке горными кручами и бездонными пропастями, которые изобра-

зительный ряд фильма превращают в аллегорию бездн людских страстей и пороков. Погружая всю картину в живописные, музыкальные и кинематографические ассоциации, Кончаловский проводит мысль, что создание бессмертных шедевров Ренессанса целиком зависело от прихотей их могущественных заказчиков. Да и вообще участь этих шедевров могла оказаться плачевной. Недаром в фильме рядом с грандиозной скульптурой микеланджеловского Давида болтается труп повешенного...

«Мой фильм — это не размышление о живописи Микеланджело, — сказал режиссер. — Моей задачей было показать человека Ренессанса, который был гениальным художником и вместе с тем обычным че-

ловеком со своими слабостями, страхами и недостатками. Я... больше заинтересован не талантом Микеланджело как таковым, а... его отношениями с эпохой, полной вдохновения и красоты, и в то же время кровавой и жестокой».

Ну и тут уж в дело вступает упоение фактурой, как у всякого крупного советского режиссера-шестидесятника. За ней, правда, иногда теряется маленькая тщедушная фигурка взъерошенного и дочерна загорелого Тестоне-Микеланджело, напоминающего измученного ворона. Не зря ведь мотив этой таинственной птицы пронизывает всю картину; и герой, словно ворон, «перепархивает» из одной низменной житейской ситуации в другую. При этом постоянно обращаясь к Всевышнему за прощением и советом.

Мы не увидим его в фильме за божественной работой «освобождения» будущей скульптуры из циклопического мраморного блока. И — хорошо, наверное. Зато увидим, как он, трогательный и улыбающийся, несет куда-то по пыльной дороге на вытянутых ладонях свой деревянный макет грандиозного ватиканского Собора Святого Петра.

После выхода фильма «Грех» пошли разговоры о том, что Андрей Кончаловский выдыхается, и что его режиссерская потенция в преддверии 85-летия идет на убыль. Постановки в разных странах оперных и драматических спектаклей, продюсирование работ молодых и не очень молодых мастеров через свой продюсерский центр, участие в публицистических проектах только уси-

«Глянец»

ливали расхожее мнение, что большое кино ему уже не по зубам.

И вот в 2020 году на Венецианском фестивале состоялась премьера черно-белой остро обличительной, почти хроникально документированной игровой драмы «Дорогие товарищи!», посвященной новочеркасскому расстрелу в 1962 году рабочей демонстрации протеста против отвратительных условий жизни. Перед нами внятное и мощное художественное высказывание в почти квадратном экранном формате, выявляющее подоплеку того, что случилось однажды в СССР и долгие годы оставалось позорным белым пятном в нашей общей и без того достаточно избирательной исторической памяти.

Причем этот строгий и лаконичный фильм отнюдь не о жестокости лицемерной советской системы и даже не о заведомой обреченности попыток отчаявшейся толпы изменить установленный порядок. Он о том, что всякий государственный порядок вещей по-своему бездушен и способен привести к аналогичным печальным событиям. Это режиссеру, подолгу работавшему в Европе и Америке, известно не понаслышке. К счастью, люди не везде безнадешны. Остается уповать лишь на счастливую случайность «человеческого фактора», что Кончаловский и делает во всех своих фильмах. В «Дорогих товарищах!» «человеческий фактор» добра и элементарной порядочности героини Юлии Высоцкой под воздействием страшно-

го пережитого ею с дочерью опыта выходит победителем.

Высоцкая сыграла здесь зашоренного и, в то же время, вполне циничного инструктора горкома партии. Поначалу актриса создает роль на выразительных бытовых штрихах и подробностях, а во второй половине картины достигает поистине трагедийной высоты образа. Она заставляет вспомнить неподражаемую И. Чурикову в фильме Г. Панфилова «Прошу слова», а также незабываемых героинь итальянского кино периода расцвета. И Кончаловский с исключительным мастерством строит «под нее» мизансцены, акцентирует каждый кадр с ней при съемке и в монтаже. Именно стилистическая отточенность фильма вызывает ощущение, что он снят тем самым молодым режиссером, который в 1962-м, убедительно реконструированном им теперь на экране, уже смело пробовал свои силы...

На фоне «Серебряного льва» — приза Большого жюри Венецианского кинофестиваля за картину «Дорогие товарищи!» — Андрей Сергеевич спокойно говорит во время очередного интервью о постигшей его неудаче с высокобюджетным, со «звездным» актерским составом, музыкальным сказочным фильмом в 3D «Щелкунчик и Крысиный Король» по мотивам одноименной сказки Гофмана и балета Чайковского (2010). Столь же спокойно он относится к своим полностью заслуженным фе-

стивальным призам, правительственным наградам, званиям. Их у него много...

Народный артист РСФСР, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством», ордена «За заслуги перед Итальянской Республикой» и ордена Почетного легиона (Франция), Андрей Кончаловский делал и продолжает делать в искусстве то, что другие просто не в состоянии сделать или бояться себе позволить. И у него получается (пусть и не всегда). Фильмы Кончаловского порой достаточно резко диссонируют с его же публичными высказываниями. Это режиссера тоже не смущает. Старости он не боится, заявляя, что старость — это когда исчезают желания, а у него они пока не исчезли. Застать Андрея Сергеевича дома, на одном месте почти невозможно — он все время в пути, в работе. Сейчас, правда, надолго прикипел к родной природе и отечественным павильонам — снимает исторический мини-сериал о причинах, истоках и результатах Октябрьской революции, действие которого разворачивается с 1905-го по 1924-й годы. Поистине исполинская задача!

Как ни странно, этот увенчанный лаврами Мастер считает себя, как он сам выражается безо всякого кокетства, «начинающим режиссером. Ну, может быть, уже не совсем начинающим, но все еще подающим надежды. По крайней мере, самому себе». □

Жемчуг царицы КЛЕОПАТРЫ

В жилах этой легендарной «Владычицы Нила» не было ни капли древней египетской крови. Дважды суждено ей было вступать в брак, и оба раза за... собственных братьев. Эта демоническая, одержимая необъятным властолюбием женщина пережила своих знаменитых любовников — гениального Цезаря и блестящего Марка Антония — первого на целых четырнадцать лет, второго всего на несколько дней...

Огромный дворец Птолемеев был погружен во тьму. Светильники горели лишь в покоях, отведенных Гаю Юлию Цезарю, недавно прибывшему в Александрию во главе

отряда римских легионеров. Неожиданно двери отворились, и удивленный Цезарь увидел на пороге геркулесовского сложения мужчину, державшего в руках мешок для

*Мраморный
портрет
Клеопатры*

постельного белья. Гигант положил свою ношу перед римлянином, приложил руку ко лбу, затем к сердцу и исчез так же молча, как появился. Неожиданно мешок зашевелился. Рука Цезаря потянулась к короткому тяжелому мечу, прислоненному к ложу.

«Не волнуйся, о великий», — услышал он мелодичный, слегка насмешливый голосок, и из мешка упругим движением пантеры выскользнула гибкая женская фигурка.

«Клянусь Юпитером, — воскликнул ошеломленный римлянин, — неужели передо мной царица Клеопатра?! Как ты попала сюда? Ведь дворец

полон твоих врагов. Если бы тебя схватили...»

«Но ведь не схватили, — лукаво возразила Клеопатра. — И теперь я во власти самого могущественного из римлян. А я слышала, что божественный Юлий никому не уступает свою добычу».

Цезарь улыбнулся. Похоже, эта девочка бросает ему вызов? Наполнив фалернским два золотых фиала, он изысканным движением протянул один Клеопатре.

Слабость великого полководца к прекрасному полу была известна. Возвращаясь в Рим, победоносные легионы горланили песенку: «Берегите своих жен, сограждане, мы везем с собой лысого развратника...» Но властительницы Египта в его «списке» пока не было...

Отец Клеопатры, царь Египта Птолемей XII, являлся пря-

мым потомком сподвижника Александра Македонского. Этот самый первый Птолемей провозгласил себя царем Египта почти за два с половиной века до рождения дочери. Имя ее матери история не сохранила, но то, что она не была египтянкой, неоспоримо. Вообще Птолемеи предпочитали внутрисемейные браки. В супружеские отношения, как правило, вступали родные братья и сестры. Слабо разбираясь в генетике, властители Египта не видели в этом ничего предосудительного. Что же касается норм морали, то им

а Клеопатре исполнилось восемнадцать. Оба желали властвовать единолично, а потому каждый из них мечтал увидеть другого не на ложе любви, а в богато украшенном саркофаге. Масла в огонь подливали и воспитатели Птолемея, которым не по душе был решительный характер девушки. Собственные честолюбивые замыслы лелеяла и младшая сестра Клеопатры Арсиноя. В результате в стране вспыхнула гражданская война. Птолемей изгнал свою сестру-супругу (остается лишь гадать, почему он ее не убил).

Отношения Птолемея с дочерью отличались чистотой и истинно отцовской нежностью. Царь души не чаял в дочке, и она отвечала ему взаимностью. Уходя в лучший мир, он сделал свою любимицу наследницей, но, так как женщины в их семействе не могли царствовать единолично, выдал ее замуж за младшего брата, которому к тому времени было около четырнадцати, а Клеопатре исполнилось восемнадцать

было известно о них, вероятно, лишь понаслышке. Отношения же Птолемея с дочерью отличались чистотой и истинно отцовской нежностью. Царь души не чаял в дочке, и она отвечала ему взаимностью. Уходя в лучший мир, царь сделал наследницей свою любимицу, но, так как женщины в их семействе не могли царствовать единолично, выдал ее замуж за младшего брата. Этому Птолемею было около четырнадцати,

Клеопатра бежала в Палестину, где стала собирать войска, однако, узнав о прибытии в Александрию Цезаря, решила на отчаянный поступок. В маленькой лодке в сопровождении всего лишь одного слуги она при наступлении темноты пристала к берегу вблизи царского дворца. Преданный слуга благополучно доставил ее в апартаменты Цезаря. Властитель Рима был покорен ее смелостью. Клеопатра

сыграла ва-банк, как он сам у Рубикона. Последовавшая ночь любви окончательно покорила Цезаря. Диктатору было тогда пятьдесят три года. Выглядел он отменно. Пожалуй, единственным, что выдавало его возраст, была... изрядная лысина. Цезарь очень стыдился ее. Именно поэтому решение сената предоставить ему право постоянно носить

Цезарь

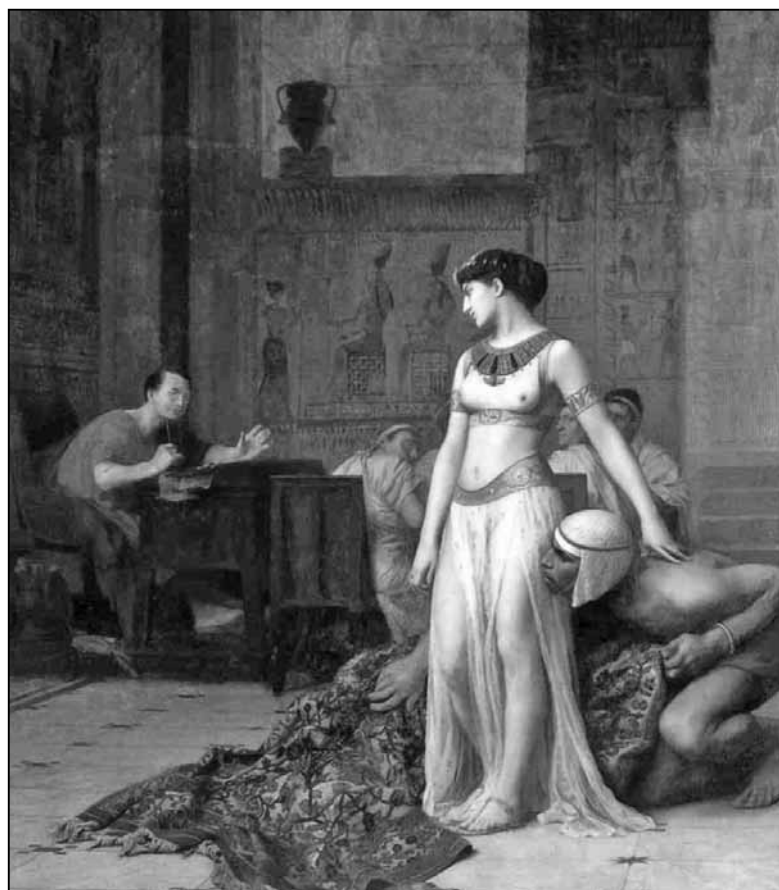
лавровый венок так обрадовало его — венок прекрасно маскировал досадный изъян.

На следующее утро приглашенный Цезарем Птолемей увидел сестру рядом с римлянином и пришел в неопишемую ярость, а предложение Цезаря снова принять Клеопатру в качестве соправительницы вызвало у него настоящую истерику. Впрочем, последствия этой истерики были самые серьезные — в Александрии вспыхнул мятеж. На стороне Птолемея выступила и Арсиноя. Боевые действия между небольшим римским контингентом и многочисленным войском царя Египта продолжались более полугода. За эти полгода Цезарь и Клеопатра доказали, что умеют превосходно сочетать любовь и войну. За исключением периодов, когда Цезарь лично участвовал в вылазках и других военных операциях, он все свое время проводил с Клеопатрой, ни от кого не скрывая, какого рода отношения связывают их.

В своих записках Цезарь утверждает, что остался в Александрии из-за неблагоприятных ветров, помешавших ему вовремя выйти из порта, — не мог же он открыто признаться перед сенатом и римским народом, что остался в Александрии ради Клеопатры, не желая оставить ее на растерзание врагам. А ведь его ждали неотложные дела в других провинциях. Люди шептались о каком-то чудодейственном эликсире, который Клеопатра якобы

подливала ему в вино. Чепуха! С какими только женщинами не приходилось Цезарю пить фалернское или цекубское, но ничто — ни их красота, ни колдовские обряды не могли удержать его около них. Цезарь не верил в иррациональные силы, и они были не властны над ним. Верил он лишь в судьбу, которую называл Фортуной. Именно ее воплощением и стала для него Клеопатра...

В конце концов военный гений великого полководца восторжествовал над всеми усилиями его врагов. Птолемей был убит, царица Арсиноя пленена. Почти сразу же Клеопатра вступила, как повелевал закон, в новый брак. Но не с Цезарем, а со своим младшим братом, опять-таки Птолемеем. Мальчишке было всего тринадцать. Наученный горькой судьбой своего предшественника, он и в мыслях не посягал на тело «супруги». Тем более что Клеопатра уже носила в чреве ребенка Цезаря, что не помешало ей предпри-

Ж.-Л. Жером. «Клеопатра и Цезарь»

нять с ним двухмесячное путешествие на корабле в верховья Нила. Их сопровождал флот из 400 судов и лодок. Царица считалась не только главой государства, но и живым божеством, олицетворением Изиды. Ей воздавались такие же почести, как богам Египта, в ее честь совершались жертвоприношения, к ней были обращены молитвы жрецов. Кстати, Клеопатра была едва ли не единственной царицей из династии Птолемеев, кто знал древнеегипетский язык. Вообще же она владела пятью или шестью языками, в том числе иудейским, персидским и даже эфиопским.

Египетская идиллия Цезаря оказалась короче, чем он предполагал. Ему пришлось уехать примерно за месяц до появления ребенка на свет. Отъезд был неожиданным из-за мятежа на берегах Босфора. Именно оттуда, одержав

молниеносную победу, он послал сенату гордое донесение, состоящее из трех коротких слов: *veni, vidi, vici* — пришел, увидел, победил.

В июне 47 г. н.э. Клеопатра родила сына. Как и все отпрыски династии мужского пола, он получил имя Птолемей. Но было у него и другое имя — Цезарион. Клеопатра желала, чтобы весь мир узнал, кто отец ее ребенка.

Великому полководцу суждено было увидеть своего сына лишь год спустя, когда Клеопатра в качестве

ма, которые тут же потребовали у Цезаря сохранить ей жизнь. Цезарю пришлось уступить. Он пощадил Арсиною, позволив ей жить в одном из храмов Эфеса. Клеопатра была вне себя от гнева, но ничего поделать не могла.

Последовавшие затем торжества отличались невиданным великолепием. Только для одного пира, на который диктатор пригласил шесть тысяч гостей, он закупил две тысячи килограммов самой дорогой рыбы, какую только можно было тогда достать —

Когда Марк Антоний приказал царице прибыть к нему в ставку в город Тарс, Клеопатра сразу поняла, что настал час, которого она так долго ждала, и снова приготовилась сыграть с судьбой ва-банк, как когда-то произошло с Цезарем. Впрочем, теперь возможностей поразить Антония у нее было несравненно больше, чем при встрече с божественным Юлием. Пусть сейчас ей двадцать восемь, а не восемнадцать, в чарах своих Клеопатра нисколько не сомневалась

почетной гостьи прибыла в Рим, чтобы присутствовать на праздновании триумфов своего возлюбленного. Во время триумфа, посвященного завоеванию Египта, впереди колесницы победителя в оковах шла царевна Арсиноя. После окончания празднеств ее, согласно обычаю, должны были казнить. Однако македонская царевна держалась с таким мужеством и достоинством, что вызвала сочувствие и симпатии граждан Ри-

мурены. Лучшие вина были заготовлены из такого расчета, чтобы на каждого гостя приходилось по семь литров. Спортивные состязания, гладиаторские бои шли нескончаемой чередой. В амфитеатре, сооруженном на Форуме, Цезарь выпустил на арену в общей сложности четыреста львов, с которыми мог сразиться любой житель Рима, будь то патриций, гладиатор или раб. Впрочем, Клеопатру не очень интересовали эти вар-

варские развлечения. Гораздо больше волновало ее то, что некоронованный владыка Рима так официально и не признал Цезариона своим сыном. Диктатор считал это преждевременным. Вместе с тем в его планах Клеопатре и ее сыну отводилась немалая роль. Нет, Цезарь не собирался разводиться со своей женой Кальпурнией, которая нежно любила его и прощала все измены. У него был подготовлен проект закона, по которому ему, владыке мировой империи, позволялось брать жен сколько угодно и каких угодно — для рождения наследников. Благодаря этому нововведению он смог бы узаконить свои отношения с царицей Египта и усыновить ее ребенка. В Риме же многих тревожила любовь Цезаря к властительнице сказочно богатой африканской страны. Это, наряду с другими обстоятельствами, и стало причиной покушения на Цезаря 15 марта 44 года до н.э. Человек, который должен был стать повелителем мира и супругом Клеопатры пал мертвым в зале заседаний сената под ударами мечей и кинжалов заговорщиков. Убийцы нанесли ему двадцать три раны.

Лишившись своего единственного могущественного покровителя, Клеопатра поспешно возвратилась домой в Александрию. Буквально через пару месяцев умер ее второй брат-супруг (скорее всего, его отравили по приказу самой царицы). Сразу после траурной церемонии она выбрала нового со-

правителя — своего малыша Цезариона.

После гибели Цезаря Клеопатре приходилось лавировать между враждующими римскими партиями, желая лишь одного — удержаться на троне Египта. И вот неожиданно один из участников триумvirата — союза трех самых могущественных римских полководцев — Марк Антоний приказал царице прибыть к нему в ставку в город Тарс. Клеопатра сразу поняла, что настал час, которого она так долго ждала, и снова готовилась сыграть с судьбой ва-банк, как когда-то произошло с Цезарем. Впрочем, теперь возможностей поразить Антония у нее было несравненно больше, чем при встрече с божественным Юлием. Пусть сейчас ей двадцать восемь, а не восемнадцать, но ведь она предстанет перед ним отнюдь не в чехле для постельного белья. Ну а в чарах своих Клеопатра нисколько не сомневалась.

Тысячи жителей Тарса собрались в гавани, чтобы встретить суда царицы египетской. Даже сам Антоний никогда не видел ничего подобного. Нос корабля, на котором прибыла Клеопатра, сверкал золотом, паруса отливали пурпуром. Посеребренные весла ритмично, в такт звукам флейт и кифар, ударялись о воду. Сама царица в роскошном уборе Афродиты восседала под сенью расшитого драгоценными камнями шатра. Стоявшие по обе стороны от нее мальчики с огромными опахалами изображали эротов из свиты богини

любви. На палубе танцевали прекрасные девушки, одетые морскими нимфами-нереидами, и прислужницами Афродиты — харитами.

Банкет, который устроил Антоний в честь своей гостыи, поражал своим великолепием, но он показался всего лишь скромной трапезой по сравнению с ответным пиром Клеопатры. Вся сделанная с величайшим искусством посуда была из золота и драгоценных камней. Царица приказала приготовить двенадцать пиршественных лож из слоновой кости и золота для триумвира и его друзей. После окончания торжества она попросила, чтобы каждый из военачальников унес с собой свое пиршественное ложе и лучшую посуду со стола. На следующий день царица распорядилась купить роз на колоссальную сумму. Полы в пиршественных залах были покрыты их лепестками на высоту локтя. Над лепестками была раскинута кисея. Вся эта роскошь в сочетании с изощренными чарами царицы не могла не кружить голову Антония.

Да, но так ли уж была прекрасна Клеопатра? Больно разрушать иллюзии читателей, но скажем сразу: неотразимая красота царицы — позднейший миф. Две тысячи лет трудились великие скульпторы, художники, писатели, чтобы обожествить образ легендарной царицы. А как иначе можно было объяснить ее бесчисленные победы над мужчинами? Так вот, реальная Клеопатра мало напоминала образ, навеянный

нам творчеством корифеев средневековья и талантом современных «богинь» экрана, будь то Вивьен Ли, Софи Лорен или Элизабет Тейлор.

Сохранившиеся прижизненные скульптурные и монетные изображения являют нам решительное лицо с глубоко посаженными глазами, довольно длинный с горбинкой нос, выпяченный волевой подбородок. Волосы царица носила убранными на затылок с несколькими спадающими на шею винтообразными локонами.

В чем же заключался секрет, позволявший царице с такой легкостью покорять сердца мужчин? Древние историки здесь единодушны: обращение египетской правительницы отличалось неотразимой прелестью и потому ее облик, сочетавшийся с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад. Неудивительно, что она вскружила голову даже искушенному в любви сорокалетнему Антонию.

Что же, *sex appeal* царицы, как сказали бы сегодня, был, по всей видимости, необычайно велик. Многие античные авторы утверждают, что египетская владычица отличалась необычайно пылким темпераментом. Разумеется, толки о безнравственности Клеопатры можно было бы назвать выдумками ее врагов, стремившихся опорочить царицу в

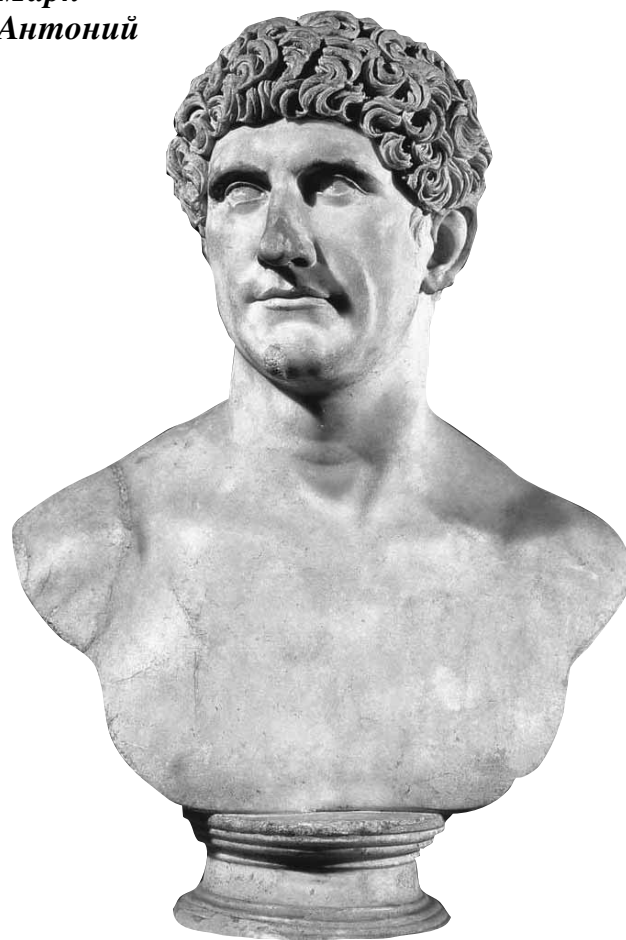
глазах общественного мнения. Не следует, однако, забывать, что Александрия всегда славилась разнузданностью нравов, а царский дворец в этом отношении служил городу прекрасным примером. Тем не менее, некоторые сообщения античных авторов вряд ли следует признать реалистичными. «Она была так развратна, — писал, к примеру, один римский историк, — что часто проституировала, и обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи». И все же как бы неправдоподобно ни звучала эта версия, следует быть благодарным ее автору, хотя бы за то, что ею воспользовался А.С. Пушкин, создав один из своих шедевров. Вспомним его «Египетские ночи».

В другую крайность впадают некоторые современные историки, которые утверждают, что кроме Цезаря и Антония, у Клеопатры вообще не было любовников. А ведь это означает, что из тридцати восьми прожитых ею лет темпераментная египтянка имела нормальные сексуальные отношения лишь в течение 7-8 лет!

Страсть к царице совершенно выбила Антония из седла. Отныне почти все он делал по ее подсказке и в ее интересах. В угоду любовнице триумвир приказал казнить ее сестру Арсиною, несмотря на то, что та находилась на священной территории храма Артемиды в Эфесе. В довершение Антоний вообще оставил свои легионы, покинул Азию накануне

важной военной кампании и поспешил за царицей в Египет. Даже празднества в Тарсе померкли перед тем великолепием, которым Клеопатра окружила гостя в своей столице. Пиршества, увеселения, охоты следовали бесконечной чередой. Однажды во время пира Клеопатра заключила с триумвиром пари, заявив, что ее трапеза будет стоить десять миллионов систерциев — фантастическую сумму, на которую можно было купить тысячи рабов. Антоний не поверил. Когда по распоряжению царицы ей принесли и поставили на стол кубок с крепким уксусом, полководец расхохотался. Тогда Клеопатра вынула из уха сережку с баснословно цен-

Марк Антоний

ной жемчужиной и бросила ее с уксус, а когда жемчуг растворился, выпила содержимое бокала. В общем-то, в этой истории нет ничего такого уж удивительного, за исключением того, что даже самый крепкий уксус... не растворяет жемчуг. Его может растворить лишь концентрированная уксусная кислота, но при этом она неизбежно сожжет желудок. Полагают, что Клеопатра просто проделала ловкий фокус — она выпила уксус вместе с жемчужиной, а затем... предоставила ей выйти наружу, так сказать, естественным путем. Кстати, ночные горшки во дворце царицы были из чистого золота.

Роман с египтянкой больше чем на полгода выключил Антония из политической жизни, дав окрепнуть его врагам. Даже сама Клеопатра была обеспокоена его затянувшимся бездельем. Однажды, когда Ан-

тоний, любивший рыбачить, сидел с удочкой, ожидая клева, царица приказала одному из своих слуг подплыть к леске триумвира и насадить на крючок заранее приготовленную рыбку. Все присутствовавшие разразились гомерическим хохотом, когда Антоний вытянул свою добычу на берег и снял с крючка... копченую селедку. «Император, — сказала Клеопатра, — предоставьте ловить рыбу кому-нибудь другому. Ваша добыча — города, царства и континенты».

Лишь вспыхнувшая в Италии гражданская война заставила Антония вернуться в Рим. Он уехал из Александрии, когда Клеопатра была уже на шестом месяце беременности. В июне 40 года царица родила близнецов — мальчика и девочку.

Ни Клеопатра, ни сам Антоний не подозревали, что их разлука продлится целых четыре года. И виной тому были не новые походы полководца. Дело в том, что едва вернувшись в Рим, Антоний неожиданно для самого себя... вступил в брак. И хотя брак этот был заключен по политическим соображениям (Антоний женился на сестре своего главного соперника триумвира Октавиана, чтобы скрепить их союз) красавица Октавия на четыре года оторвала Антония от его египетской пассии. Однако политическому союзу двух триумвиров не суждена была долгая жизнь. Следом фактически рухнул и брачный союз Антония с женой. Он вернулся на Восток. Его

А. Казали. «Пир Клеопатры»

встреча с Клеопатрой произошла в Сирии. На этот раз Клеопатра не стала изображать Афродиту. Не было маскарадов, роскоши, увеселений. Она просто взяла с собой трехлетних близнецов, детей Антония. Подробностей их первого свидания не сохранилось. Известно лишь, что триумвир взял детей на руки и поднял их над головой. По римским обычаям это означало, что он признает их своими. Совершив это, Антоний должен был сделать и следующий шаг — признать их мать супругой. Так он и поступил, справив с ней в Антиохии пышную свадьбу. На следующий год Клеопатра родила своего третьего ребенка от Антония. Сына назвали Птолемеем Филадельфом.

Примерно в это же время Антоний взял курс на решительную борьбу с Октавианом. Клеопатра не только поддерживала супруга, но всячески подталкивала его к войне. Она выставила двести кораблей и ссудила мужа огромной суммой денег. 2 сентября 31 года произошло решающее морское сражение у мыса Акция в Эпире. Флот Антония потерпел поражение. Часть кораблей вырвалась из окружения, увозя Антония и Клеопатру, которые через некоторое время вернулись в Александрию. Октавиан продвигался медленно и беглецы могли еще что-то предпринять для своего спасения, но они почти все время проводили в пирах и развлечениях. Именно тогда при александрийском дворе возник «Союз

*Р. Артур.
«Смерть
Клеопатры»*

Живущих Бесподобно». Да, время они проводили бесподобно, должно быть потому что чувствовали — его у них почти не оставалось. Когда Октавиан подошел к стенам Александрии, Антоний подготовил к бою остатки своих войск и приказал кораблям выйти из гавани. Однако ему изменил сначала флот, а потом и сухопутные отряды. Когда оставшийся без армии полководец вернулся во дворец, навстречу ему выбежали слуги Клеопатры с криками о том, что царица заперлась в построенной для нее усыпальнице и там покончила с собой.

«Какой же я полководец, если даже женщина превзошла меня решимостью» — с горечью воскликнул Антоний. Он призвал своего верного раба Эроса и приказал ему вонзить меч себе в сердце — таков был

их давний уговор. Эрос поднял меч, но нанес удар не Антонию, а себе. «Отлично, Эрос, — воскликнул император, — ты не сделал то, о чем я просил, но зато показал, как это делается».

Взяв меч, он вонзил его себе в живот, но удар оказался недостаточно силен. Залитый кровью Антоний упал на ложе, умоляя добить его, но испуганные слуги разбежались. В эту минуту в покои вошел секретарь Клеопатры и сообщил триумвиру, что царица жива и жаждет его видеть. Антоний приказал рабам немедленно нести его к усыпальнице. Однако тяжелая подъемная дверь была уже опущена, и царица отказывалась поднять ее, опасаясь, что римляне, ворвавшиеся в город, могут проникнуть в ее последнее убежище. Антония обвязали веревками и ремнями,

и царица с двумя своими прислужницами с огромным трудом втащила его в окно верхнего этажа.

Клеопатра с трогательной нежностью пыталась облегчить страдания супруга. Она перевязала его рану, разорвав собственную одежду. Антоний постепенно успокоился сам и успокоил Клеопатру. Затем он попросил царицу принести ему вина, зная, что это может ускорить агонию и приблизить смерть. Она выполнила его просьбу, и через несколько мгновений Антоний испустил дух. А в это время внизу кто-то уже колотил в дверь. Это были люди Октавиана. Клеопатра вступила с ними в переговоры. Правда, разговаривать им приходится через дверь-плиту — царица, опасаясь предательства, не разрешила привести в движение подъемный механизм. Ее уговаривали положиться на милосердие Октавиана, обещали сохранить за ее детьми трон, а тем временем один из римлян, поднявшись по лестнице, приставленной к окну, через которое втащили Антония, прыгнул внутрь. Клеопатра попыталась заколоть себя кинжалом, но у нее быстро отобрали оружие и успокоили — она под

3D портрет Клеопатры, созданный искусственным интеллектом на основе скульптурного портрета

защитой Октавиана, и жизни ее ничего не угрожает. Под надежной охраной Клеопатру доставили во дворец. Обращались с ней учтиво, но внимательно следили, чтобы она не лишила себя жизни. Царица объявила голодовку, но ей намекнули, что она подвергает смертельной опасности жизнь своих детей. Угроза привела ее в ужас, и она снова начала принимать пищу. Однако вскоре один римлянин, тайный поклонник Клеопатры, уведомил ее, что через несколько дней ее с детьми отправят в Рим, и царская семья должна будет участвовать в триумфе победителя в качестве пленников. После этих слов Клеопатра приняла окончательное решение. К счастью, во дворце у нее еще оставались верные люди, готовые выполнить ее последнюю волю.

Утром следующего дня с разрешения Октавиана царица отправилась на могилу Антония и, возложив венки, долго сетовала на судьбу, которая безжалостно разлучила ее с любимым. Безусловно, скорбь ее была совершенно искренней, но, зная характер Клеопатры, можно смело предположить, что не меньшую боль причиняла ей мысль о потере трона и могущества.

Возвратившись во дворец, она заказала себе поистине царскую трапезу. А в это время в ворота дворца уже входил невзрачный крестьянин с плетеной корзиной, который нес десерт к трапезе царицы. Бдительные стражи подняли крышку. В корзине лежали смоквы, крупные спелые смоквы. «Ну и лакомка же эта Клеопатра!» — засмеялись воины.

Корзина с нетронутыми смоквами стояла на изящном столике в покоях царицы. Клеопатра закончила писать письмо, запечатала его и велела отнести Октавиану. Затем отослала всех слуг, оставив только двух верных прислужниц, которые прятались с ней в усыпальнице. В роскошных царских одеждах, с диадемой на голове, она села на свое позолоченное ложе. Одна из рабынь перенесла туда корзину со смоквами...

В Александрии никто, даже дети, не боялся змей. Их называли «добрыми духами» в память о великом Александре. Ведь по преданию именно Змей показывал Македонцу дорогу через пустыню к знаменитому храму Амона. Александрийцы даже завели обычай брать змей в свои дома.

Их кормили мукой, смешанной с вином и медом. Легкий свист, щелчок пальцами, и змеи выползают к своей трапезе. Снова щелчок, и они исчезают в своей норе.

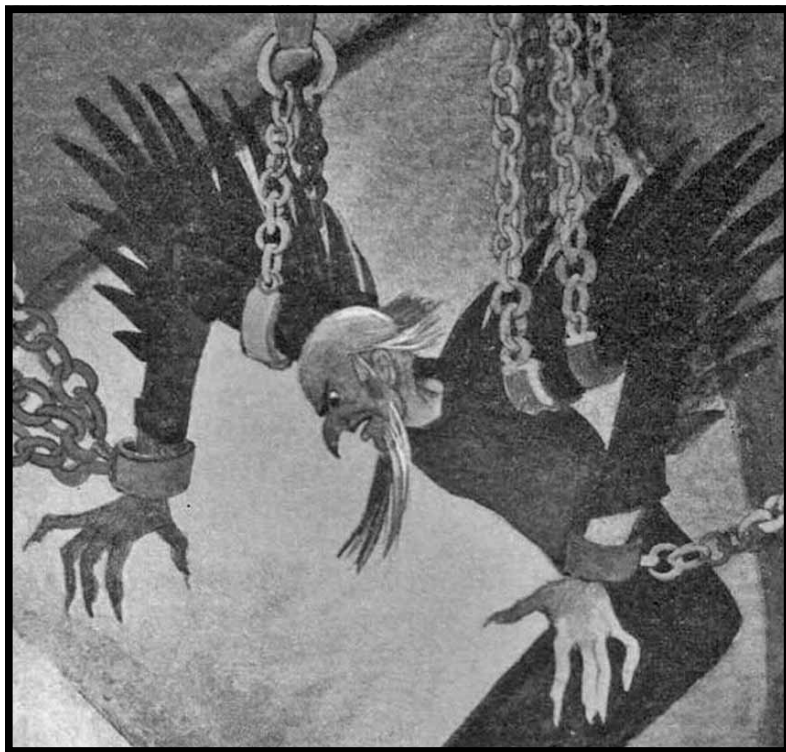
Одна из рабынь открыла крышку и щелкнула пальцами. Из-под плодов и листьев выползли две маленькие змеи. Они были с белыми брюшками и чешуйчатой, крапленой рыжими точками, спиной. Египтяне называли их аспидами, на самом же деле это были пустынные гадюки. Клеопатра знала — одного их укуса достаточно, чтобы подарить ей почти безболезненную быструю смерть. Царица была бесстрашна, и все же она вскрикнула, почувствовав прикосновение чешуйчатой кожи рептилии...

Когда прибежали люди Октавиана, получившего письмо, в котором Клеопатра просила похоронить ее рядом с могилой Антония, в покоях царицы они нашли лишь три бездыханных тела. На левом плече Клеопатры были обнаружены две ранки, однако самих змей в помещении не нашли. Быть может, они уползли через дверь, выходящую на берег моря? Говорят, что два волнистых следа видели на песчаном пляже...

Клеопатру с царскими почестями погребли рядом с могилой Антония. От их великолепной гробницы не сохранилось ничего. На том месте, где она когда-то стояла, ныне плещется море. Но зачем она Клеопатре? Ведь в отличие от ее предшественников, владык-фараонов, стремившихся увековечить свою память, забвение ей и так не грозило... □

Светлана Марлинская Кощей Бессмертный

Все мы выросли на русских народных сказках, поэтому образ Кощея Бессмертного хорошо знаком и детям, и взрослым. Это, пожалуй, самая загадочная из всех фигур русских народных сказок. Как существо демоническое, он окружен сплошными загадками. Определенное в нем только то, что он — злодей. Но, в отличие от Змея Горыныча, не убивает с воздуха страшным огнем, а в отличие от Бабы Яги — не питается человечинной...

Непонятно, когда и каким образом этот скупой хранитель сокровищ появился на свет, зато смерть его известна всем: «На море на океане есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — игла, смерть Кощеева».

Самое главное его преступление — похищение молодых красавиц, причем цель, как правило, совершенно непонятна. Хотя без этих загадочных поступков Кощейю оставалось только «чахнуть над золотом»,

что, согласитесь, довольно скучно. Вот он и развлекался с девушками на свой лад.

Кстати, не только с девушками. В одной из сказок пленницей Кощея оказывается мать троих вполне взрослых царевичей. Зачем ему многодетная матрона — непонятно. Хотя именно ей он рассказывает о том, где спрятана его смерть. Что вовсе не свидетельствует о его прославленном остром уме.

Точная внешность Кощея нигде не описана. Но чаще всего его пред-

*В. Васнецов.
«Кощей
Бессмертный»*

ставляют как высокого и худого старика. Практически скелет, обтянутый кожей. Хотя иногда он показан железным (возможно одетым в доспех).

Канонический образ Кощея — это получеловек-полускелет, сгорбленный и мрачный. Естественно, с такими внешними данными рассчитывать на успех у прекрасного пола не приходилось. Хотя от рождения сказочный герой был наделен невероятными магическими силами, выносливостью и хитростью.

Странно, правда, что все эти замечательные качества оставались невостребованными самим их носителем. Он не пытался загипнотизировать ни своих врагов, ни похищенных девушек. Не пытался хотя бы обмануть их и направить в поисках его смерти не только по ложному, но и губительному пути. То есть вел себя, как Иванушка-дурачок, а не как мудрец и волшебник.

Почему?

Знаменитый собиратель и исследователь русских сказок Афанасьев, например, считал, что Кощей Бес-

смертный — это все тот же Змей Горыныч со свойственной ему психологией и манерой поведения.

«Как существо демоническое, змей в народных русских преданиях выступает нередко под именем Кощея Бессмертного. Значение того и другого в наших сказках совершенно тождественно: Кощей играет ту же роль скупого хранителя сокровищ и опасного похитителя красавиц, что и змей; оба они равно враждебны сказочным героям и свободно заменяют друг друга, так что в одной и той же сказке в одном варианте действующим лицом выводится змей, а в другом — Кощей».

Но разве можно спутать живую мумию и дракона? Они ведь такие разные! Да и убить Змея Горыныча было проще простого: снести ему все три головы — и готово. Красавицы (если он их еще не съел) свободны, а в любви к злату симпатичная рептилия никогда не была замечена. Так что более логичной представляется другая версия, согласно которой Змей Горыныч — это сын Кощея от одной из его пленниц, не унаследо-

вавший, правда, ни бессмертия отца, ни красоты матери.

В одной из русских сказок, правда, мелькает фигура дочери Кощея, которая влюбляется в очередного героя-избавителя и выдает ему не только ключ к сокровищам, но и тайну смерти своего батюшки. Женится на ней герой или нет — неизвестно.

Впрочем, многим героям удавалось найти заветную иглу, в которой заключалась кощеева смерть, но покончить с великим злодеем никому так и не удавалось: максимум — заставить его превратиться, например, в ворона. Чтобы в следующей сказке снова воровать красавиц и чахнуть над золотом. Некоторые привычки настолько живучи, что переживают даже своих бессмертных носителей.

Исследователи русского фольклора иногда выдвигали интересные гипотезы. Быть может, самой интересной догадкой является предположение Л.М. Алексеевой, которая в «Полярных сияниях в мифологии славян» написала:

«Несомненно, к единому миру мертвых и холода относится Карачун. Его предположительно считают зимним славянским божеством, сохранившим черты олицетворения смерти. При этом белорусские верования уточняют, что Карачун сокращает жизнь и является причиной внезапной смерти в молодом возрасте. Для нас важно, что этот образ связан с объективным и четким природным фактором: Карачун — не только имя злого духа, но еще и название зимнего солнцеворота и связанного с ним

праздника. Для слежения за Солнцем нужна определенная научная квалификация если не всех, то хотя бы некоторых членов общества (волхвов). Кроме того, имя божества вводит нас в круг развернутых сюжетов восточнославянской волшебной сказки: Карачун — это одно из наименований Кощея Бессмертного».

То есть, по Алексеевой, Кощей — это бог смерти, и бог, или, скорее, демон, очень древний. Чтобы его одолеть, нужно как бы раскрутить колесо времен вспять, вернуться к самому началу мира, когда и появился на свет Бессмертный. Тогда понятно, отчего в сказке последовательно появляются: бурый медведь — властелин лесов, затем птицы — ястреб и утка, которую часто можно увидеть в северной тундре. Вслед ними, обитателями земли и воздуха, появляется водная жительница, рыба, в данном случае — щука.

А яйцо... Оно всегда было символом жизни, ее возникновения. Согласно многочисленным легендам, из золотого яйца появилось все: не только Небо и Земля, но и подземные глубины; не только ясный День, но и темная Ночь, не одно лишь Добро, но и Зло также. Следуя логике мифа, нужно вернуться к самому началу времен, чтобы поразить Зло в его зародыше, при этом разломав... иглу.

Стоп. Почему — иглу? Алексеева предполагает, что речь идет о копье — главном орудии северных народов, которым били морского зверя и белого медведя. Да и на китов по сей день охотятся гарпунами — огром-

ными копьями. Хотя бессмертный демон стужи, конечно, не медведь, не морж и даже не кит. Его обычным гарпуном не возьмешь, тут нужно нечто помощнее. Например, магический жезл — та самая волшебная палочка, о которой говорится едва ли не во всех сказках.

И снова вопрос — почему же этот магический жезл не обратить против Кощея, чтобы, произнеся заклинания, лишит его жизни? Почему жезл надо сломать? Да по той простой причине, что, только уничтожив жезл, можно оборвать нить жизни древнего, но отнюдь не бессмертного демона.

Не ищите логики — это бесполезно. Зло должно быть наказано и уничтожено — на этом держатся все сказки всех народов мира.

Словом, вопросов возникает множество, а ответов однозначных нет. Может, все-таки прав был Афанасьев, когда возводил имя Кощея к кощунам, то есть называл его волшебником. Ну, действительно, кто еще смог бы продлить свою жизнь настолько, чтобы люди стали его величать Бессмертным? Конечно, всемогущий маг. Или человек, который обратился за помощью к демоническим силам, как, скажем, Фауст. Но Кощей в сказках вовсе не волшебник и не человек, он сам, скорее всего, относится к демоническому миру. Так что и объяснение Афанасьева страдает приблизительностью и неточностью.

Впрочем, как и все, связанное с фигурой Кощея Бессмертного.

Нельзя не сказать о том, что данный персонаж властен, потому что

имеет власть над жизнью и над судьбами героев. Он превращает красавицу в лягушку и заставляет главного героя сказки Ивана-Царевича мчаться к нему за спасением царевны. Он хитер коварен, бездушен, что красочно доказывают его поступки.

Его роль в сюжете — это зеркальное отражение положительно героя Ивана-царевича: храброго и доброго. Кощей является воплощением зла, показателем того, что, если причинять людям зло, то оно рано или поздно обернется против самого злодея...

Как правило, все активности Кощея строятся вокруг молодых девушек. Кощей использует в завоевании их любви одну и ту же провальную тактику: сначала эффектно похищает девушку, затем безуспешно старается добиться близости, а, не добившись, превращает сказочных красавиц в лягушек или змей.

Прибегнуть к колдовству ему, по видимому, просто не приходит в голову.

Правда, был единственный случай, когда Кощейю девушка ответила взаимностью. В былинае «Об Иване Годиновиче» Бессмертный с экзотическим отчеством Трипетович предстает галантным, куртуазным кавалером, сватаясь к черниговской княжне Марье Моревне. Его соперником выступает вероломный Иван Годинович, который похищает невесту Кощея и увозит в чисто поле. Нагнав похитителя, Кощей Трипетович вновь просит прекрасную Марию стать его законной супругой. И она соглашается. Счастливая пара привязывает вероломного Ивана к

дубу, а сама уходит предаваться любовным утехам в шатер. Затем прилетает ворон и начинает каркать влюбленным, что быть Марье не Кощейвой женой, а супругой Ивана Годиновича. В порыве праведного гнева Бессмертный стреляет в ворона, но стрела меняет траекторию и убивает (!) самого Кощея.

Несчастливая Марья решает покончить с Иваном, но тот ловко вырывает у нее саблю и четвертует девушку. Так трагично заканчивается единственный любовный роман Кощея. В который отчего-то плохо верится из-за вопиющей нелогичности и кровожадности самого сюжета.

Так все-таки, бессмертен ли Кощей? И почему бессмертие становится таким заманчивым для ученых и философов всех времен?

Возможно, в древности существовал какой-то ритуал, который обещал человеку обретение бессмертия. Возможно. Ибо сам ритуал обретения бессмертия давно забыт, и от него остались только... цветы с говорящим именем «бессмертники». В русских селах принято было сеять на могилках бессмертники, особые, шероховатые, сухие на ощупь цветы, желтоватые, красноватые, которые можно было сорвать и поставить в стакан с водой. Так они могли стоять месяцами; если же их ставили в вазу без воды, они тоже стояли месяцами. Жизнь в них, видимо, была, но как бы и не была. Сорваны они или нет, но жизнь для них, как и смерть — одно и то же.

Что ж, это, пожалуй, наилучшее объяснение бессмертия Кощея, кото-

И. Билибин «Кощей Бессмертный»

рое уже и жизнь не в жизнь, а смерть недостижима; он так и застрял между этими двумя мирами и оставался там до тех пор, пока Иван-царевич не избавил его от вечной муки и не даровал блаженное забвение смерти.

На Руси чрезмерных долгожителей подозревали в причастности к колдовству, считалось, что они «заживают» (то есть отнимают) чужой век. Самым правильным считалось умереть в свое время, в окружении большой семьи. Бессмертие же никого не прельщало. К чему оно, если люди, обладающие бессмертной душой, продолжают бесконечное существование в новом, более счастливом мире?

Но сказкам и их героям в этом мире вряд ли отыщется место.

Некоторые старцы Северной Руси трактовали Кощея как падшего Адама, а Ивана царевича как «новозаветного человека». В других интерпретациях «народного православия» Кощей символизировал греховное тело, похищенная им девушка — человеческую душу, а Иван царевич — дух. Смерть Кощея трактовалась этими подвижниками, как очищение души от грехов. Что ж, как одна из гипотез... □

Татьяна Окоменюк

Звезда Рутуба

*Мечтай осторожно.
Ведь ты можешь это получить.*

Марк Твен

Ромка Холодов по кличке «Холодец» весил 140 кг — уж очень он любил поесть, не зная в этом никакой меры. При своем небольшом росте парень выглядел почти квадратным — один в один Карлсон, только без пропеллера. Спортом он не занимался, подвижным играм предпочитал компьютерные, да и вообще не любил выходить из дома.

Будучи убежденным дауншифтером, профессию Холодов выбрал соответствующую — веб-дизайнер на фрилансе. Сидя с ноутбуком в банном халате, молодой человек создавал сайты для зубных и психиатрических практик, интернет-аукционов и салонов красоты, ресторанов и курсов личностного роста. За свой труд брал весьма умеренную плату, поэтому заказы у него были всегда. На скромные радости Роману вполне хватало, если учесть, что жил он на всем готовом у обожающей его бабули.

С родителями Холодов не ужился. Те все время его напрягали: то мусор заставляли вынести, то в комнате прибраться, то с Джимом во дворе погулять. А еще они его рано будили — часов в 12-13, и не давали по ночам есть. Отец, из подлости, купил «Хрюшку-диетолога» — чувствительного к свету игрушечного поросенка, который при открывании дверцы холодильника истошно визжал, сообщая всему спящему подъезду о Ромкином перекусе. Ну, кто такое издевательство выдержит? Вот парень и попросил «политического убежища» у бабуки, «крышевавшей» его с самых пеленок.

Та с радостью согласилась. Жила она в собственном доме, и места для крупногабаритного внука у нее было куда больше, чем в «двушке» сына и невестки.

В страхе, что бабка передумает, последние в тот же день эвакуировали свое великовозрастное чадо в «частный сектор», погрузив в машину все его компьютерные причиндалы, музыкальный центр с караоке и одежды размером с танковые чехлы...

После родительского концлагеря для Ромки наступила настоящая вольница: жри — сколько хочешь и когда хочешь. Гулять с бабкиным Дружком не надо, выносить и сортировать мусор тоже. Песни по ночам орать — на здоровье, напавшаяся в огороде старушка спала, как убитая. Режим дня? Когда проснулся, тогда и утро. В общем, филиал рая.

Бабуля тоже не могла нарадоваться на внука: «Не фулюганит, как Веркин Мишка. Не гоняет на «матацикле», как внук Егоровны. Не изгваздан «тотуеровками», как племянник Зинки-почтальонши. Не бегаёт по наркологиям, как наследник Сидоровых. Сидит дома, играет с «компуктером» да песенки поет с карооккой. Золото, а не хлопчик».

Ромка, и в самом деле, любил петь. Не просто любил — умел. В школьные годы он посещал хоровую студию, и даже был солистом. Правда, недолго, вскоре на его место поставили стройного мальчика, который пел вполне прилично, но никак не лучше Ромы.

— Жрать нужно меньше, — изрек тогда отец вместо утешения. — Ты ж ни в один костюм не влезаешь. Концерт — это не соревнования борцов сумо.

То же самое он повторил, когда узнал о мечте сына поехать в Москву на телешоу «Голос» и там победить.

— А как же Демис Руссос, Экшен Бронсон, Рори Грейем? — перечислял Рома родителю певцов-тяжеловесов. — Костюм тут не главное. Руссос вообще выступал в балахоне, а стадионы ему стоя аплодировали.

— Где ты, а где Руссос! — удивился отец наглости наследника. — Забудь об этой идее, пока носишь шестьдесят последний размер.

— Хватит травить ребенка! — вмешалась в их спор бабка. — Не слушай его, Ромчик. Ты обязательно поедешь в «Останкино», и тебя на всю страну покажут по телевизору — сердцем чую.

Бабулины слова врезались в память молодого человека, и теперь он мысленно видел себя в белоснежном концертном костюме с черной бархатной бабочкой на кадыке. Купающегося в овалциях и свете софитов. Раздающего автографы поклонницам и интервью журналистам. Сгибающегося под тяжестью цветочных букетов. Бесящегося от назойливого внимания прохожих, норовящих исподтишка сфотографировать его своими смартфонами.

«Вот похудею к будущему году, закажу в ателье концертный костюм и сразу подам заявку», — мечтал парень.

Но не так судьба велела. Через год весы предательски показали очередной набор массы. Какая уж тут фрачная пара!

Холодов подошел к зеркалу. Оттуда на него затравленно смотрело приземистое бочкообразное существо, похожее на большой мешок с мукой. Хомячьи щеки, покрытые редкой щетиной, радовали глаз свекольным румянцем. Три выразительных подбородка плавно переходили в заплывшую жиром грудь. Та, в свою очередь, — прямо в брюхо, не позволявшее свести вместе полы халата, пошитого ему бабулей из махровой простыни. Приходилось подвязываться бельевой веревкой. Не эстетично, ясен пень, но где взять поясок длиной более двух метров?

Слоноподобные ноги парня были втиснуты в растоптанные стариковские тапочки. Неуклюжие ступни по-медвежьи заворачивались внутрь. «Вот где при такой анатомии раздобыть подходящие лакированные туфли в комплект к концертному фраку? — печалился Ромка. — Только шить на заказ, а это — бешеные деньги».

Если бы не предстоящий конкурс, Холодец с одежками даже не заморачивался бы. Кто его видит, кроме бабули, если он глаз из дому не кажет? Даже сходить в гости к родителям парню было лень, даром, что их дом — в десяти минутах ленивой ходьбы от «частного сектора».

Не пошел он к ним и тогда, когда остался на хозяйстве один — бабуля на неделю отбыла в деревню к сестре. Не на хлебе с водой она оставила внука. Недельный запас провианта выглядел так: котел плова, ведро котлет, три запеченных с тыквой курицы, бочонок кислой капусты, две пятилитровые банки с маринованными огурцами и помидорами. Два противня жареной картошки и два — песочного печенья, шесть мисок холодца из петуха, внушительный шмат сала, бидон куриного бульона с шариками из теста, тазик заливного из трески, два десятка яиц. Старушка была уверена, что в ее отсутствие Ромчик не оголодает.

Но она ошиблась. На шестой день своего одиночества парень вдруг обнаружил, что и в холодильнике, и в погребе гуляет сквозняк. К родителям идти страшно не хотелось. «Отец, знающий о бабкиных припасах, будет издеваться, — не сомневался он. — Начнет обзывать «удавом» и «Барабеком». Мама его поддержит — они всегда заодно. Скорей бы уже бабуля вернулась, пока я тут с голоду не окочурился».

Ближе к ночи молодой человек совсем упал духом. Поскребя по сусекам, нашел пакет с сухарями, пять кукурузных початков и мешочек подсолнечной макухи, которой бабка подкармливала кур и уток. Тем и довольствовался.

Птичий же корм впрок парню не пошел. Всю ночь он проворочался в постели, прислушиваясь к режам в желудке и звукам урчания живота.

К шести утра боли отступили, и Холодец уснул. Спал, по его меркам, недолго — до двенадцати. В полдень его разбудил дикий голод.

Ромка сел на кровати, призадумался. В магазин идти было в лом, каше варить — тем более. Он в домохозяйки не нанимался, достаточно того, что домашнюю птицу и Дружка всю неделю кормит, а сам помирает с голоду. «Господи, что мне делать?» — простонал молодой человек.

И тут он услышал объявление по местному радио: «Китайский ресторан «Белый лотос» устраивает скидочную неделю. «Утка по-пекински» на двоих — всего 600 рублей. У нас вас ждут изысканные блюда, тихая музыка, бесплатный лимонад и комплимент от шеф-повара. Китай ближе, чем вам кажется!»

«Самое то! Спасибо, господи, за наводку», — растянул Ромка в стороны толстые колбаски губ и кинулся одеваться. После долгих безуспешных поисков, вспомнил, что перед отъездом бабуля постирала все его одежды, а значит, они до сих пор сушатся во дворе.

Споткнувшись о подаренные отцом гантели, которые он использовал исключительно для колки орехов, парень ринулся за баню. Там, на веревке, как паруса на ветру, колыхались его труселя, спортивные штаны, футболки с юморными принтами. Он протянул руку и вместе с прищепками стянул крайнюю, с надписью: «Хорошего человека должно быть много».

Мгновенно одевшись, Роман направился к скверу, разделявшему спальный район родителей и их с бабулей «частный сектор». По периметру сквер был обнесен высокой чугунной оградой. Но кто-то когда-то умудрился выломать из нее несколько прутьев, как со стороны «частников», так и со стороны «спальников». С тех пор «одноэтажная молодежь» не тратила десять минут на обход парка, просачиваясь «в город» через образовавшийся лаз.

Пользовался им и Рома, но со временем делать это ему становилось все труднее, ведь с каждым годом парень раздавался в габаритах. Втягивая в себя необъятный живот, пыхтя и чертыхаясь, он выдавливал свою тушку сквозь прутья, как выдавливают из тубика затвердевшую зубную пасту.

Казалось бы, смени маршрут, обойди тот сквер, не смехи народ. Но нет — Ромкина лень появилась на свет раньше него самого. Вот и в этот раз он чуть не задохнулся, продираясь из парка к ресторану, вокруг которого уже витали аппетитные ароматы.

С божьей помощью Холодец протиснулся на вожделенную территорию, отдышался и походкой, напоминающей поступь водолаза на суше, направился в «Белый лотос».

С хрустящей, порезанной на пятиугольные кусочки уткой и бесплатным лимонадом Рома справился достаточно быстро. А, справившись, понял, что птица «по-пекински» ему — что слону дробина — вместо того чтобы утолить голод, она еще больше разожгла аппетит.

Тяжело вздохнув, парень придвинул к себе меню и углубился в изучение ассортимента. Вскоре перед ним на столе материализовались гора риса на огромной тарелке, двойная порция жареной свинины в кисло-сладком соусе и бамбук с грибами моэр.

Умяв все перечисленное, Ромка стал прислушиваться к звукам, доносящимся из желудка. Кишки по-прежнему играли голодные марши. Чтобы их успокоить, он заказал баклажаны в соевом соусе и свиные ушки. А там очередь дошла и до тончайших блинчиков из рисовой муки. Ах, какое удовольствие испытывал Ромка, когда макал их в сливовый соус и нес к своим крупным ярко-красным губам. Наконец он выдохнул: «Пожалуй, все!»

Вместе со счетом молодому человеку принесли подковообразное ванильное печенье, внутри которого находилась бумажка с предсказанием будущего. Роман свято верил в приметы, гадания и гороскопы, прислушивался к прогнозам экстрасенсов, цыганок и оракулов разных мастей. Так чем хуже китайцы, авторы одной из наиболее древних гадательных систем — «Книги перемен»? В мгновение ока он проглотил выпечку и поднес к глазам напечатанное мелкими буквами предсказание, которое гласило: «Загадай желание и жди. Ты — почти у цели».

«Ну, вот, даже китаезы понимают, что скоро я стану знаменитым, — мысленно ликовал Холодов. — И крутой концертный костюм тут совершенно ни при чем».

Крепко сжав бумажку похожими на сардельки пальцами, будущая эстрадная звезда закрыла глаза и произнесла вслух: «Желаю... стать известным на весь город. Нет, на всю страну. Чтобы меня снимало телевидение, а блогеры и газетные СМИ доносили вопросы о тернистом пути, приведшем к славе простого парня из глубинки. Хочу, чтобы все меня узнавали, делали со мной селфи, снимали ролики и запиливали их в Рутубы».

Озвучив свои мечты и чаянья, молодой человек разжевал бумажку с пророчеством и проглотил ее, как это делают герои романтических кинокартин.

Домой Холодец возвращался в благодушном настроении. Сытый, довольный, окрыленный обещанными перспективами. Погода была чудесной. Приветливо светило мягкое солнышко. В сквере щебетали птицы и стрекотали кузнечики. На ленивом ветерке шевелили листиками деревья. Благодушную картину портили лишь чувство тяжести в желудке да ехидные взгляды прохожих, не согласных с Ромкиным девизом: «Хорошего человека должно быть много».

А вот и знакомый лаз. Привычным движением парень просунул за ограду правую ногу, затем — правое плечо. Втянув в себя живот, он сделал рывок в сторону сквера и... застрял между прутьев. Прочно застрял. Попытки вырваться из капкана к успеху не привели. Набитый китайскими харчами живот не сдвинулся ни на сантиметр. От страха, что он навечно

останется элементом декора городской ограды, Рома заревел. Сначала тихо, потом все громче и громче.

Потихоньку рядом с ним стали собираться зеваки. Молодежь откровенно издевалась над парнем, «отъевшим ТАКУЮ витрину». Покатываясь со смеху, ребята делали на его фоне селфи и снимали ролики для своих социальных сетей.

Никогда еще Рома не был так унижен. Он чувствовал себя зверем, попавшим в капкан. Причем, не где-нибудь в лесу, а в зоопарке, где посетители имеют право глазеть на него, улюлюкать, тыкать пальцами, делать без его согласия фото.

Вскоре полгорода сбежалось посмотреть на застрявшего в ограде толстяка. Примчались вездесущие блогеры, явились голодные до сенсаций репортеры, подъехало местное телевидение. В толпе засверкали вспышки фотоаппаратов, загудела телекамера. Перед мокрой от слез Ромкиной физиономией выросли диктофоны. «Против чего вы протестуете?», «Вы — член общественного движения «Молодежь против бюрократов»?», «Чего хотите добиться своим перформансом?», «Парковая ограда символизирует тюремную решетку?» — доносилось отовсюду.

Среди вновь прибывших оказались и вполне вменяемые люди.

— Отвалите от него со своим бредом! Не видите, что ли: Карлсон просто застрял в форточке, — стыдили они обнаглевших папарацци, пытаясь протолкнуть левую часть парня в сторону сквера.

От боли Холодов орал благим матом, но с места так и не сдвинулся. Тогда добровольные помощники притащили домкрат и попробовали растянуть в стороны чугунные прутья — не вышло.

Появление бригады муниципальной аварийно-спасательной службы заставило зевак отступить от ограды. С помощью гидравлического агрегата крепкие мужчины в синей униформе разрезали чугунные прутья и вытащили из западни уже посиневшего Холодца...

Опубликованное на Рутубе видео с застрявшим в ограде парнем набрало свыше десяти миллионов просмотров и быстро стало вирусным из-за трехсот тысяч репостов.

Его популярность в родном городе могла сравниться с появлением порнозвезды в дивизионе, расквартированном в непроходимых джунглях. Холодову все улыбались, везде пропускали без очереди, просили о совместном фото.

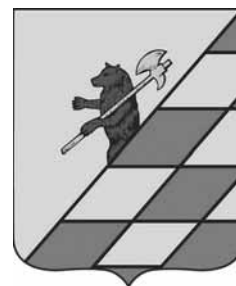
Как и обещала внуку бабуля, в «Останкино» он все-таки попал, став героем телепередач «Видели видео?», «В тренде», «Бывает и так».

В общем, Рома оказался прав: крутой концертный костюм для достижения успеха — далеко не самое главное. □

Дмитрий Зелов

Фото автора

ШАХМАТЫ

ОЖИВАЮТ В ПОЛНОЧЬ

Последний русский царь и первый российский император Петр Великий очень любил играть в шахматы. Эта игра была обязательным развлечением на знаменитых петровских ассамблеях. И именно благодаря Петру I шахматная доска попала даже на герб одного из русских городов...

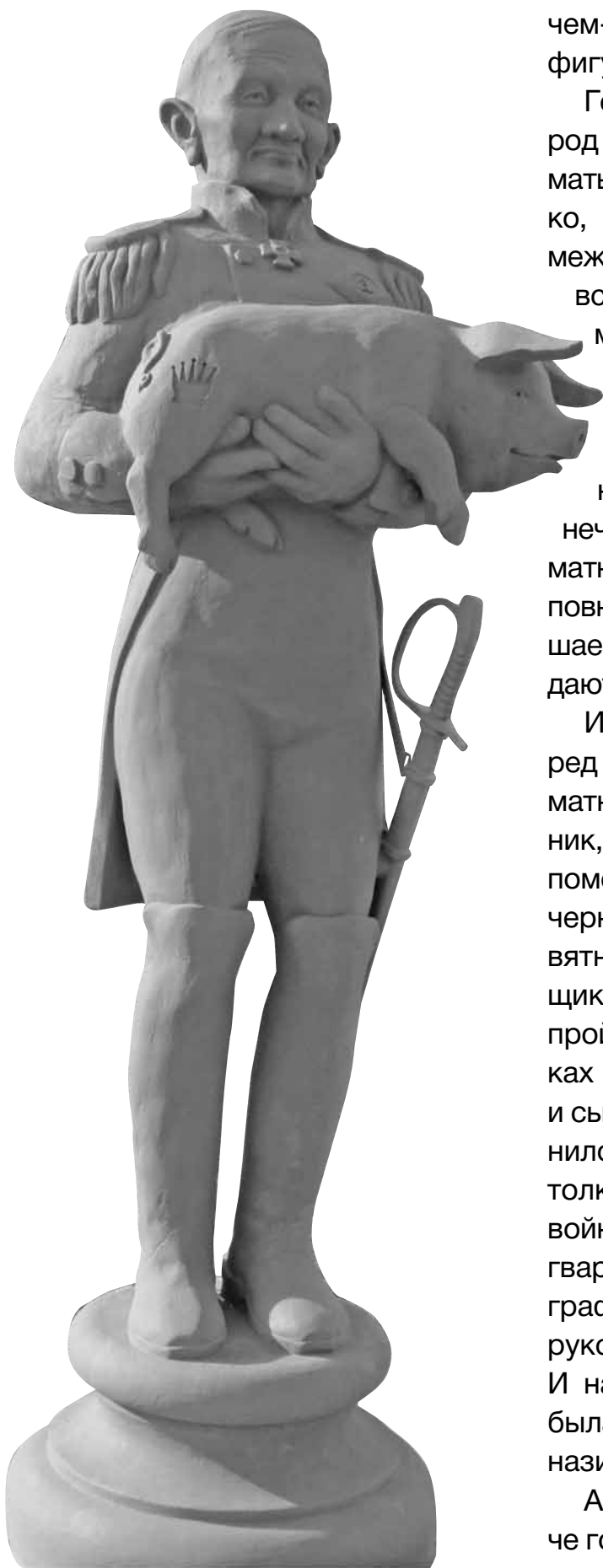
А дело было так. Однажды Петр I отправился самолично инспектировать северные российские территории и заехал по пути в Даниловскую слободу (городом она стала в 1777 году), на поставлявший лошадей для российской армии местный конезавод. Скакунами и конюхами государь остался очень доволен, но, зайдя помолиться в местный деревянный храм святой Одигитрии, стоявший на большаке, увидев там жуткую грязь. Сильно осерчал тогда русский царь и устроил местным властям настоящий разнос, поскольку не терпел подобного отношения к святым местам. Монарший гнев обрушился на местных дворян и купцов, и тогда провинившиеся в кратчайшие сроки собрали необходимые средства на новый, просторный каменный собор (он был построен и

освящен в 1713 году). Пытаясь задобрить грозного царя, знатные люди Даниловской слободы преподнесли Петру I роскошный подарок: дорожные серебряные шахматы в дорогом футляре. И хотя Петр был скор на расправу и страшен в гневе, но на этот раз оказался отходчив: уж очень любил русский царь эту старинную игру. Кстати, те самые шахматы, подаренные даниловцами царю, хранятся сегодня в крупнейшем музее России — Эрмитаже. А еще именно из Данилова в Эрмитаж (Зимний дворец), бывший почти два века местом жительства правителей России, поставляли ставших знаменитыми котов. И, по отзывам, со своей задачей справлялись они превосходно, ловили мышей и крыс исправно.

Интересен и герб города Данилова, который тоже напрямую связан с шахматами и Петром I: свой герб Данилов получил уже при Екатерине Великой, в 1778 году, за год до этого резко повысив свой статус и перейдя из разряда слободы в полноценный град Ярославской губернии. Герб города разделен по диагонали пополам, из его верхней части выходит медведь, держащий в левой лапе золотую секиру — это напоминание о давней принадлежности Данилова к ярославскому краю. А вот нижняя, правая часть как раз шахматная — как память о том давнем, приключившемся с даниловцами в ходе инспекции Петра Великого происшествии и как напоминание:

о городском хозяйстве нужно радовать всегда. Правда, шахматное поле не совсем обычное, а разлиновано на серебристые и зеленые клетки. Серебряные клетки на гербе Данилова — как раз и есть память о подаренных Петру I серебряных шахматах, а зеленые — о великолепных, заливных лугах, простиравшихся вокруг города, на которых привольно паслись лошади и коровы.

То были дела давно минувших дней, но совсем недавно, буквально в наше время, в Данилове начали твориться настоящие чудеса с приключениями! На центральной площади небольшого городка появились черно-белые клетки гигантской шахматной доски. А затем выстроились в ряд огромные, каждая более двух метров ростом, фигуры-шахматы. Если подойти к ним вплотную, то кажется, будто они пристально смотрят на тебя, словно хотят спросить о чем-то. Только, увы, не могут. Причем выглядят эти люди-шахматы настолько реалистично, что кажется, будто они живые и лишь застыли на мгновение. Каждая такая шахматная скульптура — оригинальная фигура-памятник. Бывает же такое! В образе тех или иных шахматных фигур местные энтузиасты Владимир Барсуков и Сергей Петров изобразили реальных исторических персонажей, давным-давно живших в Данилове, но оставивших в памяти горожан и их потомков яркий, порой курьезный или даже трагичный след. Словом, каждый из персонажей

чем-то запомнился, а потому стал фигурой-памятником.

Говорят, в полнолуние, когда город погружается в крепкий сон, шахматы...оживают и начинают негромко, в полголоса, переговариваться между собой, делясь новостями и вспоминая события давным-давно минувших столетий. А то и вовсе прогуливаются по тихим, сонным улочкам городка. Давайте же и мы, только, разумеется, не ночью, а при ярком свете солнечного дня пройдемся вдоль шахматных фигур. Приглядимся к ним повнимательнее, а заодно и прислушаемся: вдруг они что-то нам поведают о своем житье-бытье.

Итак, на городской площади перед нами выстроились в ряд шахматные фигуры. Городовой, чиновник, мещанка и ямщик — белые, а помещик, пожарный и крестьянин — черные. Все они родом из века девятнадцатого. Вот перед нами помещик — тот еще фрунт, хитрован и пройдоха, себе на уме, держит в руках поросенка, знать, любит вкусно и сытно покушать. Хотя... были в Данилове и помещики совсем иного толка. Бравый герой Отечественной войны 1812 года, полковник лейб-гвардии Конного полка Дмитрий Евграфович Поливанов был одним из руководителей местного ополчения. И на его же средства в Данилове была устроена первая детская гимназия.

А вот ямщик, у него на левом плече гордо восседает голубь. Нет, пти-

ца не живая, а часть скульптурного образа, но выглядит она настолько реалистично, что сизокрылые голуби тоже садятся на это плечо к ямщику или просто рядом. На перекинутой через пояс дорожной сумке у служивого красуется шахматный конь. Это и подсказка, какую фигуру представляет собой возница, и напоминание о тех далеких временах, когда Данилов был важным и значимым центром коневодства, а даниловские конные ярмарки славились далеко за его пределами. Недаром же в центре шумевшей некогда городской конной ярмарки в наши дни красуется воронья скульптура статного коня.

Кстати, еще в начале царствования юного Петра I благодаря его царскому указу именно через Данилов прошла первая в России почтовая служба от Москвы до Архангельска. По легенде, в ходе одной из своих поездок на Русский Север царь останавливался в одном из ямов, в 8 верстах от Данилова. Приятно удивленный ловкой и спорой работой ямщиков, молодой правитель Руси, готовившейся стать Россией, дал сему месту название Ухарского.

Пузатый чиновник (он же шахматный король) даром времени не теряет: собирает в свой цилиндр деньги на ремонт дорог. Если вдруг окажетесь в Данилове, можете помочь ему — в головном уборе есть прорезь, куда можно опустить монетку или даже бумажную купюру. Многие

именно так и делают! Ну а особо непонятливым поможет надпись — «На дороги». Прототипом чиновника стал реальный городской голова Данилова Иван Иванович Зженов: он активно занимался благотворительностью и занимал высокий городской пост аж несколько раз: с 1807 по 1817 годы. Невероятно, но именно благотворительность Зженова и подвела его: к 1830-му году он окончательно разорился и даже перешел в мещанское сословие, сохранив при всем при этом статус именитого гражданина и уважаемого горожанина.

Городовой — слон, шкафообразный гигант с надвинутой на глаза фуражкой, наглядно демонстрирует собою поговорку «солдат спит, а служба идет». А может, в этом как раз и проявляется хитрость старого служаки: наблюдать за порядком, прищурив глаза.

Белый шахматный ферзь изображен в виде миловидной мещанки с кренделем, вышедшей прогуляться по городу. Мещане были самым представительным сословием Данилова: в 1845 году при населении города в 3113 человек мещан мужского пола насчитывалось 721 человек, в то время как мещанок на целую тысячу больше —

аж 1752. Изображения конкретной шахматной фигуры есть на каждой из скульптур, стоит только внимательно присмотреться.

Пожарный (черный слон) наступает на голову быка. Этот сюжет отсылает нас к реальной истории, приключившейся в Данилове в начале XX столетия. В 1909 году произошло несчастье: дежурный пожарный был убит быком, на котором возили воду для пожарной станции. Маленькую осиротевшую дочку пожарного взял к себе на воспитание старший служащий пожарного депо Михаил Тихомиров.

Не успели шахматные фигуры появиться на площади Данилова, как уже обросли своими приметами и поверьями. Поговаривают, чтобы преуспеть в работе, надо потерять перстень чиновника — тогда можно поймать за хвост удачу. Ну и, разумеется, бросить денежку в копилку. Если погладить авоську крестьянина, то можно рассчитывать на богатый урожай у себя на даче. А для удачи в делах семейных нужно погладить лежащее у его ног куриное яйцо. Естественно, не простое, а золотое.

Шахматные традиции в Данилове, восходящие еще к временам Петра Великого, чтут до сих пор: вот уже почти 40 лет в городе действует шахматный клуб «Эврика», пользующийся большой популярностью как среди детей, так и взрослых. А даниловец Николай Николаевич Сахаров — автор единственного и самого большого «Шахматного обозрения СССР». Приобретет ли в буду-

щем небольшой город Данилов славу этаких бендеровских Нью-Васюков, нам, конечно, не ведомо. Все может быть. Время покажет... □

Евгения Белогорцева

Девочка с множеством имен, и ее долгая жизнь

С героиней, о которой сегодня пойдет речь, знаком абсолютно каждый. Потому что едва ли кто-то из нас не повторял в трудные минуты: «Да это пустяки, дело житейское!» или, описывая кого-то, шутливо не добавлял «Мужчина в самом расцвете сил». И, конечно, все мы время от времени балуемся плюшками.

Мало кто из нас владеет шведским языком, а те, кто знают, будут иметь возможность убедиться, что в оригинальной сказке о Карлсоне этих выражений не было. Они придуманы Лилианной Лунгиной, которая много лет переводила книги Астрид Линдгрен на русский язык. Именно о ней сегодня и пойдет речь.

В автобиографическом фильме Олега Дормана «Подстрочник» Лилианна Зиновьевна рассказывает о своей долгой жизни — ее не стало в 78 лет. И основной мыслью, которую она хотела донести до зрителей (и читателей — «Подстрочник» был впоследствии издан в виде книги), была мысль, что «даже очень плохие ситуации могут неожиданно обернуться совсем другой стороной и привести к хорошему». Она, безусловно, имела право судить. За свою жизнь, вместившую в себя значительную часть двадцатого века, она столкнулась со всем, что этот век только мог дать...

Лилианна Маркович родилась в еврейской семье. Родителями ее были Зиновий Маркович и Мария Либерсон. Отец работал торговым представителем и вскоре после рождения дочери был направлен в Берлин

на работу. Семья поехала вместе с ним. Эта командировка и положила начало формированию характера Лили, общительной, всю жизнь потом «жадной до людей». Отсюда же — ее способность быстро схватывать

новые языки. Буквально за несколько месяцев проживания в Берлине она стала бойко говорить по-немецки и завела в местной школе друзей.

Однако отца вскоре отозвали обратно в Советский Союз, и, хотя многие знакомые уговаривали его не ехать, пугая, что он не сможет вернуться обратно, он все же поехал, а жена и дочь остались в Германии. Но там в начале тридцатых годов стало неспокойно, и они приняли решение отправиться в Палестину, где жила мать Марии и бабушка Лили. Вместе с Марией Либерсон в Палестину отправился ее друг Людвиг, за которого она собиралась замуж. Лилианна, до этого относившаяся к Людвигу вполне терпимо, тут же его возненавидела. Она расценивала такое поведение матери как предательство. А Зиновий Маркович ежедневно (и это действительно так!) слал дочери открытки из Союза, откуда его действительно уже не выпустили после возвращения. Она описывала это так: «Папа в Москве, по пути на работу, каждый день опускал открытку в ящик. И вот у меня образовалось, соответственно, считайте, сколько: четыре года по триста шестьдесят пять открыток. Без пропусков, что бы ни случилось. Когда он ездил в отпуск, он отовсюду взял себе за правило писать — он звал меня Лялька, — писать Ляльке открытку».

Людвиг собирался переезжать в Америку, но мать Лили не пожелала

ехать вместе с ним. Она покинула Палестину и решила обосноваться во Франции, в Париже. Там Мария, натура чрезвычайно творческая и деятельная, основала кукольный театр «Петрушка», кукол для которого шила сама. Дочь тоже была занята в ее постановках. Дела у театра и у маленького семейства шли неплохо. Поначалу Лилианна училась в обычной школе, затем стала посещать более дорогую, которую даже зажиточные французы не всегда могли себе позволить. Здесь девочка заговорила по-французски и снова обросла друзьями, многих из которых нашла через десятилетия, когда это стало возможно.

Отец с матерью вели переписку, и в какой-то момент Зиновий Маркович предложил жене и дочери вернуться к нему. Их отговаривали все. Тогда уже появился «железный занавес», и европейцам было очевидно, что назад дороги для Марии и Лили не будет. Но они все же поехали. Так четырнадцатилетняя девочка, прожившая до этого всю сознательную жизнь в Берлине и Париже, оказалась в Советском Союзе.

Поначалу она была в ужасе. Все казалось чужим, непохожим, серым, мрачным. Формально жилищно-бытовые условия семьи Маркович были отличными. Благодаря заработанным за границей деньгам отец получил трехкомнатную квартиру в доме по знаменитому адресу Каляевка, 5 (сейчас это улица Долгоруковская), и у каждого

была своя комната — немислимая роскошь.

Еще не начались чистки 1937 года, но в воздухе уже витала атмосфера страха. Постепенно стали «исчезать» знакомые и друзья, которыми Лиля успела обзавестись. Зиновий Маркович тоже должен был попасть в «чистки», но к концу тридцатых годов был уже очень болен, и его просто оставили в покое. После его смерти Лилианну вызывали на Лубянку под предлогом того, что надо что-то перевести. На самом деле ее хотели завербовать — предложили «подписать бумагу о дальнейшем сотрудничестве», но ей удалось отказаться, соврав, что она слишком эмоциональна и сможет ненароком выдать себя.

Несмотря на сложную и нервную обстановку в стране, жизнь юной девушки шла своим чередом. Сначала она училась в школе, где снова, «жадная до людей», обрела огромный круг общения. В одном классе с ней учился Дезик Кауфман, позже ставший известнейшим поэтом Давидом Самойловым. Он же убедил ее поступать в ИФЛИ — Институт филологии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского.

Об ИФЛИ всех его времен написано немало, а у Лилианны Лунгиной остались самые теплые, какие-то волшебные воспоминания о нем. Из института, который находился в Сокольниках, всегда шли домой пешком и бесконечно говорили-говорили-говорили, узнавали друг друга.

Она вспоминала: «Домашней жизни почти не было. Либо мы были в ИФЛИ, либо мы гуляли, либо мы сидели в библиотеке».

В 1941 году девушка нашла первую работу. Собственно, это было самое начало: она написала заметку о театральном кружке, организованном студентами, и отнесла в газету «Московский комсомолец». Ее напечатали и предложили дальнейшее сотрудничество. Но ему не суждено было состояться — началась война.

В эвакуацию из Москвы Лилианна с мамой были отправлены в Набережные Челны. Для столичной девочки эта эвакуация стала кромешным ужасом — ни возможности снять жилье, ни работы. За комнату не хотели брать денег, одна из домовладелиц согласилась только на вещи. Так Лиля в уплату за жилье отдала все свои и материнские наряды, включая и парижские, в которых потом щеголяла дочка хозяйки. Но когда вещи кончились, их попросили съехать. Работала будущая переводчица секретарем в местной газете «Знамя коммунизма», и благодаря ее главному редактору Даричеву удалось устроиться в одной из комнат редакции. Но там было очень холодно, надо было колоть дрова и топить, чтобы согреться. Пришлось научиться и этому.

В какой-то момент Лилианна решила съездить в Москву и посмотреть, что стало с их квартирой. Увы, там уже жили другие люди. Но ей все же удалось отвоевать обратно одну

комнату, куда они с матерью вскоре и вернулись. Но радость возвращения домой была омрачена: в марте 1944 года Мария Либерсон скончалась, так и не дожив до Победы.

Потерявшая за несколько лет обоих родителей, Лилианна оказалась в глубокой депрессии, выбраться из которой помогали друзья. Ее пригласили вместе встретить Новый год, и среди приглашенных оказался Семен Лунгин, молодой режиссер театра Станиславского. Молодые люди разговорились, и оказалось, что несколько лет назад они уже встречались в одной компании, но тогда друг на друга внимания не обратили.

Спустя несколько дней после этой встречи Семен позвал Лилианну на свой день рождения. А когда гости стали расходиться, просто предложил: «Останься!» И она осталась — на всю жизнь. По ее воспоминаниям, Семену от родителей досталась огромная квартира, с паркетом, антикварной мебелью и прочими атрибутами богатого быта. Все это потом пришлось распродать, чтобы как-то выживать и кормить детей. А их было уже двое: старший Павлик, ставший впоследствии режиссером Павлом Лунгиным, и младший Женя.

Лилианна пыталась найти работу в переводах, но переводчиков с французского и так хватало. Тогда ей предложили поискать для себя какой-нибудь более редкий язык. Поскольку Лунгина занималась скандинавскими языками, выбор ее пал на шведский.

Почти полгода она носила домой из редакции тяжелые сумки с книгами на шведском языке, пытаясь выбрать из них то, что могло бы иметь успех при издании. И нашла! Взяться переводить Линдгрэн и, совершенно ничего не зная о писательнице, в рецензии предрекла ей будущую большую славу. И только после этого Лилианне стало известно о том, что Астрид Линдгрэн переведена на 30 языков, что она лауреат премии Андерсена и многое-многое другое.

А уже вскоре ей довелось принимать шведскую писательницу у себя дома. Та приехала на московский кинофестиваль и пожелала познакомиться с переводчицей, благодаря которой стала знаменита в Советском Союзе. Лилианна Зиновьевна вспоминала: «Когда я первый раз пригласила ее домой, Женя было три года. Она пришла к нам — Женя уже спал. Она немедленно его разбудила, посадила на ковер и начала с ним играть. Вот это Астрид Линдгрэн. А когда мы ее проводили этим же вечером в гостиницу «Россия», — а там второй троллейбус делает круг, — она вышла из троллейбуса и, прощаясь с нами, начала танцевать. В час ночи! И настолько это было заразительно, что мы с Симой тоже исполнили какие-то танцевальные па в пустом троллейбусе».

Рождение детей Лилианна Зиновьевна в своих воспоминаниях назвала главным событием своей жиз-

ни, но при этом дом Лунгиных всегда был открыт для друзей и для тех, кого они приводили с собой. Они очень дружили с Виктором Некрасовым, автором книги «В окопах Сталинграда». Однажды Вика (так называли Некрасова все друзья) привел с собой Евгения Евтушенко, от которого у переводчицы осталось двойственное ощущение: «И когда Евтушенко пришел, он произвел на нас с Симой удручающее впечатление. Он был одет как жар-птица. На нем был какой-то зеленый пиджак, рыжая рубашка, лиловый галстук бантиком почему-то. Невероятная пестрота, хотелось надеть темные очки. И держался он... ну... крайне бахвальствовал, все время говорил: я то, я се, — влюбленный в себя, обожающий себя, довольный собою человек. Но он нас позвал на следующий вечер в какой-то технологический институт, где должен был читать стихи, и мы решили поехать. Хотя я говорила: может, не стоит? Нет, — сказали ребята, — поедем. И мы с Викой и Симой поехали. И это тоже на всю жизнь. Какие есть варианты в одной и той же личности. Это был совершенно другой человек. Он был строго одет, в темном коричневом костюме, замечательно читал свои стихи и замечательно их отобрал. Сказать, что зал в этом институте был набит, — это ничего не сказать: там буквально висели на лампе, на потолке. Это настоящий народный трибун... Действительно он был как двуликий Янус...»

Писатели, поэты, разрешенные и нет, оставшиеся в истории и не очень — кого только ни бывало у «Лили-Симы». Когда Советский Союз прекратил свое существование, они смогли увидеться с теми, с кем, казалось, расстались навсегда, объездили вместе много стран, растили внуков... С Семеном Лунгиным Лилианна прожила сорок девять лет. С его уходом в 1996 году ее жизнь опустела. Она говорила: «В общем, думаю, теперь я знаю, что такое горе. Это отсутствие желаний. На самом деле, ничего не хочется. Почти ничего. Очень мало что... Это как черная дыра. Но хочется вспоминать прошлое. И именно в том смысле, в каком эта наша с Симой жизнь была не только нашей, но вобрала жизнь поколения, явилась какой-то маленькой частью в странной мозаике тех, кто уходит к концу двадцатого века. Вот мы из тех».

Ее не стало в 1998 году, без любимого мужа Лилианна Зиновьевна прожила только два года. За долгую жизнь у нее скопилось немало имен: Лили Маркович, Лили Имали, Лялька, Лилианна Зиновьевна Лунгина. Но при всей этой пестроте она осталась удивительно собранным, абсолютно цельным человеком, исполненным порядочности и редкого чувства слова и чувства юмора. Иначе кто бы дал нам «мужчину в самом расцвете сил», «дело житейское» и, конечно, плюшки, которыми баловались мы и будут баловаться наши дети. □

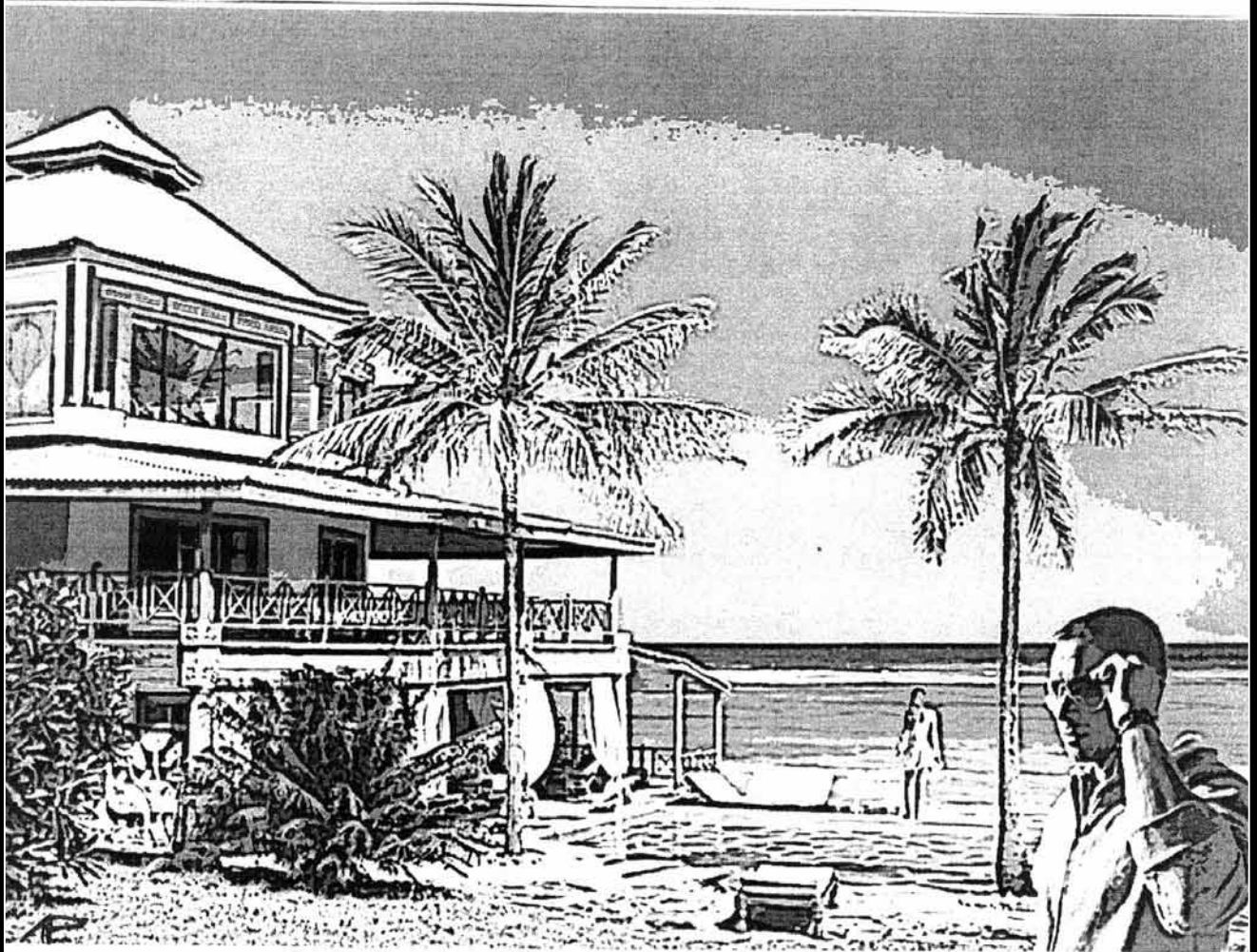
«Потаенное судно» Ефима Никонова

Почти три века назад русский крепостной крестьянин-самоучка подал царю Петру I челобитную «...сделает он к военному случаю на неприятелей угодное судно, которым на море в тихое время будет разбивать корабли, хотя б десять, или двадцать, и для пробы тому судну учинит образец...» А речь шла, ни много ни мало, о первой русской подводной лодке. К удивлению многих, российский самодержец идею поддержал и даже выделил средства на ее осуществление. В 1720–1721 годах Никоновым была выстроена сперва модель, а затем, через пару лет, проведены и испытания полноразмерного судна на реке Неве у Галерного дворца, на которых присутствовал сам Петр I. Первая русская подлодка напоминала по форме большую бочку с окошками, оббитую для надежности железными полосами и медными листами.

Увы, как это часто бывает, первый блин вышел комом: в ходе образцово-показательного погружения четырехместный (а по другим данным даже восьмиместный!) «наutilus» Ефима Никонова при ударе о грунт повредил корпус и дал серьезную течь. Неудачными были и последующие погружения первой русской подводной лодки: вода по-прежнему просачивалась сквозь щели обшивки в «потаенное судно» Никонова, хотя в целом система показала себя весьма жизнеспособной.

Однако после смерти Петра Великого его преемники быстро охладели к затее смекалистого крестьянина: Ефим Никонов был разжалован из мастеров в рядового плотника и сослан с глаз долой подальше от столицы рядовым плотником на Астраханскую верфь.

И все же историческая справедливость восторжествовала, пусть и спустя много-много лет. Уже в наши дни, в Покровском-Рубцово, что недалеко от подмосковной Истры, на родине талантливого самоучки, ему был установлен памятник, а в Сестрорецке, что ныне вошел в состав основанного Петром I «парадиза» — на городской набережной установлена полноразмерная модель того самого «потаенного судна».

БЕДНЫЙ БОГАТЫЙ МАЛЬЧИК

ГЛАВА 14

Мы довольно быстро нашли квартиру, в которой был прописан маньяк Жора. Георгий. Она оказалась в доме недалеко от того самого газетного киоска, где я устроила ему первый допрос. На наши звонки никто не ответил, мы вышли из дома и стали чинно прогуливаться вокруг него, вспоминая свои школьные годы и какие-то особые проделки Жоры. Но ничего существенного не вспомнили. Был ученик как ученик, парень как парень. Играл на школьной сцене Хлестакова. А я была Анна Андреевна, жена городничего. Валентина пыталась вспомнить, кто играл Марью Антоновну, их дочку, но не смогла. Я — тоже. Вдруг за нашими спинами раздался знакомый голос:

— Это была Галя Меленцова!

— Не Галя, а Ира, ее сестра, — вспомнила я.

Честно говоря, этой подсказкой маньяк сразу расположил нас к себе, и мы, сообщив ему, что пришли для важной беседы, по пути в квартиру просто утонули в школьных воспоминаниях. Но когда дошли до лифта, идиллия закончилась — Жора вдруг принялся громко топтать по полу, как сумасшедший. Мы с Валею отскочили от него и хотели уже выбежать на улицу, но он объяснил нам, что в коридоре много крыс и если их не пугать, то напугают они. Тут уж — кто первый.

Окончание. Начало в №6, 2023.

Он не стал спрашивать, как мы его нашли — зачем? Когда мы вошли в его однокомнатную квартиру, так похожую на ту, в которой жила я, то как-то так получилось, что все хорошее, доброе, теплое, что нам вспомнилось и что нас связало, объединило на несколько минут, осталось за порогом. Я не знаю, почему так получилось. Жора сдержанно пригласил нас пройти в комнату, даже сходил на кухню и включил чайник, а потом сел напротив нас в единственное кресло, которое, чувствовалось, очень любил, и стал терпеливо ждать, о чем мы его спросим.

— Жора, можно на «ты»? — осторожно спросила Валентина.

— Это как вам будет угодно.

Взгляд его был колюч и холоден — словно в глубине зрачков застряли две маленькие льдинки...

— Нельзя, значит... Ну, хорошо. Человек вы еще молодой и, видимо, где-то работаете, да? Чем вы занимаетесь, откройте секрет!

— А я уже открыл Наталье. Девиц душу, — серьезно ответил Жора, а я чуть не упала со стула.

— И спокойно ходите по улицам? — не растерялась Валентина.

— А чего не ходить! Волосы выкрасил, усы сбрил...

Но мою подругу невозможно было сбить с толку. Она продвигалась вперед как бульдозер.

— Жора, оставим эти шуточки. Был момент, когда я и правда подумала, что вы... Но нет. Впрочем, мы не собираемся лезть к вам в душу, копаться в вашей жизни. Мы пришли к вам... за помощью. — Вдруг глаза ее озорно блеснули, и она, забыв, что к нему надо обращаться на «вы», чуть ли не закричала: — Жорка! Я вспомнила! Ты ужасно химию любил! А однажды какой-то взрыв устроил в химическом кабинете, и Клюквин тебя домой послал за родителями... А мы так все радовались! Урока-то не было!

Лицо Жоры потеплело, из глаз исчезли ледышки, и он тихо ответил:

— Помню. А ты потом чего руку поднимала за то, чтобы меня выгнать из комсомола, а?

— Эх, Валя! А я вот не поднимала, — гордо заметила я.

— Да. Ты меня защищала, только как-то вяло. Все равно я потом ушел от вас в интернат и там автоматически выбыл из комсомола. Ладно, хватит детства, всех этих бирюлек! Зачем пожаловали, дамы? Карты на стол, как в детективе у Агаты Кристи!

— Пожалуйста, Жора!

И мы стали рассказывать ему о Юрии и Людмиле Разиных, об их сыне, который вместе с нами хочет найти убийцу своей матери. Жора слушал, но на лице его не дрогнул ни один мускул, взгляд не изменился. Он как смотрел в одну точку, так и продолжал смотреть! Это выглядело странно — как

будто нас и не слушал. Но я была уверена, что он не пропустил ни одного слова! От Разиных и трагедии этой семьи Валентина плавно перешла на Жору, который явно не случайно маячил передо мной на рынке, потом выпендривался у киоска, а затем вообще вломился ко мне домой, да еще и не поблагодарил меня за то, что я тогда не вызвала полицию. Особенный акцент она сделала на его словах о том, что дело с гибелью Людмилы было нечисто и с той, и с другой стороны. Насколько я помнила, он выразился тогда именно так. И теперь мы ждали от него ответов на все наши вопросы. Но он сидел все так же неподвижно и молчал, изображая из себя глухонемого.

— Жор, тебе самому, я думаю, нет резона во все это влезать, — вновь начала Валентина. — Но почему ты следил за Натальей? На кого работаешь, и что этому человеку нужно? Он и убийца Людмилы — одно и то же лицо, или нет? И что там за другая сторона? Одна — это Людмила, понятно. А вторая?

— Какая свалка вопросов! — поднял руки вверх Жора. — Я раздавлен... Меня надо спасти...

— Мы готовы! Только скажи! Мы не дадим тебя в обиду! — заверила я и добавила: — Домой-то ко мне зачем пришел?

— Да черт его знает... Наверное, потому и пришел, что тебя вспомнил... Живу один как волк... Без семьи, без работы... Черт-те как живу... А тут — вроде как родная душа... Да и поиграть захотелось... в маньяка...

— Замок чужой открыл... Это ведь статья...

— Да там замок-то... Ткни, и развалится! Так что ни на кого я не работаю, дамы мои школьные... в черных фартучках...

— А по праздникам — в белых были... А теперь про стороны говори, — попросила я.

— Да пожалейте вы мою бедную память! Ведь столько лет прошло... Очень смутно все вспоминается, я наверняка могу ошибиться... А дело там, по слухам, касалось какой-то женщины, влюбленной в вашего Разина. А, может, какой-то из его жен, которых он бросил... Эта дама не могла простить вашей Людмиле какого-то обмана... Называла ее аферисткой и шантажисткой... Часто приходила к Разину на могилу... Приезжала откуда-то, так говорили... Дама эта достала вашу Людмилу и в день смерти... Их видели вдвоем на кладбище... Она вроде бы закатила Людмиле пощечину! А уж потом что и как было — не знаю, я ведь специально ни о чем не спрашивал...

— А... женщина та была кому-то знакома? Ты не запомнил ее имя, фамилию? — спросила Валентина.

— Да вроде никто и не называл ни имени, ни фамилии.

Я видела, что Валентина недовольна этим рассказом, хотя и не понимала, почему. Неужели потому, что он не вписывается в ее концепцию? Хотя здесь фигурирует ее догадка насчет обмана с ребенком... Именно это она и вознамерилась уточнить.

— Жор, а какого именно обмана эта таинственная дама не хотела прощать?

— Ну, этого уж я не знаю. У женщин — такие секреты, что если в каждый влезать, волосы встанут дыбом...

— Так, Жорочка, так... Жорик наш... А знаешь ли ты, что такое дымовая завеса? Ты нам тут столько дыма напустил, возвел такую завесу... И что же ты, Жорочка, за ней хочешь от нас скрыть, а? Придумал какую-то несуществующую даму с пощечиной... Да ведь наш сотрудник и Витя опросили десятки жителей поселка! И никто не вспомнил ни про какую даму...

— Короткая у народа память, — многозначительно и насмешливо произнес Жора.

Валентина помолчала, потом встала, подошла к Жоре, по-прежнему сидящему в кресле, положила руки ему на плечи и тихо спросила:

— Жор, кто Людку-то убил, а?

— Да хрен его знает, — тут же ответил он. — Я думаю, этого уже и не узнать...

— Тут ты не прав. Если бы все действительно кануло в прошлое, вот тогда было бы не узнать... Но погиб журналист, которому были известны кое-какие тайные факты из жизни Людмилы... Вите сейчас там, в поселке, пытались всучить наркотики — может, чтобы тут же сдать его полиции... Цель та же — не копайся в прошлом! Не мешай кому-то что-то делать... И если ты, Жор, знаешь больше положенного, то тебе тоже грозит опасность. Учти это... Не знаю, кто тебя нанял, — продолжала гнуть свое Валентина, — но помни: это очень хитрый и жестокий человек, который ни перед чем не остановится.

Она вдруг встала, подошла к трюмо, стоящему в прихожей, взяла небольшую фотографию, вставленную между зеркалом и резной его рамкой, и, подавая ее Жоре, спросила:

— И кто же эта красавица? Спрашиваю специально, чтобы отвлечься от тяжелых дум. Невеста твоя, да? Девушка хоть куда!

Жора как-то весь съежился, согнулся, как будто на спину ему водрузили тяжелый груз, затем пересилил себя, улыбнулся и ответил:

— Была невеста... Стала жена... Не моя... Как в песне. Одна фотография и осталась. Берегу вот...

— Встречаетесь с ней?

— Встречаемся? Нет, конечно...

Встречаются. Иначе он бы не повторял вопрос, а сразу ответил — нет.

— А скажи-ка, дорогой наш Жорик, ты живописью интересуешься? То есть — интересовался? Ну, хотя бы по молодости...

— Я никогда не рисовал, если вы это имеете в виду.

— Нет. Не это. Помнишь представителя наивного искусства — Неве-рова? У него еще брат был... Старший... Теперь в Москве живет. Фами-лия — Таилов. Не слышал?

Лицо Жоры словно бы опрокинулось, перевернулось — так его потряс этот Валентинин вопрос. И разрази меня гром, если он не знает этого Таи-лова! Знает, да еще как! Но силе воли его можно было позавидовать — ясно, скажет сейчас, что знать такого не знает. Но Жора, очевидно, воз-намерился без конца опровергать наши предположения, потому что вдруг заявил:

— Да кто же в Москве эту фамилию не слышал? Не захочешь, так узна-ешь... На всех столбах...

— Что ты имеешь в виду? — не выдержала я.

— Да концертные афиши. Это же дирижер известный!

— А что вас с ним связывает? Чего ты, Жорик, дрогнул так, когда я его фамилию назвала?

— Показалось... Вам слишком много кажется, мадам... И разрешите дать вам совет. Если вы действительно заинтересованы найти убийцу этой Разиной, то учтите — та ревнивая женщина, в которую вы не пове-рили, действительно существовала... И она, по всей вероятности, была последней, кто к ней подходил... И кто мог ей предложить помянуть Юрия...

— А откуда тебе это известно? — быстро спросила Валентина.

Можно было не заметить секундного замешательства Жоры, но я за-метила.

— Да я сто лет об этом знал! Наверное, еще тогда в поселке об этом говорили... А я ведь жил то в городе, то там, у отца... Вот и отложилось... в подсознании, как любят говорить психологи...

— Ну, что ж, Жора...

Валентина замолчала, и я подумала — для того, чтобы сразить его каким-то глобальным вопросом, но она вдруг просто попросила:

— А чаем-то угости... Угостишь?

Жора смутился, быстро встал с кресла и ушел на кухню, а подруга моя крикнула ему вслед:

— Буду хвастаться — пила чай в квартире у маньяка! И вместе с ним! И с кухни к нам долетело спокойное:

— И мне будет, чем гордиться — сидел за одним столом со знаменитой Орловой!

Все-таки поражалась я его осведомленности. Не может один человек так вот все знать и успевать за всем следить. Его явно кто-то информирует. И вполне возможно, что несколько дезинформирует, отчего он сам всей правды не знает. Винтик в колесе. А куда колесо катится, ему неизвестно. Вот почему, например, он стал следить за мной? Где я прокололась? Понятно, если бы это случилось после устроенного Витей опроса в поселке. Но нет, глаз на меня он положил значительно раньше. Нет — нет, здесь что-то совершенно другое...

Жора принес нам чай на подносе, в центре которого лежали коржики, изображавшие сердечки.

— Жор, а чего это ты не женишься, а? — спросила я.

Черт! Глаза его опять стали холодными и колючими, как и у Валентины, которая обдала меня своими синими брызгами с ног до головы — за то, что я нарушила хрупкий мостик доверия, возникший за чаепитием.

— Да ладно, извини, — промямлила я. — Нет, ну почему ты все-таки следить-то за мной стал?

— На этот вопрос я уже ответил...

— А мне все равно неясно...

— Человек так устроен. У него никогда не бывает полной ясности, — перебил он меня.

— Замечательный чай! — запела Валентина. — Сейчас что ни пачка, то подделка, а этот настоящий... Ой, как вкусно! И коржики свежие! Спасибо тебе, Жорочка! Тот, кто тобой командует, кто взял тебя в оборот — хитрец и лгун. И возможный убийца... Или же покрывает убийцу... Так что по-дружески, помня общее детство наше, советую — будь начеку! Не можешь отвязаться от этого человека — проверяй все, что тебе говорят! Будь хитрее! Не поддавайся на лесть, обещания... Если это женщина — на ласки... Помни — тебя обманывают... Убийство Людмилы не было случайным. Это — звено, главное или нет, мы пока не знаем, какого-то адского плана... Только вот в чем он заключается, неизвестно. И я надеялась, что ты нам поможешь...

Жора сидел все с той же каменной физиономией... Валентина подошла к нему, дотронулась до его плеча и очень ласково произнесла:

— Береги себя, Жорочка! Тебя, очевидно, держат за слепого... Часто таких слепарей обвешивали главными уликами... Как бы с тобой такого не вышло... А мы с Натальей пойдем. Телефон ее знаешь?

Он кивнул. И Валентина взяла с него слово, что в случае какого-либо изменения обстановки, так сказать, передислокации войск, он нам обяза-

тельно позвонит. Или придет — ведь адрес и код, и даже дверной замок ему хорошо известен...

Жора проводил нас до лифта, нажал нижнюю кнопку и отправил нас восвояси. Но через два-три пролета Валентина нажала на «стоп», мы осторожно вышли и пешком, по лестнице вновь поднялись на Жорин этаж. Мы проделывали такое не впервые, поэтому я ни о чем не спрашивала. Я знала, что, если предположения Валентины правильны, то нас ждет удача — дверь у Жоры тонкая, одинарная, обитая деревянными плащечками, сквозь которые звук проходит прекрасно... И телефон стоит в прихожей. Мы тихо подошли к дверям и хотели прикинуть к ним, но делать этого не пришлось, потому что до нас и так донесся Жорин голос — он уже успел набрать нужный номер и теперь хрипло, видимо, от волнения, задавал самый важный для себя вопрос:

— Нет, ты скажи — та баба, которая подходила на кладбище к этой Людмиле... Ну, та, которая ее ревновала... Она где сейчас?

Видимо, на том конце провода спросили, почему это вдруг стало ему интересно.

— Да я тут пораскинул мозгами... Она ведь, если все так, как ты говоришь, была последней, кто приближался к этой Разиной... Значит, она могла ее и убить, так? Могла? Вот поэтому и спрашиваю...

Мы с Валентиной были уверены, что Жорин собеседник, пока неизвестно какого пола, сравнил его со следователем, причем в далеко не лестном для людей этой профессии смысле. Так оно и оказалось.

— Хорошо. Пусть я как следователь. Не обижаюсь. Ты скажи по существу, я тебе поверю. Но я хочу знать правду. Думаю, что заслужил, столько вожусь с этим парнем! Да верю я тебе, верю. Знаешь, почему. Повторить? Я тебя люблю. И я считаю дни... месяцы... годы... А они летят... Хорошо... При встрече... Глаза в глаза... Целую... И глаза твои — тоже...

Все. Теперь мы знаем, что слезку он вел по заданию или по просьбе женщины, которую любит. И, очевидно, это — та самая дама, фотографию которой мы у него видели. Замужняя. Красивая. Сейчас она явно открутилась от его вопросов, пообещав все рассказать при встрече. Если она его тоже любит, то, может, и расскажет. Только вот что? А если он — игрушка в ее руках, оружие, которым она действует, — это уже хуже. Не исключено, что она захочет от него избавиться — он задавал слишком много вопросов...

Мы с Валею, обговорив все это, придумали план действий и ринулись ко мне домой, чтобы его осуществить. Раздевшись, сразу позвонили Владимиру Ивановичу Комову и изложили ему свой план. Дело в том, что мы нуждались в его помощи, ибо предвидели, что наладить «прослушку» Жо-

рино телефона нам в Москве будет не под силу. Комов, как всегда, был на месте — и когда он только ест и спит? — и пообещал тут же связаться с московскими коллегами и передать им нашу просьбу — естественно, от своего имени.

Ждали мы недолго — Владимир Иванович сообщил нам, что все готово, и назвал телефон и сотрудников, у которых мы сможем узнать об итогах этого полузаконного действия. И мы приступили к осуществлению своего плана. Вернее, я — ведь это мне приходилось играть в спектаклях на школьной, а потом и на студенческой сцене. Валентина набрала номер Жоринского телефона, который мы заблаговременно узнали, и когда после множества гудков он все же взял трубку, я довольно неясным шепотом произнесла:

— Я передумала, дорогой... Хочу сказать все сейчас... Не дожидаясь встречи...

Мне хотелось быть экономной на слова, чтобы он не заподозрил подвох. Но я зря опасалась — во-первых, он, очевидно, выскочил из ванной и по ходу разговора вытирался, об этом говорили определенные звуки, во-вторых, он был слишком взволнован и нашим приходом, и сначала нежеланием своей любимой отвечать на его острые вопросы, а теперь готовностью это сделать, поэтому тут же спросил:

— Это ты? Я рад, что позвонила... Говори, хорошая моя... Если там что-то не так — я все пойму, ты ведь знаешь...

— Да, да... Сейчас... С сердцем что-то неважно... Я одна дома... О!..

На этом «О!» я повесила трубку. Мы надеялись, Жора поверит, что его любимой стало плохо. А раз она одна дома, следовательно, надо срочно позвонить ей и удостовериться, что любимая жива и относительно здорова. А тут и «прослушка» начеку! Только бы наш план сработал!

А куда ему было деться? Конечно, сработал!

Минут через десять мы позвонили по указанному Комовым телефону.

— Ну и подвели вы мужика! Послушайте сами...

Мы поднесли трубку поближе к моему замечательному диктофону, призванному записать Жоринское попадание в лужу, и услышали женский голос:

— Алло!

— Тебе плохо? Может быть, вызвать «скорую»?

— Не понимаю ваших шуток... Положите трубку...

— Любимая! Мне показалось, что ты хочешь все рассказать, не дожидаясь встречи... Я слушаю... Я все пойму...

— Прекратите ваши шутки! Иначе мы с мужем обратимся в полицию...

— Ты что, меня не узнала?

Послышался мужской голос, который спрашивал, с кем это она разговаривает. Ясное дело, муж. Наш Жорик, наконец, врубился, что его бесовестно кинули, и со злости бросил трубку, успев только произнести:

— Ну, ну...

Да, однокашнику явно не повезло с любимой. Напоследок мы спросили, кому принадлежит номер, по которому звонил «объект». И услышали ответ:

— Это телефон Таиловых... Запишите. Не снимать пока с «прослушки»?

— Пока не снимайте...

Вот так... Собственно, мы и предполагали нечто подобное. Но это явно не устраивало Валентину.

— Понимаешь, слишком уж все просто... Факты сами плывут в руки... Я в такие удачи не верю. Здесь или кто-то старается нас запутать, но в данном случае это маловероятно, или же...

Она не договорила, потому что я сразила ее вопросом:

— А, может, Жора все-таки маньяк? Может, он просто играет? И с этой дамой, и у нас на нервах... А она — убийца... Жена Таилова... Отличная парочка!

— Угу. Остается узнать, что таит в себе сам Таилов... А давай-ка позвоним, узнаем, когда его концерт, а? И если сегодня или завтра — сходим, понаблюдаем за ним со стороны.

Концерт был объявлен на сегодняшний вечер. У нас еще было время, чтобы обдумать свое будущее поведение и наметить вопросы, которые мы зададим дирижеру, если нам удастся с ним поговорить. Усталые, измотанные, как две бродячие собаки, мы все-таки привели себя в порядок, оделись, взбодрились и выплыли из дверей как две павы... У нас явно открылось второе дыхание...

ГЛАВА 15

В шикарнейшей таиловской квартире остановилось, кажется, само движение воздуха, настолько плотно она была пропитана обидой и горечью...

— Прости меня, Владенька... Ведь я не знал... Как я мог... Простить себе не могу... Так тебя оскорбить своим дурацким подозрением... Почему же ты мне сразу не сказала, что это во имя нашего будущего ребенка... Родная моя! Я только теперь понял, как это тебя мучает...

— Я не могла сказать, дорогой... Это было одно из условий — соблюсти тайну... Иначе экстрасенс не ручался за положительный исход... Я и сейчас не должна была тебе говорить... Но мне показалось, что ты можешь сойти с ума...

— Да я и сошел с ума! Говорю с уехавшей на родину тещей, она меня уверяет, что там хорошая погода, включаю телевизор — а там ураган прошел! Что прикажешь думать? Я задаю себе вопрос — зачем меня обманули? Причем не только теща, эта категория женщин все время на ножах с зятьями, но и родная жена! Хочу спросить, набираю указанный тобой же номер телефона — а там сонная баба мне говорит, что никакой Амалии Павловны не знает... Я вмиг протрезвел и сидел до утра как памятник, думал, как тебя спрошу, как все тебе выскажу, припру, так сказать, к стенке...

— Я тебя понимаю... Маме назвали эту колдунью уже давно, но я боюсь таких вещей, вот она сама и поехала... с моей фотографией. Это в Вологодской области... Село там одно есть... Колдуют по-страшному — и на жизнь, и на смерть, и на прибыль, и на удачу... И на любовь, конечно... Вот я в гостиницу ей и звонила. Мама довольна, сказала, что все должно получиться... Она сегодня к вечеру приедет...

— На концерт ко мне не успеет?

— Возможно, успеет.

— Знаешь, нам ведь только этого в жизни не хватает... Малыша...

— Я думаю, бог его не дал нам пока за наши грехи... За прошлое...

Влад не любил, когда она так говорила. Никакого греха не было! Ей надо запомнить это раз и навсегда! И никогда не обращаться ни к каким воспоминаниям. Ни к чьим рассказам... А то бог знает что могут напридумывать вокруг смерти той женщины... Слухи — они ведь безжалостны, как и люди. Сам-то он твердо сказал себе, что ни к чему подобному непричастен. Потому и выбросил из памяти тот дурацкий звонок с намеком и призывом к действию. Кто-то неверно проинформирован и насчет того, что было, и насчет его нынешних интересов... Кто-то невидимый хочет повернуть его лицом к прошлому, утверждает, что та проблема осталась, что она существует... Ну и пусть! Ему что же, с пистолетом гоняться за этим анонимом? Пусть все идет своим чередом. В конце концов его благополучию ничего не угрожает. Разве что телефонный «просветитель» возьмет в оборот и парня... Парня, который ни о чем не догадывается...

Впрочем, Влад не привык долго думать о бытовых, обыденных вещах. Его мозг всегда, каждую минуту был настроен на музыку. Музыка мысли, музыка дела, музыка любви... Музыка пространства, солнца, ветра... Эти звуки постоянно были в его воображении, они уносили его высоко над землей, и он так не хотел спускаться вниз... И не спускался... Париж — он тоже был наверху... Вместе с женой, которая дошла до какой-то колдуньи, только чтобы родить от него ребенка... Ему стало жаль Владу. Но не себя — его всегда спасала и держала на плаву музыка...

И все-таки иногда сквозь нее к нему прорывалась тревога — а вдруг опять прозвенит таинственный звонок, и ему намекнут на нечто, противоестественное его натуре, связанное с подлостью и обманом... И вот сейчас Влада отвечает кому-то по телефону... Кому-то, позвонившему по ошибке, но продолжающему что-то говорить, требовать...

— Дорогая, кто там тебя беспокоит?

— Да не пойму даже, кто, — ответила жена, не моргнув глазом.

— Нет, я спрашиваю — мужчина это или женщина?

— Я и говорю — не пойму. Голос какой-то странный... Не мужской и не женский... Ошиблись номером... Требовали какого-то рассказа...

— А о чем?

— Не знаю... Голос сказал — говори! Я жду! Правду, я так поняла. Кто-то говорит неправду, а должен сказать правду! В этом все дело...

Влад уловил в ее словах фальшь. Он не исключал того, что его жена может иметь свои секреты и тайком общаться с кем-то по телефону. Но она разумная женщина и никогда не переступит черту... А если Влада все же соврала и прекрасно знает, кто звонил, значит, произошло что-то важное, о чем собеседник ей сейчас и поведал.

Совершенно неожиданно для самого себя он вдруг громко спросил:

— Что же там произошло, а? Почему он позвонил сейчас, зная, что я дома? Ведь он никогда так не делал... Главное, ты ничего не скрывай — чтобы нам было хорошо, я должен знать, как отвести от тебя, от себя и вообще от нашей семьи любую опасность... Надеюсь, это звонил не любовник? Это было бы так пошло...

Влада сидела бледная, дрожала и лихорадочно искала платок, чтобы вытереть ставшее вдруг мокрым от пота лицо. Наконец она заговорила:

— Ты действительно хочешь, чтобы я была откровенна? Хорошо, я скажу. Понимаешь, мне уже не раз кто-то звонит... Кто-то намекает, что в прошлом... Господи, я не знаю, как и сказать! Я боюсь! Влад, не надо, не пытай меня! Скажи, чтобы я замолчала!

Так... Значит, и ей тоже звонили... А ему-то казалось, что таинственному голосу нужен был только он ...

— Нет, прошу тебя, скажи. А потом вместе все это обсудим... Так что тебе обо мне сказали?

— Что твои руки в крови...

Она сказала это и замолчала, с удивлением глядя на то, как меняется лицо мужа, как из этого одержимого музыкой человека вдруг показалась, выглянула некая сущность, готовая уничтожить все на своем пути... Ей стало страшно, и она решила хоть как-то поправить положение:

— Это связано с чем-то, что было в прошлом... Давным-давно... Тебе кто-то мешал... И ты этого кого-то устранил... Так сказали. Милый, родной, если тебе плохо, я больше не буду передавать весь этот бред сумасшедшего... Знай, что я не поверила ни одному слову!

В последней ее фразе он вновь уловил фальшь... Поверила и, скорее всего, стала допытываться, кто же был жертвой...

— Но это не все....

Господи, да что же ей наплели еще?

— Самое страшное я тебе еще не сказала... Ты, оказывается, должен быть последовательным и действовать до конца. Потому что сейчас появилась точно такая же угроза...

— Какая угроза? Угроза — кому, чему?!

— Я не знаю. Не волнуйся, дорогой... Они говорят о каком-то якобы неизвестном тебе родственнике. И о том, что он глубоко копает... Это их выражение.

— Они? Почему — они? Ты что, слышала разные голоса?

— Кажется, да. Но я не уверена. У меня просто так вырвалось... Влад, я должна тебе еще кое-что сказать... Не хотела тебя волновать, думала, все это пройдет, забудется... Но такие звонки теперь раздаются... каждый день!

— Каждый день?

— Да!

А ему звонили ночью... Кто-то бдит день и ночь, чтобы довести его до белого каления... До преступления... Только странно, что же все-таки от него хотят? Чтобы он сошел с ума? Но кому это нужно? Чтобы он действительно разыскал этого мальчишку и разделался с ним? Хм... Что-то внутри него говорило, что в определенных обстоятельствах он бы смог это сделать... Видимо, осведомленные люди это чувствуют. Но им-то какая печаль? Что они приобретут от того, что он почувствует себя, наконец, безраздельным хозяином парижского дома? Готовятся его шантажировать? Вполне возможно... Конечно, он бы хотел знать, кто эти люди. Либо — кто этот человек, если он действует в одиночку... А можно и не узнавать. Потому что ни у кого нет никаких доказательств, и быть не может. По одной простой причине — не было никакого преступления! Не было, и быть не могло! Он не дурак, чтобы рисковать своим будущим... И все-таки — кто же эти люди? О возможных сложностях с получением наследства знали в основном свои... Его мать... Она ничего не говорила, но он видел, что догадывается... То есть верит слухам... А раз были слухи, значит, были и их распространители... Впрочем, сам его соперник, претендент или как его там, ничего, естественно, не знал. И не мог знать по причине

своего младенческого возраста. А остальным тогда удалось закрыть рты. Зато, видимо, теперь его открыл кто-то другой... Другие...

Вдруг он обратил внимание на жену. Влада сидела в кресле, покачиваясь из стороны в сторону, и казалось, что она вот-вот упадет... Влад поднялся, подошел к ней и посмотрел ей в лицо... Она тяжело дышала, глаза блуждали по потолку, стенам, по нему, но ни на чем не останавливались, а губы шептали какие-то слова, которые он не сразу и расслышал, а когда расслышал, то ему стало холодно:

— Руки в крови... Руки в крови...

Он приложил ладонь к ее лбу — температура! Ничего удивительного, что она стала заговариваться... Достав из аптечки таблетку какого-то нового средства от простуды, он растворил ее в теплой кипяченой воде, которая зашипела, словно газировка, и поднес к губам Влады:

— На, выпей, тебе будет легче...

— Это что, яд?

Ну и шуточки! Впрочем, может, она и не шутит? Может, действительно подозревает его во всех грехах, и ей кажется, что он может разделаться с ней за это... Ну и дела! Она что, все это в себе таила многие годы? Но почему же именно сейчас все вылезает наружу? Из-за этих дурацких звонков?

Влад был уверен, что тут скрывается что-то другое, совершенно невероятное, вывернутое наизнанку, но ему уже некогда было с этим разбираться — пора было собираться на концерт. В каких бы растрепанных чувствах он ни был, его ждет сцена! И его волшебные палочки, от которых оживают нотные знаки, до этого мирно спящие на своих пюпитрах... Надо только убедиться, что Владе стало лучше, или позвать к ней тещу... Он снова подошел к жене, взял ее за руки, прижал их к своим щекам, а потом опустился на пол и уткнулся головой ей в колени... И вдруг услышал:

— Не трогай этого мальчика... Не надо...

— Господи, да кто ж его трогает? — в сердцах выкрикнул Влад, сразу поняв, что не надо было этого делать, что он выдал себя с головой, не удивившись ее вопросу, не спросив — какого мальчика? И почему он должен или не должен кого-то трогать...

Быстро одевшись, он выбежал из квартиры и направился к концертному залу. Обычно перед концертом он старался думать о чем-нибудь высоком. Но сейчас у него вырывалось одно — какого черта?!

ГЛАВА 16

На концерт мы пришли все вчетвером, в полном составе, включая и Стеллу с Витей — оба они уже окончательно пришли в себя, особенно наш юный друг, который неплохо выспался на чужом диване.

Места наши были очень близко от подмостков, чем я была недовольна — музыку надо воспринимать в отдалении... Впрочем, мы сами выбрали, где сидеть. Сегодня нам важна не музыка, а личность. Поэтому, когда со сцены, где уже сидели оркестранты, что-то объявили, и туда вышел высокий, стройный седоватый человек во фраке, поклонился и плавно замахал руками, извлекая из оркестра столь же плавные звуки, мы с Валентиной сидели как глухие, смотрели в спину объекта своих криминально-психологических исследований и думали о том, как, под каким предлогом и какие вопросы мы зададим ему после выступления. Перед Стеллой была поставлена другая задача — хорошенько посмотреть на дирижера и покопаться в своей памяти — не завалился ли в каком-либо ее уголке этот тип, не появлялся ли он на дорожке, по которой ходила Людмила Разина. Перед Витей, понятное дело, глобальных задач не ставилось, он должен был просто изучать обстановку и докладывать о том, что ему покажется странным, ненормальным в поведении зрителей, что его удивит и так далее. Одним словом, ничего конкретного.

Все у дирижера получалось здорово, красиво и как-то одухотворенно. Сразу видно — творческий человек, не шурум-бурум. Валентина глубоко-мысленно изучала его лицо, Витя крутил головой, потому что ему очень хотелось увидеть сразу весь зал, а вот со Стеллой явно происходило что-то непонятное. Не отрывая глаз от дирижера, она прижала руку к груди и шептала: «Мамочка родная!»... Валентина не выдержала, наклонилась к ней и спросила:

— Что с мамочкой?

— С мамочкой плохо... Ой, ой, ой... Но я должна убедиться...

— Убеждайся, но сначала скажи нам, в чем, мы тоже мозгами пораскинем, — прошептала я.

— Просто мне показалось, что он к нам в редакцию приезжал... И говорил, что он — Юрин друг, что Юрочка, когда ездил в Москву, всегда у него останавливался. Что они братья по духу... И что он хотел бы познакомиться с Людмилой, чтобы выразить ей соболезнование... Я ему тогда брякнула — мне, мол, можете выразить, я его любила... А Людмила у нас уже не работает. Кстати, я тогда тоже не работала, просто зашла... в родные стены...

— Он интересовался, где ее можно найти? — быстро спросила Валентина.

— Да...

— Точно помните?

— Точно. И сомневаться нечего. Потому что мне как раз сказали, что Людка готовит какую-то телепередачу, и я сама проводила его на телевидение.

— Зачем?

— Ну... Он мне понравился... Я что, изгой какой-то? Мне не может понравиться мужчина? Тем более, что...

Что тем более, мы не узнали, потому что зал вновь заполнили звуки музыки, которую мы долго и упорно не замечали, и на нас зашикали со всех сторон. А какая-то вальяжная пожилая дама с голубыми волосами, обернувшись, прямо-таки стреляла в нас сверкающими от гнева глазами. Мы закрыли рты и решили терпеливо ждать, переваривая уже имеющуюся информацию. Ее было немало, но Витя сумел подкинуть еще одну, сообщив по цепочке Стелле-мне-Валентине, что сверкающая дама — это теща дирижера, которая приходит на все его концерты вместе с мужем и дочерью, но сегодня они вроде бы больны, и дама пришла одна. Все это Витя уловил из разговора сидящих за ним почитательниц таланта дирижера.

Когда закончилась вторая часть неизвестно какого произведения и композитора, мы осторожно выбрались в коридор, сделав вид, что одной из нас стало плохо. Витю мы предусмотрительно оставили на своем посту и, стоя в фойе, начали тормозить Стеллу:

— Ты сказала — тем более, что... И что?

Этот витиеватый вопрос задала я, но Стелла не обратила на него никакого внимания. Зато вдруг неожиданно спросила:

— Вот кто, по-вашему, лондонский денди? В смысле — какой он, как выглядит?

— То есть вы, Стелла, увидели в нем лондонского денди, были сражены и повели его на телевидение, чтобы пообщаться с ним подольше. Так?

— Так, Валентина Васильевна! Тем более, что... Вот что, по-вашему, может быть в руках у денди? Ну, с какой вещью ассоциируется этот образ?

— Трость? — почти выкрикнули мы с Валентиной.

— Молодцы, угадали! Трость с набалдашником. И с секретом. Если набалдашник открутить, то он превращается в маленькую стопочку, куда можно кое-что плеснуть. Из этой самой трости... Короче, эта трость, вернее ее секрет, был аргументом, который позвал меня в дорогу вместе с денди до телестудии. Там мы с ним «кирнули»...

— Люду-то нашли? — спросила я.

— Конечно. Он и ее угостил. Сказал, что скорбит, жалеет, что не был на сорок дней. Очень, мол, хотел, но дела важные помешали. Пообещал на годовщину обязательно приехать...

Валентину весьма заинтересовала последняя фраза. Она вся вскинулась, как птица перед полетом, и быстро спросила:

— А куда он собирался приехать, не помните?

— Нет... Не помню... Да про это вроде никто и не говорил, до годовщины ведь было еще далеко... Пойдите, пойдите... Он ведь адрес Людкин взял и телефон. Сказал, что будет ей звонить... Да, он так и спросил — разрешите, дескать, вам звонить время от времени? Я это запомнила, потому что у меня тогда нехорошая мысль мелькнула — вот, думаю, блин, Юрку любила — Людка на пути встала, этот понравился — опять она, телефон-то он ее попросил, не мой!

Мы стали обсуждать все услышанное, как вдруг Стелла заявила:

— И все-таки я должна окончательно убедиться, что это он...

— Тебе это трудно сделать? — поинтересовалась я.

— Да нисколько! Я его тогда за ухо укусила... След был приличный... Правда, это уже давно прошло, я думаю...

— А какое ухо пострадало? Левое? Правое? — деловито осведомилась Валентина.

— Вроде левое... Или... Нет, левое!

— Прикинь еще раз... Включи свое воображение...

Тут к нам подошла дежурная и заметила, что мы разговариваем непропустительно громко, а также, что концерт подходит к концу, и сейчас мы сможем убедиться, что пропустили гениальное выступление! Дирижера по полчаса не отпускают из зала! Все стараются взять у него автограф! Подарить цветы! Пожать его талантливые руки!..

Как только раздались аплодисменты, и люди стали вставать, о чем нам поведали захлопавшие стулья, мы тут же проникли в зал и зааплодировали вместе со всеми, чтобы не вызывать никаких подозрений. Стелле мы посоветовали не высовываться, держаться в тени, чтобы не быть узнанной дирижером. Честно говоря, тому, кто был знаком с ней в молодости, было ясно, что узнать ее очень трудно, почти невозможно — пьяные загулы сделали свое дело. И все-таки лучше ей быть от него на расстоянии... Только как же тогда она рассмотрит след на его ухе? Ничего, сами рассмотрим.

Я никогда не думала, что слиться с залом — означает оказаться в толпе граждан, которые говорят заезженные слова и ужасные глупости. Что ж, надо включаться в общий хор. Я стала протискиваться вперед, волоча за собой Валентину. Наконец возле моего носа оказалась талантливая рука с шариковой ручкой, выписывающей автографы. Я достала из сумки календарик на этот год и протянула его Таилову:

— Умоляю вас... Автограф...

Он молча расписался, вернул мне календарик, и я, уловив на его лице страшное нетерпение, тоску и одну-единственную мысль — когда все это кончится, спросила:

— А когда у вас следующий концерт?

— После выступления в Париже... Где-то через месяц...

— Умоляю — расскажите о вашем французском периоде! — заверещала какая-то экзальтированная дама, увешанная бриллиантами.

— О, да, да! — подхватили другие. — Бываете ли вы на русском кладбище? В каком отеле останавливаетесь? С кем общаетесь? Назовите свои любимые места в Париже... Что вам особенно нравится у французов?..

Таилов стал рассказывать о каком-то парижском композиторе, который прислал ему партитуру своей новой весьма оригинальной вещи, о том, что останавливается в собственном доме под Парижем, в маленьком холмистом местечке с прекрасным видом на долину, напоминающую наши деревенские места...

— Это — дом ваших предков? — вдруг вырвалось у меня. — Я слышала, что у вас богатая родословная...

— Да. Это дом моих предков. И я счастлив, что...

Дальше я почти ничего не слышала, потому что в этой плавно поворачивающейся толпе оказалась слева от дирижера и сумела, наконец, рассмотреть его ухо. Конечно, годы сглаживают шрамы, и все же на мочке его уха был виден маленький след страсти его случайной подруги, которая, кстати, оказалась вдруг рядом со мной и тоже вперилась в дирижерское ухо.

Я осторожно начала отходить в тыл, увлекая за собой Стеллу, и не заметила, что Валентина осталась с героем дня. Кстати, не было рядом с нами и Вити — он исчез. Стелла пошла его искать, а я продолжала наблюдать, как моя подруга общается с дирижером — они что-то обсуждали, хохотали, а потом Валентина протянула ему свою записную книжку, чтобы он сделал ей какую-нибудь запись. Я поняла — ей нужны были его пальцы. Так, на всякий случай, не фигурируют ли его отпечатки в каких-либо нераскрытых делах... Что ж, я ничему не удивлюсь...

Ко мне подошла Стелла и пожаловалась, что не может оторвать Витю от огнедышащей тещи дирижера — наш мальчик взял ее в оборот сразу после концерта и не отпускал от себя. Мы прошли в середину зала и посмотрели на них издали — теща что-то увлеченно рассказывала своему собеседнику, а он внимательно слушал ее, не перебивая. Молодец! Пусть женщина побольше болтает, нам это полезно.

Наконец мы все объединились и вышли на улицу. Нам было просто необходимо посоветоваться друг с другом, поделиться своими мыслями, наблюдениями. Стелла заявила, что, по всей вероятности, тот денди и этот дирижер — одно и то же лицо. Витя подробно изложил тещины взгляды на музыку и искусство вообще и прибавил, что она буквально балдеет

от всего французского. Рассказала, что живет во Франции по полгода вместе с мужем, что уже неплохо знает французский язык и без чьей-либо помощи общается там с соседями-французами. Витя сказал ей несколько фраз по-французски — он, оказывается, изучал этот язык в школе, и они окончательно стали друзьями. Потом он «признался» даме, что у него был довольно богатый прадед-француз, у которого, поговаривали, не осталось родственников. Он давно почил в бозе, а Витя теперь не знает, куда обращаться, чтобы проверить, не оставил ли ему дорогой родственник какую-нибудь недвижимость... Дирижерская теща заверила его, что он обязательно получил бы все необходимые бумаги, как это случилось у них, то есть у ее зятя. А если не получил — значит, нечего и ждать. Но на всякий случай посоветовала сходить в Инюрколлегию и проверить, не осчастливил ли его прадедушка. Наш воспитанный Витя поцеловал ей ручку и отбыл в нашу сторону.

Ах, Витя, Витя! Ты и не ведал, дорогой, что речь шла о доме, который, по всей видимости, должен быть собственностью твоего настоящего отца, а, значит, и твоей. Так что и теперь ты, в худшем случае, можешь претендовать на половину этого французского дома, а в лучшем, приведя в действие закон и доказав совершенный в отношении тебя обман, — и на весь особняк. Хотелось крикнуть — мальчик, ты и не подозреваешь, каким богатым женихом являешься! И все-таки — бедный мальчик...

Мы расстались у метро и поехали в разные стороны, дав друг другу слово, что через час обязательно созвонимся, чтобы удостовериться, что ни с одним из нас ничего не случилось. Но, придя домой, мы с Валею первым делом связались с «прослушкой». Нам включили очередной разговор Жоры с дирижерской женой, который мы привычно записали на мой диктофон, чтобы потом внимать каждому слову. Разговор был чрезвычайно интересен и требовал от нас каких-то определенных решений. Судите сами. Вновь звонил Жора:

— Ладушка, я тебя подвел? Тебе плохо?

— Теперь уже ничего... Что это на тебя вдруг нашло?

— Да есть некоторые обстоятельства... Господи, как я хочу тебя видеть! Ты сейчас сидишь в кресле, да? В белом? И на тебе серебристый халат... Это так красиво... Не угадал? Теплый халат? Байковый? Тебе все идет...

— Хватит... Я его боюсь...

— Кого?

— Его! Мужа!

— Почему?

— Я думаю... Нет, я просто уверена, что это он ее отравил тогда...

— Кого, Людмилу? Но зачем?

— Не знаю... Но однажды, после какого-то стресса, он был невменяем и сам в этом признался... С тех пор я его боюсь... Сегодня мне стало плохо, и я сама не поняла, как у меня вырвалась фраза, что у него руки в крови... Он страшно разозлился... И теперь я уверена, что он захочет от меня избавиться...

— Вот как... Значит, тебе нельзя там оставаться! Я был бы счастлив, если бы ты переехала ко мне...

— Об этом не может быть и речи!

— А почему тебе не уйти к родителям? Амалия знает?

— Нет. Папа — тем более. У них давление, не хочу их пугать.

— Хорошо, но что-то же надо делать! Какой ты видишь выход?

— Самый лучший выход — чтобы он исчез. Но это неосуществимо!

Последовала довольно длинная пауза, и Жора тихо сказал:

— Ну, почему же...

— Ах, дорогой, я не хочу подвергать тебя опасности! — защебетала она, поспешив тут же закончить разговор.

Создавалось впечатление, что все это Влада говорила Жоржу ради одной-единственной фразы, свидетельствующей о его решимости разделаться с дирижером... Да... Забавная ситуация... Впрочем, знакомая до неприличия — жена исподволь готовит любовника к тому, чтобы он освободил ее от надоевшего мужа. Да к тому же еще и старого.

— Нет, дорогая, дело здесь вовсе не в любви. Любовный треугольник — это чисто внешний рисунок. Копать надо глубже... — произнесла Валентина.

— Может, здесь нечего и копать, все на виду? — осторожно заметила я.

— Здесь есть чего копать! И мы будем это делать!

Звонки от Стеллы и Вити не замедлили себя ждать — они добрались до дома без проблем. Похоже, проблемы были только у нас. Разговаривая с Витей, Валентина спросила его, не слышал ли он когда-нибудь имени Гордей или Гордиан — может, родственники рассказывали ему что-либо об этом человеке? Он — тот самый художник, которого его друзья называли Герой...

— Хм... Как странно, — ответил Витя. — Я помню себя с двух лет. Мы часто ходили гулять в парк, и там к нам подходил дядя Гордиан. Он играл со мной...

— А мама что тебе о нем говорила?

— Да ничего. Или что-то типа — хороший дядя. В общем, я не помню. Да, потом он утонул! Я, наверное, спрашивал про него, вот мне и сказали, что с ним случилось.

— Да. Он утонул. Ладно, мальчик, до завтра! Спокойной ночи!

— Подождите! Не кладите трубку! Ведь для чего-то вы меня спрашиваете об этом человеке! Я хочу все знать! Мы же делаем одно дело! Не забывайте, это я попросил начать расследование, которым вы сейчас руководите! И еще одно... Не хотел говорить, но раз вы спросили про этого Гордиана... Меня совсем недавно уже спрашивали о нем...

— Кто?

— Я не могу этого сказать... Но это — человек, которому я верю...

— Женщина, в которую ты влюбился, да?

— Думайте, что хотите, но я больше ничего не скажу.

— Хорошо. Не говори. Только это может иметь прямое отношение к смерти твоей мамы...

— Нет, Валентина Васильевна! Есть вещи, в отношении которых я должен сам принимать решения! — И Витя повесил трубку...

Да, наш мальчик вырос из пеленок, в которых мы его держали. И к тому же влюбился. Мы как-то вообще упустили из вида, что это может произойти.

— Какая же она любвеобильная, — заметила Валентина.

— Кто?

— Эта дирижерская жена... Если только я не ошибаюсь... Вот послушай. Жора избавляет ее от мужа, она подставляет нашего бывшего однокашника ментам, и те сажают его в кутузку... Дама, сбросив как ненужную одежду мужа и любовника, устремляется к юноше, которому вскружила голову. И который, кстати, тоже, как и муж, является наследником французского логова этих шакалов. Таким образом, хитроумная Влада становится хозяйкой положения, единоличной владелицей дома — Витя ведь не знает о своем совладельчестве... Возможно, дама не сама придумала весь этот спектакль, парадом тут командует теща... Впрочем, какое это имеет значение?

— Ты и не заметила, как сделала из Влады монстра... А если она только защищается от мужа-убийцы. И от маньяка... Ведь мы еще не уверены, что Жорж — не маньяк... И она любит... Я уважаю это чувство. Витя прекрасно чувствует фальшь, и если бы что-то было не так...

— Да у Вити твоего это, верно, первая любовь, и он просто ошалел от счастья! Но я ничего не утверждаю, — поправились Валентина. — Скажу честно — мы знаем вроде бы немало, но у меня такое впечатление, что мы все время пропускаем что-то важное... Чего-то мы упорно не замечаем... Надо завтра же отдать Эдуарду отпечатки пальцев — пусть посмотрят... И успокоиться, отрешиться от всего, чтобы включить, наконец, свои мозги на полную катушку!

Эх, как я люблю ее, когда она так злится на себя! У нее это всегда бывает преддверием каких-то сногшибательных открытий. Последующие события показали, что так получилось и в этот раз.

ГЛАВА 17

Раздавая последние автографы, Влад еще держался. Но он уже чувствовал, что сходит с ума... Вокруг него была какая-то липкая паутина, и чем больше он двигался, тратил энергию, тем больше запутывался. Самое главное — он не знал, кто обложил его этой гадостью, какой паук ее сплел. Нет, над ним просто издеваются... Держат его за дурака... Взять хоть этот тещин обман... Ведь врала так, что и голос не дрогнул ни в одном месте! Когда Влада сказала ему о знахарке, он, конечно, сначала расчувствовался — как же, забота о нем же, об их семье, о потомстве! Но потом, пораскинув мозгами, понял, что и здесь таится нечто совершенно другое, но сделал вид, что поверил, решив потом, исподволь, докопаться до истины. Позвонив Владе и сказав, что дома ночевать не будет, так как срочно уезжает в другой город к другу, попавшему в беду, он не стал дожидаться ответа, бросил трубку, вскочил в машину и погнал по проспекту Мира к Ярославскому шоссе. Он ехал всю ночь, остановившись отдохнуть только в Ярославле и городе с названием Грязовец, в который залетел случайно, пропустив указатель объездной дороги. И хорошо сделал — город был вовсе не грязен и неплохо освещен, а силы кончались... И когда утром он, совершенно измотанный, холодный и голодный, приехал в забытую богом деревню, ту самую, которую назвала ему Влада, то первым его желанием было — дать этой знахарке хорошую зуботычину, чтобы не морочила людям мозги и не гоняла их за тридевять земель. Он был зол на весь свет и в таком состоянии вломился к целительнице. Она сразу же подтвердила факт пребывания у нее тещи, точно назвала даже часы, когда Амалия Павловна изволила ее посетить. Ему надо было бы радоваться, но он чувствовал, что паутина стала еще гуще, и не мог понять, отчего...

— Мне жаль, но теперь желание вашей жены и ваше вряд ли исполнится, — заявила знахарка. — Своими отрицательными эмоциями вы разрушили свет земной, в котором зарождается новая жизнь... Изменили направление солнечных лучей... Концентрацию энергии... И теперь...

Интересная мысль пришла ему в голову... Он попросил знахарку прекратить треп и описать его тещу. Назвать примерный возраст, цвет глаз, волос, рассказать, во что она была одета-обута. Но и тут он прокололся — все сходилось. Что ж, хоть в этом две родные бабы его не обманули... Попрощавшись с женщиной, Влад вернулся в машину и уехал обратно.

Подъезжая к дому, он буквально валился с ног от усталости. Ощущение, что его обманывают, все равно не проходило! То есть — что его обманывает один человек. Влада. Теща может об этом и не знать. Она у Влады — ширма, за которой происходят неизвестные ему вещи... И надо быть постоянно начеку. Но чего хочет жена? Что ей надо? Отделаться от него? Зачем? Разве он ей в чем-то перечит, не уважает ее желаний? Она прекрасно знает, что это не так. Стало быть, или у нее появился кто-то другой и ее намерения серьезны и неколебимы, или же она ненавидит его до такой степени, что уже не может сохранять при нем хорошую мину... Хорошую мину при плохой игре... Но ее игра, если все эти годы была именно игра, вовсе не была плохой... Во всяком случае, он ничего не замечал... Кстати, у нее может быть сразу и первое, и второе — любовник и ненависть к мужу... А не замечал он ничего, видимо, потому, что слишком витал в облаках. Эх, Влада, Влада... Он представил ее себе в их особняке под Парижем, стройную, красивую, чрезвычайно элегантную, в черном длинном платье, небрежно охватывающем, ласкающем ее фигуру... Она очень любила этот наряд, к нему удивительно шли серьги с бриллиантами, которые он подарил ей совсем недавно... Влад словно воочию видел жену, входящую в холл с гордой, независимой осанкой... Да, вполне возможно, что она видит себя единственной владелицей этого дома стоимостью в несколько миллионов долларов... А как же он? Что она предполагает сделать с ним? От пришедшей к нему ясной, но страшной мысли Влад похолодел... Да нет, она неспособна его убить! Он что, опять влипает в эту паутину, из которой есть один-единственный выход? Нет, нет и нет! Все хорошо... Он же вышел из этого состояния... И теперь оно долго не повторится... Не должно повториться... Не имеет права — слишком дорого за это заплачено... У него есть время, много времени, чтобы все обдумать... И принять решение... Какое решение? Это ты о чем? — спросил он себя. И ответил — да все о том же... Жаль, он оставил в Париже свою трость... С двумя маленькими кнопочками... Чего желаете, мадам? Коньяк? Виски? О, пожалуйста! А чего пожелала тогда та женщина у могилы? Коньяк? Но он налил ей виски, потому что коньяк пил сам... А что может предложить ему Влада? О, в своем химическом институте они могут нахимичить что угодно! Превратят человека в пыль... в порошок... в груды отбросов...

А этот ночной звонок с намеком убрать мальчишку, неизвестно чьего отпрыска... Голос... Да ведь это был ее голос! Влады! Правда, она немного сипела и специально растягивала слова... Может, ради этого звонка и в командировку специально напросилась... Он не приходил к этой мысли только потому, что и предположить такое не мог! А как только предположил, так все и встало на свои места... Она не хочет убирать его своими

руками... Ждет, что он совершит преступление, тогда ее руки запачканы не будут, и, в то же время, придет желанная свобода... Интересно, а как она узнала про этого мальчишку? Что, все годы за ним следила, что ли? Вряд ли, скорее всего, случайно... Ну да, кажется, какая-то ее подруга работает там же, где этот щенок... И случай раскрутил пружину...

Влад удивился своему совершенному пренебрежению к родной крови — как-никак, а если парень действительно сын Гордиана, то он приходится ему племянником... А, плевать, сейчас это уже неважно!

А вчерашний вечер после концерта ему не понравился. Была какая-то нервная атмосфера... Или это ему казалось из-за надвигающегося критического состояния? И эти две дамы с какими-то календарями и блокнотами... Где-то он видел их раньше... Дамы из прошлого... Надо спросить у тещи — может, она их знает? И вообще его теща, похоже, слишком много знает...

С этой мыслью он и заснул, сидя в кресле...

Разбудила его Влада. Она подошла к нему, прижалась, и он, открыв глаза, поцеловал ее в щеку, отметив про себя, что она вся напряжена, словно струна, готовая вот-вот лопнуть. Сейчас что-то произойдет... У нее есть какой-то план, и она, немедля начнет его осуществлять...

— Ах, милый! Как мне все здесь надоело! Тоскливо на душе... И у нас с тобой как-то не все ладится... Иногда мне кажется, что мы перестали понимать друг друга... Я вижу, что ты нервничаешь в последнее время, и чувствую себя такой виноватой... Это из-за меня... Я позволила себе грубости... Прости меня, пожалуйста!

— Я уже простил. Скажи мне, чего тебе хочется? Ты ведь знаешь — я рад исполнить любое твоё желание...

— Правда? Хорошо. Давай все бросим и уедем в Париж. Завтра же!

— Но... у меня репетиции...

— Плюнем на репетиции! И на мою работу! И поедем вдвоем...

Интересно, для чего она это задумала? Влад смотрел на жену и физически ощущал ее ненависть, скрывавшуюся за довольно искренней улыбкой. Впрочем, улыбаться она могла не ему, а своим мыслям, в которых он, очевидно, уже размазан по стенке, распостерт на асфальте под колесами собственной машины, одним словом, уничтожен!.. Он только поражался себе — где раньше-то были его глаза? Слепой, совсем слепой... Стоп! Не надо, чтобы она о чем-либо догадывалась, мало ли что может выкинуть хищная баба! И Влад, сохраняя на лице некую озабоченность, спросил:

— А ты на самом деле этого хочешь? Честно говоря, я был бы рад...

— Я ужасно этого хочу... Ты согласен?

— Да, да! Мы бросим все и уедем! Может, нам действительно сейчас этого не хватает... И надо пойти на жертвы... Я отменю концерты... А ты отпросишься в институте...

— Я уже отпросилась! Милый, не сердись, я ведь знала, что ты не сможешь мне отказать...

— Я не сержусь. Все хорошо, Влада! Документы у нас в порядке... Завтра же заказываем билеты...

— Сегодня же!

— Да, сегодня же! Сейчас!

— Это прекрасно! — И она запрыгала как ребенок.

Влад позвонил и заказал билеты прямо из прихожей, не проходя в кабинет. Сидел, уткнувшись носом в сумочку жены, висевшую на крючке под зеркалом. И вдруг ему пришло в голову обыскать ее. А что? У него есть две кнопочки, одна из которых ведет в рай, а другая... И он подозревает, что у нее тоже кое-что есть... И если она была уверена, что завтра они уже улетят, то наверняка прихватила это кое-что и положила себе в сумочку... Он открыл замочек и заглянул внутрь... Расческа, носовой платок, губная помада, расписание электричек — Влада иногда добиралась до дома на электричках, смятый кусочек бумаги с какой-то записью... Он схватил его и засунул в свой брючный карман, чтобы прочесть не спеша. Но — никаких порошков, таблеток! Ничего подозрительного... Вообще-то внутренний голос ему подсказывал, что такие вещи надо искать не здесь, а в более потаенных уголках... Что ж, он и поищет...

Зайдя на кухню, Влад объявил, что билеты заказаны, и завтра вечером они уже будут в Париже. Затем прошел к себе в кабинет, плотно закрыл дверь, прислонился к ней спиной, чтобы исключить любую неожиданность в виде некстати ворвавшейся жены, и развернул смятую бумажку... Это оказались торопливо написанные стихотворные строки.

*Жжет огонь, съедает пламя
Душу...
Как избавиться, не знаю —
Трушу...
Стану пылью, стану пеплом,
Если
Мне не вырваться из пекла —
Тесно!
Не хочу я этой доли!
Боже!
Мне б на волю, мне бы в поле*

*С рожью!
Мне бы волю, не тюрьмы
Стены!
Заплатила б я свою
Цену!*

Причем слово «свою» было зачеркнуто, потом восстановлено, а «тюрьмы» и «свою» не рифмовалось, тут не было даже созвучия. Но способная все-таки баба! Не зря он ее выбрал! И хорошо, что прочел стих... Это подтвердило его подозрения...

Влада позвала его к столу, и он пошел на кухню, по пути зайдя в прихожую и положив клочок со стихотворением на прежнее место... Сел за уютный кухонный стол, на котором, кроме салатов и разогретой в духовке курицы, стояли зажженные свечи, и, тепло улыбнувшись Владе, произнес:

— Как хорошо! И в душе вот так же тихо, уютно...Какая ты молодец, что все так устроила...

А в душе его разрасталось пламя. И он боялся, ужасно боялся, что не выдержит до Парижа... Что паутина сожмет его и превратит в кокон... О, мой бог! Теперь он окончательно уверился в том, что сходит с ума!..

ГЛАВА 18

Мы с Валентиной в десятый раз совали Вите под нос мой диктофон с записью разговора Жоры и Влады, уверенные, что эта всеохватная дама сумела завладеть его сердцем. Он слушал внимательно, особенно те места, где она с придыханием называла Жору дорогим и милым. Но наши надежды не оправдались.

— Я вам еще раз говорю — это не ее голос! Тут разговаривает пожилая женщина...

— Да ей лет тридцать пять, — заметила я.

— Вот я и говорю — пожилая... А моей девушке — столько же, сколько и мне... Даже еще не исполнилось... На днях у нее день рождения...

— И где вы будете его праздновать? — поинтересовалась Валентина.

— Еще не решили. Она не москвичка, снимает здесь комнату, у нее — нельзя, хозяйка косо будет смотреть... Думаем. Я предложил отпраздновать у меня...

— Вить, пригласи нас! Я тебя очень прошу! В конце концов мы все тут работаем ради тебя! Ты не можешь нам отказать в такой малости!

Я не понимала, с чем связана эта просьба Валентины, но тут же к ней присоединилась. Устоять перед таким натиском Витя не смог. Мы даже

поговорили о подарке — наш отпрыск заявил, что его девушке не хватает в этой жизни стихов Иосифа Бродского. Не хватало, правда, и Николая Рубцова, но томик его стихотворений Витя уже купил. Я одобрила этот выбор и указала на книжную полку, где стояло в ряд сразу несколько сборников Бродского. Мы выбрали самый новый, и я выразила надежду, что Лиза на это не обидится. Если, конечно, заметит пропажу, в чем я сомневалась.

А потом мы приступили к мыслительным упражнениям. Валентину очень интересовало, откуда Влада узнала про намерение Вити покопаться в прошлом. Мы ждали Жору, который обещал придти. Он должен внести в этот вопрос некоторую ясность. Где мы с Витей прокололись? Слежка за нами началась, пожалуй, сразу после того, как мы познакомились. То есть — как я его узнала в издательском коридоре... Мы стали раскладывать по времени все наши действия, но ни к чему определенному не пришли. Ясно было одно — о наших намерениях, кроме меня и Вити, знал кто-то еще, третий. Но кто? Мы стали трясти Витю как грушу, предлагая вспомнить — может, он рассказывал кому-то о нашей встрече? И о том, что мы собираемся предпринять? Своей девушке, например...

— Да нет... Я и встретил-то ее совсем недавно, уже когда все поиски были в разгаре...

Вдруг наш питомец подскочил как ошпаренный!

— Да, да! Говорил, конечно! Не все, но в общих словах... Мне же надо было отпрашиваться с работы... Я начальнику отдела изложил причину... Гусевой Виктории Геннадьевне... Она отпускала меня в любое время. И уезжал — сказал, что надо навеститься на родину отца, матери, потому что открылись новые обстоятельства ее гибели... Вот и все...

— Витенька, ну, мы же тебя предупреждали... Так... Наталья, позвони-ка Таиловым и спроси, не у них ли Вика...

Но я тщетно пыталась дозвониться — телефон молчал. Тогда мы рискнули позвонить родителям Влады, ибо предварительно, на всякий случай, про запас, как любила говорить моя подруга, узнали их телефонный номер. Ответила мать.

— Амалия Павловна, извините за беспокойство, но Виктория не у вас?

— Какая Виктория?

— Гусева...

— Ах, Викуша... Но она ко мне не заходит... Она у Владеньки... Только сейчас там никого нет... А кто это спрашивает?

— Да это с ее работы, извините!

И я бросила трубку.

Ясно! А мы-то головы ломали!

— Поздравляем тебя, Витенька! Ты сразу прицепил нам «хвоста»! — съехидничала Валентина.

— Ничего себе! А она мне так сочувствовала! Можно, я у вас чаю пойду налью?

— Конечно. Чайник только, наверное, холодный — разогрей.

Витя ушел на кухню, а она продолжила:

— Кстати, эта Виктория могла ни о чем не догадываться. Просто поделилась с подругой Владой новостями — вот, дескать, у парнишки на работе такая история... А та мигом сделала свои выводы... Подключила Жору, который, похоже, уже давно у нее на крючке...

Я спросила, для чего Владе нужны были эти «посылки» — она что, предвидела, что объявится Витя Разин и станет искать убийцу матери? А затем, узнав о своем происхождении, может посягнуть на французское наследство?

— Хороший вопрос! Разумеется, предвидеть этого она не могла. То есть — мысль такую, может, и допускала, но не думала, что тут дойдет до дела. Не было для этого причин. А Жору на привязи держала... Зачем? Тут, конечно, можно заняться ее институтскими делами, но я кое с кем уже поговорила — никаких конфликтов, никаких особых амбиций, никто ей ни в чем не препятствовал. Хотя как о научном работнике о ней отзываются довольно сдержанно. А так... Счастливая, говорят, женщина — все есть, в том числе и муж, известный да красивый... А вот, судя по разговорам с Жорой, она его внимание именно на мужа и направляла... И это подтверждает мою уверенность, что она хочет его убрать Жориными руками...

— Но зачем? — продолжала спрашивать я.

— Обычно в таких случаях бывают две причины — новая любовь, а муж мешает, или же... Или же со стороны мужа ей видится какая-то угроза...

— Валя! Но это же вытекает одно из другого — появился любовник, муж об этом узнал и готов разделаться и с той, и с другим!

— Твои рассуждения были бы верны, если бы Влада допускала присутствие любовника возле себя. Но ведь она это скрывала! А разве мы не можем предположить, что у него появилась новая любовь, и жена стала откровенной помехой на пути к их счастью? Влада это почувствовала, стала его бояться, и у нее созрел коварный план... Эх, нам бы Жору! Возможно, его никогда никто не ждал так, как мы сейчас!

— Верю, — прозвучал знакомый голос, и в комнату спокойно вошел наш однокашник, он же маньяк, он же — долгожданный Жора с самолетом на груди. Мы воззрились на него как на привидение, потом наши

изумленные взгляды сменились укоризненными — опять вошел без спроса, невесть как открыл замки, но он заверил нас, что двери были открыты, и что мы, растяпы, просто не знали об этом!

— Их нет дома... Таиловых... Я волнуюсь, — сразу же нагрузил он нас печальной для себя информацией.

— На работе, — предположила я.

— Не на работе. Я узнавал. Она взяла отгулы или там за свой счет несколько дней, я не понял... А он отменил репетиции. Я очень волнуюсь. За нее... У них в последнее время все было неладно... Она боялась... Она мне рассказывала... Ей просто некому было рассказать... Иногда он набрасывался на нее как маньяк... Она только матери однажды описала один какой-то эпизод... Амалия стала настаивать, чтобы Лада жила у них, но она не решилась...

Мы все прекрасно понимали, что такая откровенность Жоры вызвана страшным беспокойством. Это чувство передалось и нам. Валентина тут же стала звонить и спрашивать о «пальчиках». Очевидно, это отпечатки пальцев, дирижера и нашего Жоры, она сдала как бы по поручению Комова, и результаты, как я поняла, тоже отправлены или только будут отправлены Комову! Тогда Валентина связалась с Эдуардом, моим ментом-спасителем, и рассказала ему о своих последних предположениях. Она не клала трубку — значит, Эдуард добывал для нее информацию по внутреннему телефону. И добыл. Моя подруга аж взвизгнула! А потом сказала мне с загадочным видом:

— Пошел докладывать... И будут брать... Только вот где? Куда они оба скрылись? А, Жора? И куда могли скрыться твои подопечные?

— Во Францию могли. Но, вроде, не собирались пока.

— Жора, дорогой, дай-ка я сяду рядом с тобой, — пропела Валентина. И вдруг неожиданно спросила: — А не намекала ли тебе твоя дорогая Ладушка или Ладенька, как ты ее там зовешь, что неплохо бы тебе кокнуть ее муженька, а? Намекала, вижу, вижу... Но ведь ты не мог бы этого сделать...

— Да... Не мог бы... — Жора был растерян, подавлен и говорил очень тихо, почти шепотом...

— И она поняла, что ты не сможешь... И тогда... решила все сделать сама!

— Нет, нет! Не думайте о ней так! Вы не смеете, в конце концов! Не имеете права!

— А мы ведь с Натальей думали, что это ты — маньяк, — вдруг спокойно, безотносительно к предыдущим обвинениям в адрес Влады, сказала Валентина.

Жора не понял, что она сказала. То есть понял наполовину — мы, дескать, знаем, что он хороший. А я поняла. И уловила в себе маленькую струнку, которая всегда позванивала, когда я общалась с человеком, от которого исходила опасность. Только почему же эта самая чуткая струнка зазвенела, затренькала сейчас, а не тогда, когда мы стояли рядом с дирижером и брали у него автограф? Хотя, может, в те минуты я ее просто не расслышала... И что же теперь будет?

Этот вопрос я непроизвольно произнесла вслух.

— А теперь поработает наша полиция. Либо Интерпол, — невозмутимо ответила Валентина. — И мы тут постараемся все расставить по своим местам... Для этого я жду копию завещания... Комов сделал по моей просьбе запрос, и как только ему отправят этот документ, он его сюда передаст... Ну а дальше — это уж как Витя сам решит... Но я предполагаю, что ему будет чем со мной расплатиться... У меня ведь платное агентство... А, Витя?

— Я... пока не понял... Вы что, нашли, кто маму мою убил, и знаете, почему?

— И я знаю, Вить, — вдруг неожиданно «прорезался» Жора. — Влада боялась, что ты ее подруге отомстишь... Или просто знакомой, я не уточнял... Это — та женщина, которая любила твоего отца и подходила якобы к твоей матери на кладбище в тот день, когда она умерла... Влада боялась, что ты сочтешь ее убийцей и что-нибудь натворишь... Потом, правда, она говорила, что подруга тут ни при чем, и сказала, что во всем виноват ее муж... Но это, я думаю, так, под влиянием минуты было сказано... Одним словом, она попросила меня последить за тобой... За вами, — уточнил он, глядя на меня. — И я согласился. Ведь и в Москве-то жил из-за нее, и квартиру ради этого снял... Она позвала... Как друга...

Мы с Валею расхохотались, хотя нельзя смеяться над человеческой трагедией.

— А философию-то, философию-то какую маньячную разводил... Про женщин и их долг, — напомнила я.

— Вообще-то это мои взгляды на жизнь... И я уверен, что прав...

Мы посмотрели на него уважительно, и я произнесла:

— Ты держись, друг! Тебя ждет сильное разочарование. Все, что про подругу и про месть — это сказка для тебя. Они оба, эти Таиловы, утаили от тебя главное — они боялись вот этого мальчика... Витю... Потому что их французский дом... Впрочем, дождемся завещания!

— Но я по-прежнему ничего не понимаю... При чем тут французский дом? — вновь подал голос Витя.

Я подошла к нему и тихо погладила его по голове как маленького ребенка... Я ведь знала, что ему предстоит... А, может, и не надо ничего рассказывать — бог с этим наследством, зато у него всегда будут чистые и теплые воспоминания о маме... А так... Так я ни в чем не уверена... Хотя... Разве можно судить женщину за то, что она родила? А если бы не пришла в нужное время в нужное место к этому художнику — то не родила бы... Никогда... И Вити не было бы на свете... Я ему именно так все и скажу...

— Витенька, я тебе все расскажу... Все... И я верю — ты поймешь меня правильно и не будешь никого судить...

— Что вы от меня скрываете? И при чем здесь эти ваши... Таиловы? Влада эта... Она что, убила маму?

— Вряд ли. Убил, мы думаем, он... Дирижер...

— Но почему?

— Твоя мама могла узнать о том, что Таиловы получили наследство... Очень крупное наследство... И враз стали богаты...

— А мама тут при чем? Она-то — не Таилова!

Я не скажу, что выдерживать пронизывающе-вопрошающий взгляд молодого человека — очень приятное занятие. Нисколько! К тому же я не знала, сколько времени мне еще предстоит держаться. А может, и не надо? Может, бухнуть ему сейчас все как есть, а там уж пусть сам решает, кто прав, кто виноват! Я услышала, как Валя, не дождавись сообщения Комова, сама позвонила ему. Оказалось, что у него вышел из строя факс, и теперь он ждет текст запрошенного документа по электронной почте.

И вот — очередной звонок. Это был Эдуард, который сообщил нам, что «сладкая парочка» срочно отбыла в Париж. Сегодня. И что там им теперь будет не сладко. Особенно ему.

Что ж, мы все поняли. Я сочувствовала Жоре и думала — только бы эти французские полицейские там успели... Только бы Влада не стала его последней жертвой... Или он — ее... Не знаю, не знаю... Но чаши весов, мне кажется, стоят ровно...

Я предложила всем забыть на время обо всем и хорошенечко поесть. Благо, было что. Мы с Валею посадили мужчин, разлили в глубокие тарелки сваренный мной накануне куриный бульон, гренки, разрезали курицу, положив каждому по большому куску, и приступили к трапезе. Странно, но, несмотря на ужасное волнение, аппетит у всех был зверский. А, может, именно потому и был. Мы съели все и не успели составить в раковину пустые тарелки, как снова раздался телефонный звонок. Валентина подняла трубку, а мы все, кажется, побледнели от волнения.

Я пододвинула свой диктофон, чтобы записать сообщение, и включила его. До нас доносился лишь густой голос Комова, слов невозможно было

разобрать... Наконец, Валентина закончила разговор, поблагодарив Комова напоследок, и мы снова сели за стол. Она перемотала пленку и включила звук. И я представила — глава большого рода, обладатель миллионного состояния, больной и слабый старик, у которого на чужбине, во Франции, никого уже не осталось, потому что он пережил всех, сидя или лежа на подушках перед нотариусом, пишет свое завещание... Когда-то в юности он рисовал, потом, правда, стал не живописцем, а известным архитектором, и очень хочет, чтобы все, что нажил, досталось его правнуку, художнику Гордею Неверову, его тезке, потому что он — «чист, наивен и не подвержен порокам зла и непотребству». Именно так был переведен текст. Очевидно, старик сначала узнал о наследнике все, что мог, отметив, что Гордей не пьет, не курит, что он не развратен, не завистлив и не злобен. Может, читал и рецензии на выставки своего потомка и слова «наивное искусство» истолковал по-своему — дескать, человек наивный. Может, это тоже имело значение для принятия важного решения. Одного не знал старик — что Гордей так быстро уйдет в мир иной... А, кстати, какая там стоит дата?

— Валя, Гордей в это время был еще жив. Он утонул летом, а завещание датировано шестым мая!

— Ты полагаешь, что старший брат убил младшего?

— Полагаю... Хотя, возможно, все бумаги в результате разных юридических проволочек слишком долго шли до адресата... А когда дошли, его уже не было в живых... Собственно, это можно проверить, определить по документам. Надо еще покопаться...

— Можно. Но зачем? Одной жертвой больше, одной меньше...

Вот такая она, моя Валя! Да ведь это, как ни крути, Витин отец! Должен же мальчик знать, убили его отца, или он действительно утонул сам? А то он с нашей помощью начнет новое расследование...

Вдруг Витя сорвался со своего стула, вышел на середину комнаты и закричал:

— Вы будете, наконец, меня замечать или нет? Что все это значит? Зачем вы читаете завещание? Оно имеет отношение к маме?

Я подошла к нему, обняла его и усадила рядом с собой.

— Витенька... Прими все спокойно... Этот Гордей, наследник главный, значит, — твой отец... Нет, нет, не падай! Помогите!

Жора успел подхватить Витю, мы уложили его на старый Лизин диван и хотели, было, вызывать «скорую», но ему помог прийти в чувство нащатырь, подсунутый моей подружкой.

— Дальше... Говорите дальше, — прошептал он.

— Да я уж и не знаю, Витя, стоит ли... Ты так брякнулся... Ну, ладно, я быстро! Папа твой не мог иметь детей, операцию ему сделали еще в юности или даже в детстве, не помню. И — баста. Но он все же надеялся. Какой-то врач ему сказал, что все может быть... Успокоить, видимо, хотел. А мама твоя в него влюбилась. Она знала, как он будет счастлив, если появится ребенок... И принесла ему это счастье... Но родила тебя от другого... Это была не измена — это был ее план счастья. Она его построила... А Гордей, художник, был в нее влюблен. И он был удивительно похож на твоего папу... То есть... на Юрия Разина... Я уже сама запуталась...

— Так я, значит, не Разин, а Таилов какой-то!

— Нет, ты Неверов. У Гордея и Влада — отцы разные... И ты имеешь право на свою долю наследства... Это огромные деньги, ты будешь богатым человеком, Витя! Богатым женихом! А, может, тебе будет принадлежать все! Это надо у юристов проконсультироваться...

Витя молчал, и я его понимала — это даже не снег на голову, а целая лавина, которая может и раздавить человека! Но он вдруг широко улыбнулся:

— Так не бывает... Вы, ребята, немножко... того... — покрутил он пальцем у виска. — Или разыгрываете меня, хотите отвлечь от какой-то страшной правды...

Тут уж я разозлилась.

— Ты что, не понял? Таилов убил твою маму, потому что боялся, что она выставит тебя как ферзя на шахматной доске и будет претендовать на наследство... И получит его! Уверена — он отравил ее именно так, как я и предполагала... Как тебе говорила, помнишь? Столичный гость... Человек с тросточкой... Тебе о нем говорили в поселке?

— Говорили... Но я не придавал этому значения... Упоминали-то его без всякой связи с мамой... Просто говорили, сколько к ним в праздники и какого народу приезжает... И все-таки я как-то... не очень понимаю, кто же я теперь, и что со мной будет...

Валентина подошла к Вите, обняла его, приняв мою эстафету, погладила его по волосам, словно маленького мальчика, и сказала:

— Богатенький ты наш Буратино... От тебя пытались отделаться, но мы, как видишь, не дали... Ты у нас — герой дня. Спасибо маме. Спасибо?

— Конечно. Мама — она всегда мама... Раз она так решила, значит, это было правильно...

— Вот и ладно!

— Хотя мне будет трудно привыкнуть...

— К хорошему привыкают быстро... Но, прежде чем говорить о наследстве, надо доказать твою принадлежность к роду этого Гордея... И тут, я думаю, возникнут трудности...

— А... Неверов, Гордей Неверов знал, что я есть? То есть что я — его сын?

— Он догадывался, — ответила я. — Но не трубил об этом на всех углах — этим он подвел бы твою маму...

— Лучше бы трубил! — отрезала Валентина. — Нам сейчас было бы легче.

— Гены решают все! — вдруг неожиданно изрек Жора, о котором мы вроде и забыли.

С ним тоже скоро предстоит возиться, подумала я, если его любимую укокошит собственный муженек, не найдя под рукой подходящей жертвы... У маньяков, я слышала, многое зависит от лунных фаз... Впрочем, это потом!

— Но для этого необходимо, чтобы кто-то из моих родственников со стороны... Неверова был жив, — со знанием дела сказал Витя. Мы отметили про себя, что он никак не может назвать Гордея отцом. — Но я так понял, что никого, кроме убийцы, уже и нет?

Вполне возможно, что и убийцы уже нет, подумала я.

— А, кстати, где мать этого... Неверова? Моя бабушка? Елена, как я понял, Петровна? А?

Да, мальчик хорошо цепляется за жизнь. Карабкается вверх по лестнице, ведущей... нет, нет, не вниз, а к такой судьбе, которая похожа на красивую птицу с расprostертыми крыльями, обнимающую весь мир... Действительно, где эта женщина, сумевшая родить таких разных сыночек? Вроде бы она не умирала... Во всяком случае, никто об этом не говорил...

Валентина тут же встряхнулась и позвонила королевоподобной Амалии Павловне. Трубку взяла она сама — а как же иначе? Сатана там правит бал! Впрочем, может, она — в полном неведении относительно своей доченьки и зятя, который способен улыбаться и душить, душить и улыбаться...

— Амалия Павловна, с вами говорит частный детектив Орлова Валентина Васильевна! — без обиняков начала она. — В связи с расследованием одного преступления прошу вас сообщить, где проживает мать вашего зятя, Елена Петровна... Я бы спросила об этом самого Таилова, но он и ваша дочь сейчас в Париже... Так ведь?

— Так. Вы забыли поздороваться, частный детектив Орлова! Это не тали Орлова, которая практикует в моем родном городе?

— Именно.

— На ваш вопрос я ответить не могу. Не компетентна. У Влада с ней были натянутые отношения, и я никогда о ней не спрашивала... Возможно, ее и в живых уже нет... А что случилось? Зачем она вам понадобилась?

— Я не могу вам этого сказать. Тайна следствия.

— Понимаю. Но помочь не могу. Всего вам доброго!

— Вы и на допросе скажете то же самое?

— На допросе? А почему меня должны допрашивать? Я что, преступница?

— Допрашивают не только преступников, но и тех, кто, по логике вещей, должен знать о фактах, интересующих следствие.

— Что ж, я подожду. Только вот с логикой не в ладах. Боюсь, что не смогу быть вам полезна.

Я стояла рядом с Валентиной и, слушая idiotские ответы этой Амалии, понимала, что Валентине очень хочется дать ей хорошую затрещину! И она это сделала.

— Тон этот дурацкий оставьте! И знайте, что ваша дочь, возможно, сейчас в опасности... Не пытайтесь туда звонить... Там отключен телефон... Скажите честно — Влада в последнее время жаловалась вам на мужа?

— Господи, господи... Что вы знаете об этом? Говорите!

— Так жаловалась?

— Да, да! Что с ней, скажите! Что вам известно?

— Кое-что. А что вам известно о Елене Петровне?

— Что она сумасшедшая старуха! И больше ничего. Так говорил Влад. А вообще, это для всех нас была запретная тема. Ну вот, я сказала, теперь вы говорите!

— Но вы не сказали, где Елена Петровна!

— Я этого действительно не знаю! Была в каком-то сумасшедшем доме... Где-то у вас в области вроде... Но это давно... Скорее всего, умерла. Ей ведь было много лет, чего вы хотите! Доченька моя! И зачем она с ним поехала?! Зачем?! Она подозревала, что это у него наследственное. От матери...

— Я думаю, с вами скоро свяжутся. Кстати, вы можете сами позвонить в полицию и высказать свои опасения... Тогда по логике, которую вы не любите, ваше беспокойство примут во внимание... Всего доброго!

— Спасибо...

Что ж, разговор прошел не впустую, эту Елену Петровну очень даже стоит поискать среди обитателей психиатрических клиник. Еще одно ис-

питание Вите — сумасшедшая бабушка. Впрочем, пока ему незачем об этом говорить.

— Она сказала, где моя бабушка? — спросил наш мальчик.

— Нет. Она не знает.

— Но бабушка жива?

— Была жива...

— Классно! Как классно! Родная бабушка! А она будет мне рада, как вы думаете?

— Она тебе будет очень рада, — уверенно сказала я. — Потому что у нее нет внуков... кроме тебя. Ты станешь ее находкой, ее радостью...

— Здорово! И она для меня тоже станет находкой и радостью...

Валентина попросила нас прекратить пустые разговоры, потому что ей пришла в голову замечательная мысль — обследовать все бумаги Людмилы. Все, что осталось, что сохранили для Вити... Может быть, там есть какое-то признание... Какой-то намек...

— Но у меня ничего нет... Ни единого мамино письма... Никаких записей, дневников... Я даже ее почерк не знал, пока на обороте нашей с ней фотографии не увидел подпись... Одни газетные вырезки сохранились...

И тут неожиданно вступил в разговор Жора, который изо всех сил старался не быть здесь лишним.

— Возможно, у Влады хранятся какие-то бумаги Гордея. Они ведь дружили. Он ей доверял, мог передать ей кое-что... Или она сама могла взять, что ей было надо, перед похоронами... Тогда в квартире, небось, был проходной двор...

— Да, Жора... Это может быть. Я даже уверена, что так и есть, — кивнула Валентина. — Что какие-то очень важные для нас бумаги были в руках Влады. Но поскольку они опасны для ее благополучия, то, вероятно, давно уничтожены... Разве что... Разве что Влада предполагала ими воспользоваться для будущих разборок с мужем... Для его обвинения в убийстве Людмилы...

— Валь, Наталья, вы мои способности знаете... Я — мигом! — воскликнул Жора.

И мы благословили его на подвиг, попросив, чтобы он поискал заодно и документ, указывающий, где сейчас Елена Петровна, и предупредив, чтобы он был поосторожнее, потому что туда в любой момент может нагрянуть полиция, занятая поисками маньяка... Вернее, организацией его ареста — найти преступника мы с Валею им уже помогли.

Конечно, все переживали за Жору, а еще беспокоились и по другому поводу — казалось, что до него как-то еще не дошло коварство Влады,

он еще не осознал, что был лишь орудием для приведения в жизнь ее планов, и ничего не значил для нее просто как человек. Как личность. Как мужчина, в конце концов!

Жора вернулся быстро — брал машину, обошлось без пробок. Но пришел он с пустыми руками и выглядел страшно виноватым.

— Понимаете, там нет ничего... Там, где лежали бумаги Лады — документы, письма, адреса всякие, телефоны — сейчас пусто... Причем в столе все аккуратно сложено, поэтому я не думаю, что меня кто-то опередил...

— Может, она перепрятала это все? — предположила я.

— А зачем? — В голосе Жоры слышалось недоумение. — Тут все удобно, под рукой... Я бы не перекладывал...

— Что ж... Это говорит о серьезности ее парижских намерений... Поэтому она все за собой и подчистила, — неуверенно заметила Валентина и тут же стала сама себе противоречить: — Но как же она сможет доказать, каким извергом был ее муж? Я имею в виду не его маньячество, а убийство Людмилы! И она вполне может сделать его убийцей Гордея! Да, да! Ведь если сейчас в их поединке она одержит верх, ей же надо будет оправдываться, почему она его убила! Надо доказывать, что он представлял для нее реальную опасность... Она ведь не знает, что он — маньяк... Тогда у нее должны быть хоть какие-то доказательства, чьи-то свидетельства, подтверждающие, что Витя — сын Гордея! Что у Влада была веская причина убить Людмилу, которая могла это доказать!

— Валя, а если у нее никогда не было этих доказательств... И вообще ничего, кроме слухов...

Жора, уже все понявший, выступил вперед, как артист на сцене:

— Были, уважаемые граждане судьи и присяжные заседатели! Были! Не так давно в порыве чувств Лада пожаловалась мне, что у нее пропал один важный документ... Письмо вроде бы... Ее муж был как раз на гастролях, и мы с ней обыскали все в его кабинете... Но не нашли... Лада предположила, что он уничтожил документ... или отправил его в гараж — там у него хранились кое-какие бумаги... Но я в их гаражи не ходок, у них там охрана — будь здоров...

И вдруг Жора сел, закрыл лицо руками и заплакал, как ребенок. Мы поняли — он держался, разговаривал с нами, обсуждал случившееся, помогал нам, только пока у него были силы. Сейчас они иссякли, и он представил свою Ладу, какая бы она ни была, в лапах этого чудовища... Страшно и подумать! Хотя совсем неизвестно, кто все-таки одержит верх...

ГЛАВА 19

Едва ступив на парижскую землю, мокрую от дождей, Таиловы отправились в Ниццу, где бывали довольно часто, чтобы застать там еще хоть немного солнца. И не ошиблись — на Лазурном берегу, пронизанном солнечными лучами, в тишине и покое, исчезли подозрения, жизнь стала казаться такой же интересной, красивой, как прежде. Господи, как же ландшафт, климат, мягкий и чистый воздух меняют человека, его психику! Древние горы, на которых нашлось место деревьям, Средиземное море с прозрачной водой, словно окрашенной лазурью, качающиеся на волнах яхты, ласковый ветер, который, кажется, приносит на своих крыльях мечту, любовь, удачу... Все это повернуло жизнь Таиловых в иную сторону. На время, думали оба, или навсегда? И боялись сказать себе правду... Хорошо быть счастливыми! Особенно, если это происходит в последний раз... Влад прихватил с собой трость... Он еще не знал, зачем, так, на всякий случай... К тому же он выглядит с этой мужской принадлежностью очень эффектно. Ночь перед поездкой, близость Влады не ожесточили его, как он думал, а, напротив, успокоили, утвердили в мысли — пусть все идет своим чередом, не надо гнать лошадей. Может, жизнь еще образуется... Может, ему показалось, что Влада его ненавидит? И паутина исчезла, он просто сбросил ее с себя как плащ, промокший от дождя, и она сразу упала, не стала липнуть к его рукам, ногам, ко всему телу, а осталась где-то сзади, а он зашагал дальше... Нет, все-таки Лазурный берег — это его лекарство... Он не знает, когда ему придется умирать, но хочется, чтобы это случилось здесь... Здесь и сейчас? Нет, не сейчас, конечно. Он еще не познал всю любовь, всю ненависть мира, ему еще неведомы беспредельное счастье и смертельный ужас... Ему еще рано... У людей гениальных, а себя он относил к их числу, все должно быть по максимуму. Не как у простых смертных...

Влад вышел на каменистый берег и стал наблюдать за белыми парусниками, скользящими по воде. Они были небольшими, но плыли величественно, давая понять, кто главный хозяин этой беспредельной морской глади. Невдалеке от них с Владой расположилась семья с двумя детьми, маленькая девочка плескалась на берегу в надувном бассейне и, кружась, махала ручкой. Влад помахал ей в ответ и улыбнулся. Ну, все, все здесь было замечательно! И квартиру они нашли недорогую, совсем недалеко от моря... Могли, конечно, поселиться в отеле, но захотелось чего-то нового... К тому же здесь стояло пианино, и это очень нравилось Владу. Рядом было сразу несколько теннисных кортов — выбирай любой! Словом, все только радовало. Кажется, и ее, Владу, тоже...

А Влада действительно преобразилась. Причем случилось это сразу, весь груз последних дней и недель исчез, растворился в этом безумно светлом и свежем пространстве, сотканном из тончайших солнечных нитей... Она хорошо плавала и, приподнимаясь в воде и широко взмахивая руками, чувствовала себя птицей с расправленными крыльями, летящей над морем... Господи, недавно она слышала по радио какой-то стих или песню о крыльях, потерянных в болоте... Но здесь, слава богу, не болото, здесь самое замечательное место на земле! И здесь нельзя даже думать о дурном, совершать грешные поступки. Здесь нужно только любить... И наслаждаться красотой и покоем... И она улыбалась. Улыбалась до тех пор, пока в бликах воды не поймала вдруг взгляд, идущий словно из глубины моря... Причем Влад тоже улыбался, и ничто не предвещало беды. Но, наверное, сама природа вдруг обнажила то, что скрывалось на дне его души, в самой глубине зрачков — их заволокла лазурная дымка, которая вдруг раздвинулась на миг, на еле заметное мгновение, но Влада успела это увидеть и словно побывала в преисподней... И опять стала сходить с ума...

Теперь она уже решила для себя, что он виновен. Это он убил ту женщину, сын которой мог помешать ему завладеть наследством. И тогда у них не было бы Франции... И этого волшебного берега... А может, и смерть Гордиана была не такой уж случайной? Откуда у него этот кулон, спрятанный в гараже? Влада просила мать осторожно поискать там письмо, пропавшее у нее из стола, сказала, в каком оно было конверте... Она подозревала, что его мог взять муж — для того, чтобы уничтожить или же оправдаться: хранил, мол, специально, чтобы потом найти родственника... племянника... Поэтому была надежда, что не сжег, не спустил в унитаз, а отправил в гараж, где у него много чего хранилось... Мать письма не нашла, но принесла тот кулон и была необычайно расстроена... Он что, кого-то ограбил? Убил? Или принимал в гараже любовницу, которая потеряла это украшение в порыве страсти? Тьма, сплошная тьма... Ад крошечный... Она больше не может так жить, от нее просто ничего не останется. Влад — это ее страх, ее наказание. И пока этот страх не уничтожен, ей не на что надеяться... И она знает, как поступит с этой тросточкой... У Жоржа ничего не вышло, значит, надо действовать самой... Она отвела глаза от Влада, который наблюдал за показавшимся на горизонте большим кораблем, и поплыла подальше от берега... Но, преодолев несколько метров, резко повернулась и направилась к серому берегу, к обломкам скал, которые казались ей теперь обломками ее жизни... Влад, который поплыл, было, за ней, кажется, удивился ее поспешности, а потом лег на спину и стал качаться на еле ощутимых волнах...

А она, сев на берегу, четко и ясно осознала, что времени для своего спасения у нее осталось очень мало... Предельно мало... Отсчет часов, нет, минут! — уже начался...

Они поужинали в небольшом ресторанчике и отправились потанцевать. Да, да, потанцевать, хотя оба были крайне напряжены и встревожены. Влада думала о том, что их поведение похоже на игру кошки с мышью, и это, несмотря на страх, ее несколько увлекало. В конце концов жизнь вся состоит из противоречий... Сейчас ей важно отодвинуть как можно дальше трагическую развязку. Может быть, навсегда — она ведь не была уверена, что такая развязка наступит. Мало ли, что ей показалось... А тот кулон... Спросить, что ли, про кулон? А, может, рассказать Владу обо всех своих сомнениях? Дура, дура, дура! Да он тебя сейчас чуть не утопил! Скажешь — потянет в воду, и конец! Или задушит в постели... Или отравит из своей трости... На иные варианты фантазии Влады не хватило, да и возможности для этого не было — они стали обсуждать, что будут делать завтра, какую яхту возьмут покататься, на какую вершину поднимутся, чтобы обозреть окрестности с высоты птичьего полета, какую музыку будут слушать, в какие магазины зайдут, что купят... И опять все было прекрасно, и ночь прошла красиво, но несколько печально, как будто они прощались друг с другом...

Утром по радио они услышали, что в Париж приезжает музыкальная знаменитость, их хороший знакомый, гастролировавший в Испании, и решили, до предела сократив свои планы, свой распорядок дня, вечером быть уже у себя дома. Им все удалось — яхта, взятая напрокат, оказалась на редкость послушной и уверенно несла их по морским волнам. Горные вершины, правда, не покорились, но подняться на такую высоту, чтобы сделать хорошие снимки, у них получилось... Музыку они решили послушать в Париже. Перед самым отъездом забежали лишь в ювелирный магазин, и Влада, сама того не желая, инстинктивно показала рукой на кулон, выставленный под стеклом, — он был почти таким же, как найденный Амалией Павловной в гараже. Влад посмотрел на нее как-то странно, но кулон купил и молча протянул его Владе.

А вечером они, как и планировали, были уже в Париже. Поставив машину в гараж, вошли в дом, поздоровались с консьержкой, женщиной русского происхождения, которая жила здесь уже лет тридцать, и направились, было, к лестнице, ведущей на второй этаж, где были их комнаты, как вдруг услышали:

— Господин Таилов!

Консьержка всегда называла его «господином» — считала, что только так будет по-русски, по-настоящему!

— Господин Таилов, вас спрашивал какой-то человек...

— Он представился? Оставил свою визитную карточку? — спросил Влад, который, очевидно, был уверен, что приходил его приятель, ради которого они так спешно покинули Ниццу.

— Нет. Он только спросил, дома ли вы и госпожа. И все.

— И что вы ответили?

— Что вас нет...

— А он? Ну, говорите же!

— Он... Он спросил, где вы, и сказал, что придет позже.

— Когда — позже?

— Я так поняла, что через несколько дней...

— Что ж, хорошо. Доброй ночи!

— Доброй ночи!

И они поднялись к себе. Собственно, ничего не случилось. Мало ли кто мог к нему придти! У него здесь есть друзья... Коллеги... Да, может, и поклонники... Он успокаивал себя, а сам думал — может, это первый звонок? Перед полетом в бездну. В никуда. За решетку. Нет, он не вынесет замкнутого пространства! Это не для него! Никогда! Лучше — смерть! И вдруг он неожиданно пришел к странной мысли... Человек всегда стремится к спокойствию, но почему? А если — наоборот, к стрессу? Стресс обостряет чувства, рождает вдохновение, обнажает сердце и душу... Что там делает Влада? Включила телевизор? Пусть. Он пока пройдет в ванную комнату...

Убедившись, что Влад открыл воду, а, следовательно, моется, Влада достала из кармана маленькую отвертку, которую специально привезла с собой из Москвы в толстой деревянной сувенирной авторучке, чтобы не искать здесь этот так нужный ей сейчас инструмент, взяла трость, стоящую у кресла, зашла с ней за телевизор, чтобы муж не мог сразу понять, что здесь происходит, если ему придет в голову вдруг неожиданно выпрыгнуть из ванны и вбежать в холл, открутила колпачок, быстро поменяла местами две совершенно одинаковые капсулы, после секундного размышления достала из той же авторучки таблетку, разломила ее на две равные части, засунула в обе капсулы — на всякий случай, для подстраховки, и придала трости первоначальный вид. Через несколько секунд она уже сидела на тахте перед телевизором и не могла унять дрожь — все-таки не каждый день проделываешь такое! Да и волнений много — удастся ли? Однажды, когда Влад ушел на концерт без трости, что он делал довольно редко, она просто так, от нечего делать, поинтересовалась, что скрывается под блестящим колпачком. Так что устройство этого оружия она знала. И знала, что может случиться потом... А может и не

случиться... Влад никогда не был пьяницей, и, ни с того ни с сего, прикладываться к спиртному не будет... Значит, выход прост — устроить и то и се...

Услышав, что Влад закончил мыться, она поднялась и подошла к окну. Здесь он ее и застал, и увидел ее донельзя встревоженное лицо.

— Влад, там, на той стороне, какой-то человек... Он смотрел в наши окна... А теперь исчез... Я боюсь... Он явно следит за нами...

Влад резко отодвинул ее в сторону и тоже посмотрел в окно, но на другой стороне улицы мерцали темные стекла магазина и поблескивал пустой тротуар, вымощенный плиткой. Никого...

Влада ушла на кухню, окна которой выходили на другую улицу — маленькую, узенькую, по которой редко проезжали машины, и вдруг закричала оттуда:

— Скорей, скорей!

Влад бросился туда. Но неизвестный мужчина, который якобы торчал за кухонным окном, успел скрыться...

— Это — тот же самый человек, как ты думаешь?

Влада заколебалась. Сказать — тот же самый — значит, дать понять, что человек был один. И это может не напугать Влада до нужной степени. Нет, пусть их будет пока хотя бы двое, а там посмотрим!

— Нет... Я думаю, это другой... Тот вроде был помоложе и... не такой грузный... А этот... внушительный. Когда и скрыться успел, не пойму...

Они налили себе чаю и вернулись в холл к телевизору. Проходя мимо окна, Влада случайно выглянула на улицу и задрожала — на той стороне действительно стоял мужчина, изучающий их окна! Она готова была закричать, но лишь жестами показала Владу, чтобы он выглянул из-за занавески. Он выглянул... А потом заметался по комнате, как тигр в клетке, повторяя почему-то одно и то же слово — спать, спать... Влада видела, что он сильно испуган, и отметила, что, идя в спальню, муж прихватил с собой трость... Видимо, решил утолить жажду после поцелуев и объятий... Или же...

Влада разделась, легла и стала прислушиваться к себе... Еще час, два, еще несколько часов, и жизнь будет свободной и прекрасной! Она найдет применение этому дому, этим деньгам... И себе, наконец. А тот мальчик... Что ж, она готова с ним поделиться, если он будет настаивать... Если сумеет доказать... Их ведь нет, доказательств... То письмо было единственным подтверждением... В предвкушении освобождения она улыбнулась... Влад же сидел на постели, не шевелясь, уставившись в одну точку, и эта точка находилась где-то на ее теле... Это ее не встревожило, просто мелькнула досада — время идет... Надо его поторопить...

— А мама чей-то кулон нашла в гараже... Я так удивилась...

Он оглядел ее всю с ног до головы, ничего не ответил, но и к трости не потянулся... Она решила продолжить...

— У меня из стола пропало одно письмо... Гордиана... Ты знаешь, о чем там... Оно у тебя?

Он молчал.

— Ты его уничтожил?

Он молчал. Она понимала, что и ей лучше помолчать, не говорить лишнего, ведь она видела, как в глазах его горел адский пламень. Тогда, в Москве, — несколько раз, и только что, в Ницце. Но язык сам произнес, и она не смогла остановиться:

— Ты убил ее, да?

— Да. Я ее задушил. А кулон просто на руку мне надавил, я его сорвал. Думал, что выбросил... Он случайно в руке остался... От шока, что ли... Я потом его бросил. Не заметил, что это случилось в гараже...

Влад говорил спокойно, а она вся похолодела... При чем тут кулон? Неужели он и правда... Она-то его спрашивала о той женщине, которую любил Гордиан и которая родила от него ребенка! Она поняла... Приподнялась на постели, отодвинулась на край, чтобы быстро встать, броситься к окну и закричать... Но... не успела. Сильные руки сомкнулись на ее горле, а глаза, спокойные, холодные и словно улыбающиеся, с наслаждением следили за ее последними судорожными движениями... Преисподняя надвинулась на нее, и она полетела в эту зияющую пропасть...

Влад разжал свои побелевшие руки, спокойно накрыл жену одеялом так, чтобы не видеть ее искаженного лица, и с удовольствием ощутил, что он чист — все, паутины нет, и он может наслаждаться жизнью как любой смертный... Эх, как хорошо, что у него есть лучший в мире коньяк! Сейчас, сейчас... В голове просветлеет, и он решит, что делать дальше... Возможно, стоит инсценировать чье-то нападение... Ограбление... Либо придумать другой вариант... Он все решит, все... Сейчас...

Влад открутил набалдашник трости, нажал нужную кнопку, налил коньяк в крышечку и осушил ее одним глотком... Это — напиток для избранных... Скоро он откроет новую бутылку, чтобы вот так, по капле...

Сначала стали неметь ноги, и он упал на постель рядом с женой... Руки онемели одновременно с лицом, и потому он не мог крикнуть, позвать на помощь... Угасающий мозг не сковывал страх, почему-то билась одна мысль-вопрос: где же она прятала яд? Ведь он обыскал все...

Неожиданно глаза перестали различать цвета, предметы... Вокруг простиралась серая пелена... Серое пространство... И он растворялся в нем... Все было как-то спокойно и обыденно... А потом появилась

боль — какая-то неодолимая сила давила на грудь... Но боль быстро исчезла... Влад так и не узнал, что такое смертельный ужас...

ГЛАВА 20

Каждый из нас по-своему пережил смерть Таиловых. Я беспокоилась за Витю — что-то теперь будет с его наследством? Сам он пребывал в недоумении и шоке — ему казалось, что трагедия каким-то боком связана с тем, что он знает о своем происхождении и постарается использовать этот факт в своих целях... Узел был закручен крепкий! Однако потом мысли его переключились на Таилова как на маньяка, и он перестал переживать по поводу своей потенциальной вины. Да и Стелла не давала этого делать — она не оставляла нас в эти дни, подбадривала, во всем помогала. Особенно Жоре. Ему-то было тяжелее всех... Кстати, я никак не могла вспомнить, когда они познакомились. Стелла так горячо взялась за нашего бывшего однокашника, что мы вынуждены были вглядеться в это пристальнее, и... И слава богу! Мы собирались каждый день, и за все это время ни разу не видели ее пьяной! Однажды на кухне заметили трогательную картину — Стелла, положив голову беспомощного Жоры себе на колени, гладила его по волосам и что-то шептала... Мне показалось, что с нежностью... Потом я не раз вспоминала этот момент и думала о том, что измотавшемуся Жоре нужна была тихая гавань, где его всегда ждали бы, и подсознательно в ее глазах он увидел готовность этого ожидания...

Спокойной была одна Валентина. Она призвала на помощь Вите знакомых юристов, которые пытались разобраться в хитросплетениях родственных связей... Свидетелей, подтверждающих, что он — сын Гордея Неверова, можно было набрать немало, это я знала. Но кто ведает, как к этому отнесутся французские законники? Им-то выгодно, чтобы собственность Таиловых стала ничьей, и тогда они спокойно приберут ее к рукам. Возможно, право Вити на нее придется доказывать в суде. Проводить экспертизу на генном уровне. Кто-то из нас заговорил про эксгумацию останков Влада — как-никак, все-таки дядя, гены докажут, но Валентина резонно заметила, что у нас пока нет данных о судьбе матери Влада и Гордея. Не исключено, что она действительно находится в какой-то психиатрической клинике, а может, в доме престарелых. Правда, почти все списки обитателей этих учреждений в Москве и прилегающих к ней областях проверены. Не удалось пока связаться лишь с двумя интернатами — в одном прорвало трубы, и всех срочно эвакуировали в здание, где нет телефона, в другом этот самый телефон отключили за неуплату... А вот данные из психушек можно получить только после запроса, оформленного соответствующим

образом, что московские оперативники уже сделали. Результат должен быть не сегодня-завтра.

А было как раз сегодня. И оно совпадало с днем рождения Витиной подруги. Мы решили забыть все свои заботы, переживания, страхи и с подарками отправиться поздравлять девушку, которую мы еще ни разу не видели, но которая сумела завоевать сердце нашего дорогого мальчика. Я предложила выйти из метро чуть раньше, чтобы пройтись пешком. Все согласилось. Стелла по дороге таинственно сообщила нам, что торговля ее не очень греет, и сейчас они с Жоржем подумывают, как жить дальше.

Ничего себе! Уже они вместе подумывают! Я высказала мнение, что нашему Жорику надо идти на сцену, причем в самый лучший московский театр — ведь как изумительно он играл маньяка, даже Валентина на какое-то время поверила!

— Моя задача была — вас напугать, чтобы вы не лезли с поисками убийцы Витиной матери, — насупившись, заговорил Жора. — А потом Ладе вроде уже и другое понадобилось... Чтобы, наоборот, лезли... Ее трудно было понять... Постоянная смена настроений и желаний...

— Просто она металась, не зная, что для нее важнее — ликвидировать мужа и стать хозяйкой положения, но подвергнуть опасности свою собственность, либо спасти второе, но остаться при муже-маньяке, — уверенно сказала Валентина. — Она не знала, что он маньяк, так я думаю, но постоянно чувствовала с его стороны какую-то психологическую угрозу... Не могла не чувствовать...

Я отметила, как же точны были предсмертные слова Людмилы! Она объединила образы двух убийц... Влада, с его вечной бабочкой на шее, и Жориного отца, у которого сын перенял легкую, летящую походку... А потом напомнила всем, что мы идем на день рождения, который никак не связан с этими ушедшими в небытие персонажами, что нам надо настраиваться на радостные приветствия, поздравления, тосты и прочее. И что неплохо бы сочинить для новорожденной какой-нибудь стих, с которым и войти в дом! И тут я даже приостановилась от неожиданности — а как ее зовут? Ведь за всеми нашими криминальными головоломками мы как-то не удосужились спросить у Вити ее имя!

— Хм... А я знаю, — каким-то очень сладким голосом пропела нам Стелла. — Я спрашивала у Вити...

— Молодец! Так как?

— Вета!

— Что-о-о?!

— Ну, может, это уменьшительное от Светы, например. Или от какого-то другого имени...

— Ладно, там спросим. Вета, так Вета, — согласилась Валентина.

— Сегодня — самый лучший день на свете! С восходом солнца появилась Вета! — отчеканила я.

— А если не с восходом? — усомнился Жора. — А вдруг она вечером родилась?

— Тогда — с заходом солнца, — не сдавалась я.

— Утром она родилась, — вновь подсказала нам Стелла. — Витя рассказывал, что ей недавно кто-то гороскоп составлял, там надо было точное время рождения указать, она и указала...

— Надо же, Стелла, все-то ты у нас знаешь, — заметила я.

А Валентина посмотрела на нее с явным любопытством. Что ж, наша Стелла начинает исправляться, интересоваться не бутылкой, а всеми, кто ее окружает, и это надо только приветствовать. Интересно, выпьет она сегодня на дне рождения или нет? Как будто прочитав мои мысли, Стелла произнесла у меня за спиной:

— Да, я знаю все. Даже то, что сегодня ни грамма не выпью! Я Жоржу слово дала. Он ведь женится на мне, только если я брошу дурные привычки. Ну, курево я всегда презирала, так что... Правда, Жорж?

— Да, потому что ты сразу теряешь себя и становишься другая. Каково это — рядом с тобой была женщина — и вдруг на ее месте появляется какая-то ведьма... Нет, кикимора... Какой же мужчина это выдержит!

Квартира, в которой жил Витя, располагалась в Измайлово, на Седьмой Парковой улице. Досталась она ему интересным образом — умер родственник, брат его бабушки, Людмилиной мамы, но перед смертью он успел вспомнить о внучатом племяннике, приватизировать квартиру и передать в его владение. Так Витя в двадцать с небольшим лет стал обладателем собственного жилья в нашей столице. Причем жилья не самого плохого. В то время он как раз учился в столичном вузе, жил в общежитии, и такой подарок оказался ему весьма кстати. От оккупации друзей-студентов, от шумных вечеринок его спасло то, что он учился и одновременно работал, и у него не было ни секунды свободного времени. Таким образом, труд спас Витю и квартиру от разрушения.

Труд — это вообще великая вещь. Он — и друг, и учитель, и спаситель от всех бед, и утешитель. Моя бабушка, например, никогда не сидела без дела и дожила почти до ста лет. И Витя мне сразу понравился именно потому, что я увидела, какой у него замечательный «учитель». Это ведь чувствуется с первого же взгляда... Он, наверное, и девочку искал себе соответствующую... Мы с ним, кстати, не раз говорили на эту тему, и мне понравились его взгляды на женский пол. Дело в том, что Витя пережил первую любовь, но однажды ему сказали, что она встречается с пожилым

человеком. За деньги. Он не мог в это поверить, организовал за ней слежку, хоть и считал это очень унижительным, и убедился, что слухи правдивы. Он не стал скрывать от девушки, что узнал о ней. Ее реакция его просто огорошила — девушка не могла понять, что такого предосудительного она совершает, ведь им для будущей совместной жизни понадобятся деньги! А Вите были совершенно непонятны ее возражения. Но зато он понял главное — они стоят на диаметрально противоположных нравственных ступенях, у них разные взгляды на жизнь, на добро и зло. И он отступил. А работа в конструкторском бюро, куда его взяли сразу же после вуза, стерла остатки переживаний, и жизнь началась набело.

А совсем недавно он встретил Вету. Вернее, она упала ему на руки. Это произошло, разумеется, случайно, рабочий день кончился, он вышел из своего здания и, сделав всего несколько шагов по асфальту, подхватил на руки девушку, шедшую навстречу и неожиданно подвернувшую ногу... Из его рук она выбралась не сразу, ноге было больно, и он, разумеется, проводил ее до дома. А, прощаясь, договорился с ней о новой встрече.

Витя был, насколько я знаю, уверен, что никаких случайностей в мире не происходит, а все, что делается, запланировано и запрограммировано где-то там, в космосе, потому и судьбу изменить невозможно. Я думаю, что он прав. Случайностей действительно не бывает. Но я смотрю на это с другой стороны, не из космоса — девочка могла давно издали нацелиться на Витю, а «подвернувшаяся» нога — прекрасный повод для знакомства... Но это предположение я оставила при себе. Надо ведь сначала посмотреть на девочку...

Подойдя к нужному дому, мы не смогли вспомнить сочиненного стихотворения, а потому стали придумывать новое.

— А фамилии ты ее не знаешь? — спросила я Стеллу. — Может, с фамилией бы получилось...

— Поздравляем, Вета!

Радости и света!

Счастья — без лимита!

Чтоб беды — как сквозь сито...

А лучше бы вообще не надо бед!

Пусть состоит все из одних побед! — неожиданно ввернул Жорж.

И с этими стихами, далекими от совершенства, мы вкатились в квартиру Вити и хором продекламировали этот экспромт. Вета держалась за Витину руку и улыбалась, отчего ее совершенно круглое лицо было похоже на солнышко в теплый день — рыжее, веселое. А еще Вету вполне можно было представить героиней русских народных сказок, в которых таких девушек сначала уносили к себе змеи горынычи и кощеи бессмерт-

ные, в финале на них женились добрые молодцы — царевичи либо королевичи... Нам всем было приятно на нее смотреть. Но у меня еще появилось какое-то чувство, словно где-то, когда-то я уже видела эту девушку. Правда, я никак не могла вспомнить, где и когда... Может быть, она мне просто кого-то напоминает?

— Ты что остолбенела? — прошептала мне Валентина.

Оказывается, Стелла с Жоржем уже прошли в комнату вместе с нашими молодыми, а мы все еще топтались в прихожей.

— Понимаешь, мне кажется, что... Если бы ей было столько же лет, сколько нам, я бы подумала, что мы с ней раньше встречались... И виделись часто...

— Интересно... Думай, подруга, думай! А я наблюдаю за Стеллой... Она так вписалась в нашу компанию... И сейчас летает, как на крыльях...

— Любовь лечит, уничтожает пороки. Не зря же говорят, что мир создан из любви и света...

— Любовь — это и есть свет, — грустно заметила Валентина.

Витя подошел к нам и потянул за собой в комнату. Все уже сидели за столом, причем Стелла демонстративно отодвинула от себя рюмку, взяла фужер и налила в него какой-то желтый сок из пакета — апельсиновый или персиковый. Девочка не моталась туда-сюда, а чинно сидела во главе стола, уставленного закусками. Молодые люди подготовились на славу, с кухни неслись обалденные запахи. Витя объявил, что в духовке, в глиняных горшочках томятся грибы с картошкой и прочими овощами в сметане. Вдохновленные этой перспективой, мы заулыбались во весь рот и приготовились говорить длинные речи, особенно я, потому что верю — пожелание, произнесенное от души, чудесным образом сбывается... Может быть, это происходит оттого, что мысль материальна... Я уже хотела подняться с бокалом красного вина в руках и произнести свою тираду, но неожиданно инициативу взяла на себя Стелла. Размахивая своим фужером с соком и обведя нас всех веселым и каким-то загадочным взглядом, она быстро наговорила кучу хороших пожеланий, среди которых, кстати, была и поездка во Францию. Молодец, Стелла, ни о чем не забыла! Все-таки мозги у нее еще остались, а если и дальше не будет пить, глядишь, и найдет себе достойное место в жизни.

Девочка слушала Стеллу, стоя напротив нее и смущаясь после каждого пожелания, а потом они чокнулись первыми, и мы все потянулись со своими бокалами к общей куче. Раздался хрустальный звон, и под эти чистые звуки Валентина спросила меня, не вспомнила ли я, где видела эту девочку. Я не вспомнила... Но ощущение было такое, будто это вос-

поминание находится где-то рядом, надо только сделать над собой небольшое усилие... Я стала пристально вглядываться в Вету, и вдруг заметила на ее правой щеке ямочку... Прямо, как у нашего Вити. Надо же! Она ему как сестричка...

— Ну, что, не вспомнила? — вновь спросила Валентина.

— Нет...

И тут наш мальчик торжественно встал рядом со своей любимой и заявил, что хочет произнести речь.

— В этот день Виолетта появилась на свет... Оказалось, что на мое счастье...

Господи, так она — Виолетта! Я была очень удивлена.

А Витя тем временем продолжал:

— И если когда-нибудь в нашей жизни — я имею в виду всех здесь сидящих — наступит плохое время, если вам потребуется помощь юриста, то Вета — вот она, всегда с нами! Желая тебе сдать сессию досрочно, чтобы мы с тобой могли провести вместе спокойно хоть несколько дней.

Чтобы Вета-юрист постоянно была рядом, Витя, очевидно, должен на ней жениться, подумала я и шепнула об этом Валентине, когда мы все чокались.

— Да он же на это и намекнул в своей речи, ты просто пропустила мимо ушей...

А еще я заметила, что непьющая временно Стелла покраснелась, глаза ее заблестели, словно она выхлестала целую бутылку.

— Это она от радости, — прошептала мне Валентина, загадочно улыбнулась, а потом пояснила: — Ну, что сумела не пить...

Вдруг Стелла перегнулась через стол и спросила у нее:

— Валь, на работу меня берешь? Говори сразу! Я у тебя... направо-налево... где нищей прикинусь, где какой-нибудь уборщицей тетей Машей, а где и в домработницы наймусь... Все выведаю!

— Возьму... Потом, — просто ответила Валентина. — Пока не за что...

— А вот и ошибаешься! Я тут такой сюрприз вам приготовила! Такой сюрприз! Вы все попадаете! Думаете, Стелла — только пить, да? Я такой праздник сегодня сделаю, что — на всю жизнь! А ты, Витька, и ты, Ветка... Не знаю, что с вами и будет от восторга... От счастья...

Стелла говорила заразительно, быстро, словно захлебываясь в потоках собственной внутренней энергии. А вот Валентина была серьезна, как никогда.

— Ну, так... произнеси! — предложила я Стелле. — А мы послушаем, оценим...

— А не произнесу! Пока... Время не наступило... Пусть ваша госпожа Логика поработает немного! Ну, напрягите свои мозги! Что они у вас там, сварились, что ли?

Девочка, глядя на Стеллу, улыбалась, Витя недоумевал, но улыбка тоже коснулась его губ. Жора пытался усадить свою подругу и успокоить ее, но она каждый раз вырывалась, вздергивая плечами, и сыпала дальше свои загадки, словно конфетти. И при этом продолжала смотреть на нас таким веселым, загадочным взглядом, словно мы все тут играем в прятки и только она одна знает, где можно спрятаться, чтобы тебя никто не нашел...

— А че, Валентина Васильевна, глядишь-то так? Думаешь, не погуляем по Франции-то? Погуляем! Да еще как! На Жанов да Жозефин ихних посмотрим! Эх, жизнь еще не кончена, господа хорошие!

Все смотрели на нее с любопытством и ждали продолжения «спектакля». И вдруг моя Валентина в паузе между Стеллиными выкриками, спросила:

— А про домработницу вы просто так упомянули, или...

Заметив, что у молодых улыбки медленно сошли с лиц, я взяла слово и постаралась успокоить и одновременно развеселить всех своими пожеланиями, в числе которых была и любовь. Но в мою речь влезла Стелла. Подхватив мою эстафету про любовь, она заметила, что мечтает о Витином счастье и на сто процентов уверена, что Вета ему для этого подходит, как никто другой, поэтому непременно надо выпить за их совместное будущее. Я же заметила, что сейчас у нас еще не помолвка, а день рождения Виолетты. Сама же новорожденная отреагировала так, что можно было понять — она не возразила бы против помолвки. Начался шум, гам, смех, а Витя пошел за второй коробкой сока для Стеллы — она пила его как бешеная, очевидно, воображая, что это совсем другой напиток. Вернувшись с соком, Витя сказал, что ему бы тоже этого хотелось, и залпом осушил свой бокал — за удачу! За то, чтобы мы все были счастливы!

— Грех искупается добрыми делами, да? Искупается? — спросила Стелла. И пояснила: — На какое-то время я забыла себя... И не только себя... Я не могу себе простить... Но я искуплю... У меня уже получилось... Я всех вас сделаю счастливыми, слышите? И обещайте, клянитесь, что вы будете видеть во мне человека! А ты, Валь, возьми меня к себе на работу!

— Ну, если ты сумела найти и забрать...

Они говорили загадками.

— Думаешь, я зря склонялась в три погибели, мыла, скребла этот паркет, эту мебель, эти толстые, неподъемные ковры с изображенными на них березами... А чего стоило упросить настоящую домработницу уступить мне место!

Все застыли. Все стали понимать... И я — тоже... Ну, дальше, Стелла, дальше!

— Принеси сюда и прочти вслух, — попросила Валентина, и это было похоже на приказ.

— Зачем нести? Это всегда со мной, — ответила Стелла, доставая из своей висящей на стуле сумочки длинный конверт.

Она спокойно вскрыла его, вытащила оттуда небольшой лист бумаги, но, прежде чем прочесть текст, обратилась к Вите:

— Витенька, мальчик мой, сыночек... Это — письмо твоего настоящего папы к твоей матери... Мне можно его прочесть? Ты разрешаешь?

Витя побледнел и, видимо, не знал, что сказать. Наконец обратился к нам со словами:

— Вы все стали мне как родные... Мне нечего от вас скрывать, а вам — от меня. Читайте... Я все равно буду любить маму, что бы там ни было! И ничего не повлияет...

Он не мог продолжать дальше. Мне кажется, ему ужасно хотелось заплакать, но присутствие подруги не позволяло этого сделать. Стелла развернула листок. Жора тоже встал, чтобы она могла опереться на его плечо.

— Только мне кажется, что это — набросок письма... Черновик... Не знаю, было ли другое... Чистовик... Ну, слушайте. *«Мила, дорогая! Ведь ты сама будешь мучиться от обмана, я тебя знаю. Тебе не выдержать этот груз. И я предлагаю тебе — пусть у нас будет семья. У нас с тобой и с Витенькой. Пусть рядом с мальчишкой будет его родной папа, а не обманом полученный отец! А ведь обман-то получился двойной — ты будешь чувствовать себя виноватой и перед мужем, и перед сыном... Это — предательство. Сын потом создаст свою семью, у него родится собственный ребенок, который понесет дальше чужую фамилию... Так что твой обман может длиться вечно... Я написал картину — «Вечное заблуждение»... О том же... Целую твои руки, стою на коленях... Письмо передаст тебе Влада, хорошая девчонка, преданная мне и моему искусству. Ты понимаешь, как я жду твоего решения, как считаю дни... Только если ты решишь ответить как в прошлый раз, можешь не трудиться. Тогда ты — не мать. Извини и пойми меня. Всегда ждущий и готовый обнять тебя и сына — Гордей Н.»*

Все молчали. Витя проглотил слезу, которая скатилась-таки по щеке, и попросил:

— Дайте посмотреть. Хочу увидеть почерк...

Стелла передала ему листок, и он задрожал в его руке...

— Вить, я тебе как мужик скажу — папан твой молодец! Не отрекся от тебя, не спрятался в кусты, а, наоборот, хотел быть рядом, — пробасил Жора.

— А что это за картина? Вы ее видели?

— «Вечное заблуждение»? Да она в картинной галерее висела! — вспомнила я. — В том городе, где твоя мама родилась. Поедешь туда — зайди, посмотри.

— А что там нарисовано, не помните? — не отставал Витя.

Я вспомнила — там были нарисованы крупные, яркие цветы — они были расположены так густо, что не давали увидеть, что же за ними скрыто... И только внизу был маленький просвет, где какой-то жучок запутался в паутине... Но это было выписано специально, в этом был смысл... Видимо, художник хотел сказать, что в жизни все не так красиво, как нам кажется, что и за прекрасными лепестками может таиться ловушка, смерть... Как в воду глядел...

Я рассказала Вите о картине. Он выслушал меня, отдал Стелле письмо, и тут мы почувствовали, как на кухне начинает что-то гореть... Виолетта кинулась туда, Стелла, передав письмо Валентине, отправилась на помощь девочке. Подруга же моя, внимательно изучив письмо, сказала, что здесь не поставлена дата и отсутствует подпись, фамилия, а это — минус. Хотя хорошо уже то, что ценная информация изложена почерком Гордея... Не сегодня-завтра они должны получить сведения о матери Гордея и Влада. И если она все-таки жива...

— Жива, жива!

Стелла возникла на пороге с подносом в руках, на котором дрожали маленькие глиняные, несколько почерневшие горшочки с праздничным угощением. Она улыбалась — во-первых, потому, что спасла жаркое. Вторых... Я не могла поверить своим ушам...

— Я нашла ее! Я с ней говорила! Мы с Жориком вместе...

Ну и ну! И молчали, как партизаны!

— Их там затопило всех в приюте, так часть старушек в бывшую школу переселили, сейчас там никто не учится, детей в деревне нет, а часть — в санаторий... Мы ее в школе нашли, — сообщил нам Жора.

И тут из него посыпалась информация как из рога изобилия. Оказывается, наш словоохотливый Жора молчал несколько дней подряд потому, что боялся — не выдержит, расскажет, ему стоит только начать... Так и вышло. Мы узнали об их поездке во всех подробностях, а также и о том, что старушка никогда не была в психушке, а в приют отправилась сама,

поняв, что после смерти сына и мужа никому на этом свете оказалась не нужна. Ее туда долго не брали, но оказал содействие знакомый врач. Правда, он немного знал Влада и удивлялся, что сын допускает такой поступок матери. Доктор предлагал больной старушке добиться того, чтобы Влад принял участие в ее судьбе, но она запретила ему это делать. По всей видимости, боялась. А раз боялась — значит, знала. Ничего удивительного — мать всегда первой чувствует любую червоточину в душе своего ребенка, и совсем не важно, маленький он или уже взрослый.

— Но главное-то, главное — она знает о Вите! — торжественно прокричала нам Стелла, усаживаясь за стол возле своего глиняного горшочка.

— Елена Петровна обо мне знает? — обрадовался Витя.

— Знает, знает! И... вообще-то надеется, что вы ее не бросите...

При этом Стелла, у которой вырвалось это многозначительное «вы», выразительно посмотрела на Витю и Виолетту, а они — друг на друга. Елки-палки, так это у нас день рождения или все-таки помолвка?

— Вообще-то мы ей уже пообещали, что вы ее к себе возьмете, — про-рокотал Жора.

Ничего себе! Как они все с этой Стеллой быстро решили! Но почему? С какой стати Стелла, забросив свои дела и, наверное, подвергая себя опасности, нанялась к Таиловым в домработницы и украла там это письмо, почему поехала с Жорой в эту богом забытую деревню искать старушку, которую и знать никогда не знала! Можно подумать, что Витя не Людмилин, а ее собственный сын!

— Послушай, Теля, а ты-то здесь с какого боку-припеку? — решилась я задать свой обидный вопрос.

— Так я тебе сразу все и сказала! Сама догадайся, умница! Разуи, как ты любила говорить, глаза! А я все это вам преподнесла сейчас! Здесь! Чтобы вы навсегда запомнили этот день рождения! Чтобы он стал счастливым днем в нашей жизни! Виват! Ура! По Парижам будем бродить! А, Витюш? Ведь будем, да?

— Будем...

Виолетта покраснелась, буквально расцвела и посмотрела на Стеллу с такой благодарностью, с такой любовью, что сердце мое встрепенулось... Уверена — то же самое произошло и с Валентиной, и с Жорой... Да что же это такое, господи! Я смотрела во все глаза на Витю с Ветой, на Стеллу, я улыбалась, а слезы сами катились из глаз и капали на мои ладони...

— Не могу... Дай мне тебя поцеловать, Стелла, — попросила я и подошла к этой удивительной женщине. К этой благородной душе... Крепко прижала ее к себе и расцеловала. Жора и Витя смотрели на меня с не-

доумением, Валентина — с пониманием, она, оказывается, догадалась обо всем гораздо раньше, но не переживала это так горячо, как я, для нее главным во всей этой нашей реке слез был кораблик с фактами, позволяющий все расставить по своим местам и восстановить справедливость. А мне все это казалось сейчас таким второстепенным, таким несущественным! Передо мной стоял пример потрясающего женского благородства, мудрости и самоотверженности. И они так похожи, Витя и Виолетта... Так удивительно похожи... Как были похожи Гордей и Юрий... Ну, надо же, как Стелла ее назвала! Мало того, что у самой иностранное имя, так еще и дочери такое дала...

— Я же тебе шептала, что это у нее наследственное, — проворковала мне в ухо Валентина.

— Ой, девчонки... Что-то у меня с глазами, — всхлипнула Стелла и на мои руки закапали еще и ее слезы.

В перерывах между нашими общими всхлипываниями я все-таки спросила, не догадывался ли об этом Юрий.

— Мне показалось, что догадывался... Во всяком случае, думал... Но я ему ничего не говорила... Он однажды встретил нас с Ветой... Лицо ее увидел... Они ведь так похожи... Но ничего не сказал... Наверное, обдумывал... А потом его убили. Вся беда в том, дорогая Натэлла, что я забеременела позже, чем Людка... Он тогда в командировку к нам приезжал... Устоять передо мной не смог... Так что есть у него на земле продолжение... И у Людмилы есть...

Кураж у Стеллы прошел, она села, прижалась к Жоре и тихо сказала ему:

— Ты уж прости меня, что я тебе сразу не сказала. Знакомься — это моя доченька...

Жора, волнуясь, встал и протянул руку Виолетте, как будто видел ее впервые. Она ее пожала. Витя же сказал, что хочет от души поцеловать новоиспеченную сестренку, что незамедлительно и сделал. Я уже отошла от шока, стала рассуждать трезво, без эмоций, и это вызвало у меня новые вопросы.

— А почему мы ничего не знали о Виолетте? Ты что, ее прятала?

— Здравствуйтесь! Меня же уволили тогда — ни за что. Я на вас сильно злилась — не пила ведь, дите берегла, а тот козел-редактор меня уволил! Застал у меня в библиотеке двух корреспондентов, они выпить нигде не могли пристроиться, и — до свидания! Я не стала спорить, нервы трепать — опять же дите берегла... К маме в деревню уехала, там и родила. А дальше — ты знаешь, что со мной было... Сошла с катушек... Мама ее растила... Сильно зла Веточка на меня была, встречаться, раз-

говаривать со мной не хотела... Вот я и старалась искупить... Думала, пусть у нее хоть счастье будет, раз у меня его не было...

— Так это ты ее и с Витей познакомила?

— А как же!

Ее угасшая, было, от воспоминаний и перехлеста чувств энергия вновь стала набирать обороты.

— Неправда! — заявил Витя. — Мы с Веточкой без вас познакомились. Сами...

— Да, да! Так вышло! Я назначила дочке свидание у вашего института, чтобы ее с тобой познакомить... Эта мысль меня сразу посетила, как только я тебя увидела... Но я опоздала. Решила от метро не пешком идти, а одну остановку на троллейбусе проехать, а он в пробку попал... Я из окна вас видела... Так радовалась, что вы сами познакомились!

— А... подвернувшаяся нога? — зачем-то спросила я.

— Наследственным может быть ведь не только иностранное имя, но и... — наставительно начала Валентина, однако Стелла ее тут же перебила:

— Моя Вета? Да никогда! Ей бы и в голову не пришло прикидываться с этой ногой... Она у меня не авантюристка какая-нибудь...

Виолетта, слушавшая этот материнский захлеб и лукаво улыбающаяся, вдруг изрекла заковыристо-мудрую фразу:

— Разве в нужное время и в нужном месте нога может подвернуться только у авантюристки?

Вот и думай тут что хочешь!

— Так ты что, нарочно тогда... — начал Витя, и она, повернувшись к нему и глядя на него влюбленными глазами, сказала:

— Конечно. Только я не знала, что это именно ты, Витя. Смотрю — выходит парень как раз моего типа. И глаза такие хорошие, добрые. Да нет, я все не то говорю! Вот ты вышел тогда из дверей, а у меня сердце екнуло... Вот нога и подвернулась, когда ты рядом проходил... Я даже сама не знаю, специально это получилось, или от волнения...

— Ладно, падчерица! У вас еще будет время разобраться... Вся жизнь, — изрек вдруг Жора.

А я прокричала, что все-таки хочу знать — день рождения это или помолвка! Или даже две! Но никто мне на это не ответил. Зато Стелла заявила, что уж свадьбы-то мы обязательно устроим в Париже! И все с ней согласились.

— Но как вы с дочкой-то сыграли перед нами спектакль, как будто друг друга и не знаете, — все-таки заметила я.

— Да не играли мы! Ветка заявила, что не будет со мной разговаривать, если я хоть раз еще... Ну, ты понимаешь...

— Но ты ведь уже — ни-ни...

— Так не верит! Вот слушай, Виолетта, что умные люди говорят! Мать-то твоя другую жизнь начала... Ну что, Валь, берешь меня в свое сыскное бюро или как это там у тебя называется?

— Агентство.

— Берешь? Мы тогда в твой город переедем... Или у себя филиал твой откроем...

— Беру. Если ты шуметь так не будешь. Способности просматриваются...

— А меня бы взяла, Валь? А?

— Не знаю, Жора... Ты все-таки грубо как-то работал... Метался... Сам не знал, что делать...

— Он был под влиянием дурных чувств и излишних эмоций, — деловито пояснила Стелла. — Теперь это в прошлом.

— Да нет, я просто так спросил. На завод свой вернусь, я ведь мастером был хорошим. Или в школу устраюсь. Пединститут почти окончил, один курс не дотянул, но в школу взяли. Физику вел.

Уж коли заговорили о планах, то я заявила, что мне обещали место в редакции крупной газеты. И не кем-нибудь, а... Впрочем, не скажу, а то не сбудется. А Лиза, возможно, не вернется в страну, и квартира будет в моем распоряжении. В нашем — муж, наконец, подыскал себе работу в Москве.

Стелла хотела, видимо, сказать, как же она будет осваивать профессию детектива, но ее остановил Жора, сжавший руку своей подруги и зашептавший ей что-то на ухо. Она хихикнула в ответ и вдруг объявила во всеуслышание, что Виолетта — это еще имечко, а имя будет впереди, когда они с Жорой родят, предположим, какого-нибудь Аполлинария!

— Ах, мама! — воскликнула ее дочь с округлившимися от удивления глазами. — А мы с Витенькой строили планы и на тебя рассчитывали...

— Обижаешь, дочка. Я что, двоих не выращу? Только давай! Да и Елена Петровна у нас еще, как я поняла, будет...

Мы, совершенно обалдевшие от свалившихся на нас новостей, очумевшие от криков, признаний, воспоминаний, вновь стали разливать вино, чтобы хоть немножко успокоиться. И когда все встали с наполненными бокалами и, вспомнив о дне рождения, запели хором: «Поздравляем, поздравляем!», то увидели, что Витя пытается нас остановить. Но тщетно. И только когда мы замолкли, потому что глотали вино, то услышали вопрос нашего мальчика:

— Послушайте, но ведь я так и не понял, я так и не знаю — моего отца, настоящего отца, по крови, убили, или он утонул сам?

Вопрос повис в наступившей гробовой тишине. За ним последовал второй:

— Может быть, об этом знает моя бабушка?

Может быть, и знает. Но, вероятно, это будет уже новое расследование... Я ведь, например, тоже так и не узнала, убили нашего журналиста, или он повесился сам...

— Валентина Васильевна, вы возьметесь за это дело? — не отступал Витя. — Мне необходимо знать все. Я составлю свою родословную... Вы сказали, что мой прапрадед Гордей был замечательным архитектором... Что его талант принес ему значительный капитал... А, знаете, я давно чувствую в себе желание заняться архитектурой... Думаю, что это — наследственное... Гены... Так возьметесь?

— Да куда же я теперь от тебя денусь, Витенька! И Стелла поможет, пока у нее будет такая возможность... Да?

— Мое кредо, как сказал герой Савелия Крамарова в «Двенадцати стульях», — всегда!

Мы проговорили всю ночь, и я уверена, что никто из нас никогда ее не забудет...

ГЛАВА 21

Через полгода, когда все наследственные вопросы были решены, формальности соблюдены и препоны преодолены, мы в том же составе съездили во Францию. Поездку оплатил наш богатенький Витя. Описать ее невозможно — для этого нужна еще одна повесть. Я никого не забыла, всем привезла оттуда подарки.

А вечером Валентина, Стелла и Жора уезжали из Москвы. Их провожали Витя с Виолеттой и я. Мы все стояли перед входом в вагон, где командовала Лина, и не могли наговориться. Одной рукой Стелла обнимала ее, а другой держалась за отвоеванного у судьбы Жору.

— А ведь что же получается? — обращаясь ко мне, заговорила она. — Приди ты тогда в свое издательство на минуту раньше, и никогда не увидела бы Витю, не столкнулась бы с ним в коридоре... Значит, то была счастливая минута, подаренная нам всем свыше...

Эх, как красиво она у нас заговорила!

— Нет, Стелла. Это была не подаренная минута. Понимаете, я ведь постоянно думала о Вите. И мои мысли как бы притянули его ко мне... Я уверена...

— Зная о том, как ты нас любишь, надо опасаться, что этот поезд далеко сейчас не уедет... Ты притянешь его обратно, — рассмеялась Валентина.

Свои аналитические способности решил показать и Жора.

— Я думаю, главную роль во всем этом действительно сыграла случайность... Я имею в виду то, что Витина начальница оказалась подругой Влады... И она, то есть Влада, тут же пустила в оборот меня — я ведь как приезжал в Москву, так постоянно был к ней привязан... Вместе вспоминали Гордея... Мы ведь с ним дружили...

— Что-о-о? — Валентину эта информация, образно говоря, сшибла с ног! — Мы тут ищем хоть какие-то зацепки, чтобы узнать как можно больше о Гордее и его смерти, а ты, рядом, все знаешь — и молчишь! Ну, кто ты после этого, Жора? Кто?

— Дед Пихто! Сейчас мы с Жориком приедем и развернем у тебя в агентстве, Валентина, такой маскарад, что у нас все заговорят! И те, кто еще живой, и... Молчу, молчу! — воскликнула Стелла.

— Так вы, Жорж... Вы знали отца... И когда же вы мне про него все расскажете?

— Да я тебе буду про него говорить всю оставшуюся жизнь! Но убили его или нет — этого не знаю, сынок! И Влада, думаю, не знала...

Что ж, в любом деле, как и в жизни, всегда должна оставаться загадка...

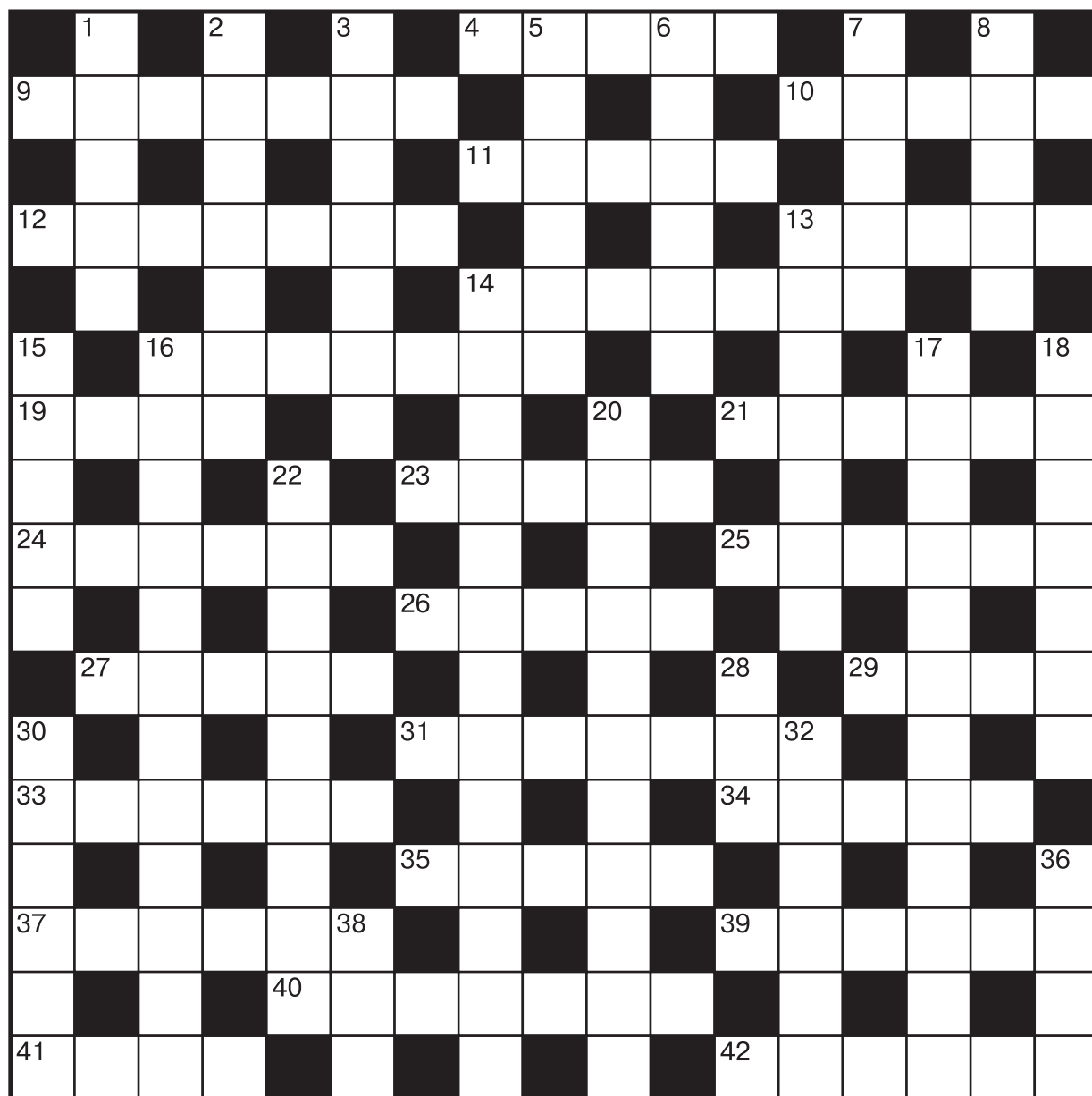
Поезд помахивал нам хвостом, мы смотрели ему вслед, три Витины родинки на щеке дрожали в вечернем свете, круглое личико Виолетты было похоже на полную луну — солнце уже закатилось, нам было грустно, но мы все-таки улыбались друг другу. А я думала о том, что каждый в этой истории что-то приобрел: Витя — наследство и Виолетту, а она — его, и, в придачу, трезвую и умную мать, которая оказалась потрясающей женщиной, Стелла — Жору и новую жизнь, интересную работу, а Жорж — ее, Стеллу, и новую любовь все в том же лице, я — работу в Москве, а, может, и Лизину квартиру... А Валентина? А ей в награду, как обычно, — еще одна победа на поприще сыска. И гонорар, само собой. Она у нас тоже маньяк... Только у нее — мания удачи, но — ничего в личном плане. Вот так всегда. Другим — все, а ей...

— А какая тетя Валя молодец! Про меня сразу догадалась... Я это заметила, — пропела Виолетта. — И я ее люблю...

— И я, — признался Витя. — Мы с тобой...

Ее любят — вот откуда у нее силы, энергия такая... От людей, которые ее любят! За то, что она их — тоже... Словом, круговорот любви в природе... А это — уже какая-то глобальная, космическая награда... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Единственная, кто во время медового месяца вкалывает, а не отдыхает. **9.** Анализ ради оценки. **10.** На каком музыкальном инструменте играют победители конкурса имени Чайковского, посетив его дом в Клину? **11.** Вилка

и ложка воедино. **12.** Азиз из «Покровских ворот». **13.** «Певица», грызущая золотые орешки в сказке о царе Салтане. **14.** Вождь архитектурной революции XX века, не доживший всего лишь десять дней до своего 105-летнего юбилея. **16.** «Жил от-

важный ..., он объездил много стран, и не раз он бороздил океан». **19.** В чем виноват Юрий Деточкин? **21.** Отказ страны отдавать долги. **23.** Шумный успех. **24.** В каких горах Михаил Лермонтов поселил героя своей поэмы «Демон»? **25.** Что осушили ради строительства Санкт-Петербурга? **26.** Кто из поделщиков советует киношному Хмырю лошастью ходить? **27.** Что у культуриста в кубиках? **29.** Дополнение к винтовке. **31.** Кто больше не в силах вахты стоять в песне «Раскинулось море широко»? **33.** «Страна мечты» Томаса Мора. **34.** Стиль с намеками на прошлые времена. **35.** Ширпотреб на эстрадных подмостках. **37.** Кто из писателей придумал термин «вторичный мир»? **39.** Что разворачивают, чтобы добраться до конфетки? **40.** Второй по величине зверь на Земле. **41.** «Наливай мне, мальчик резвый, только пьяное ...». **42.** Из чьего бивня вырезан древнейший из обнаруженных на Земле бумерангов, чей возраст оценивают в 30 000 лет?

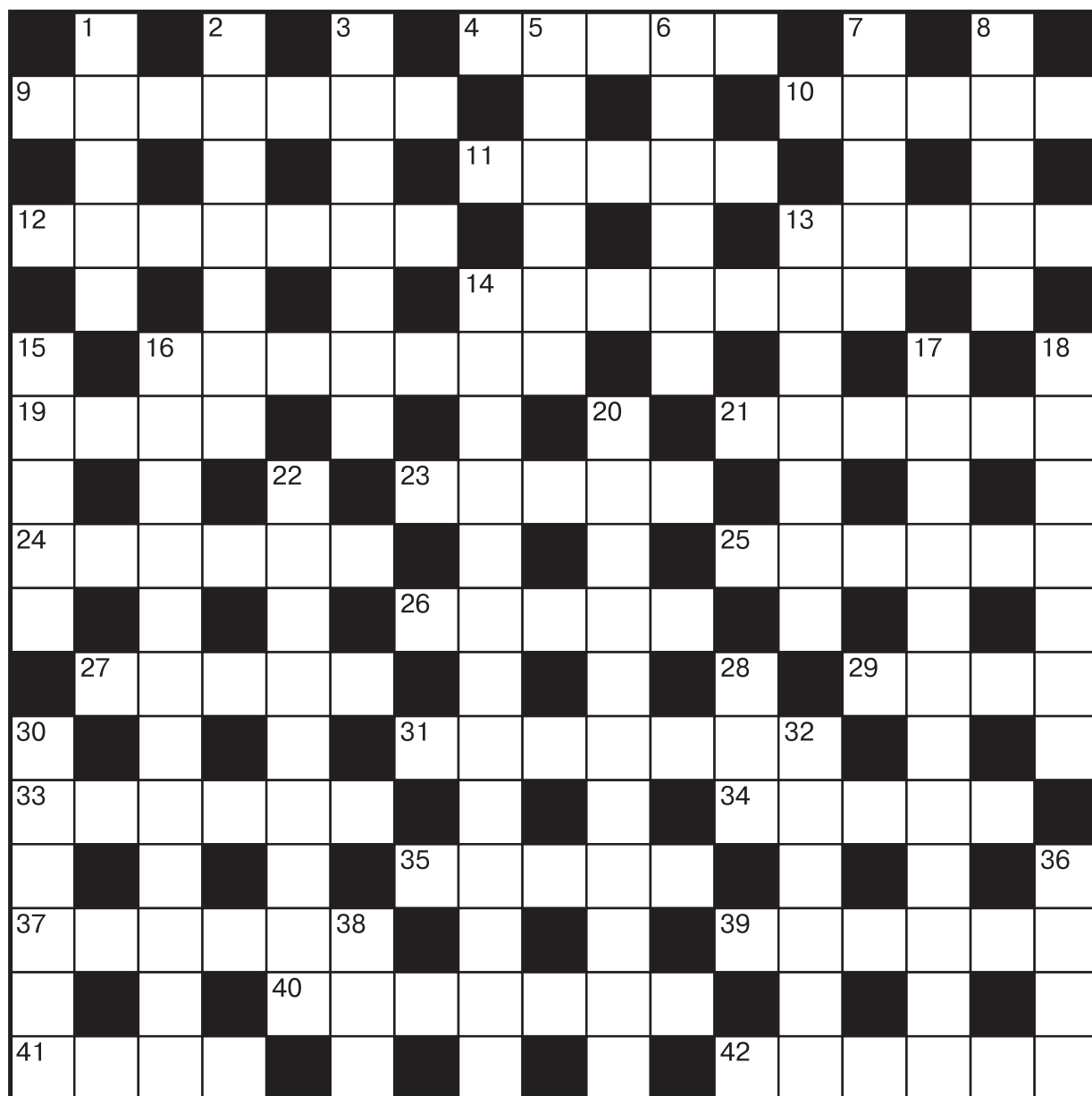
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** С какой биологической тканью связана серология? **2.** Кто отвечает за корабельный курс? **3.** Ярко цветущая хищница подводного мира. **5.** Любимый комик Эдит Пиаф. **6.** Очки из «Евгения Онегина». **7.** За какой игрой до трех часов ночи засиживалась мать писателя Владимира Набокова? **8.** Что подсказывает следователю, кто совершил преступление? **13.** Какой зверь боится прививок в советском мультфильме? **14.** Кому служил библейский полководец Олоферн? **15.** Выстрел по грусти. **16.** Винтокрылый аппарат. **17.** Добровольная помощь в зоне бедствия. **18.** «Зона ответственности» прораба. **20.** Село «с высоким дворцом своим» из повести Николая Карамзина «Бедная Лиза». **22.** Что делает перец жгучим? **28.** «И ... невольный умиленья впервые смутно познавал». **30.** Сгибатель в коленке. **32.** Способ определить самую быструю яхту. **36.** Где отшельник молится о спасении души? **38.** «Датчик» обоняния.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Гардель. **7.** Квок. **10.** Шугай. **12.** Ринэнцефалон. **13.** Браай. **15.** Ротонда. **16.** Амикта. **19.** Куб. **20.** Оффлер. **24.** Абзу. **25.** Камальдул. **27.** Лидо. **28.** Сириус. **29.** Собетсу. **30.** Кротон. **31.** Ротари. **33.** Луп. **36.** Симба. **37.** «Лицинию». **40.** Ишлык. **42.** Наяда. **43.** Кондадо. **44.** Тугун. **45.** Ксанф. **46.** Лякросс.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Путра. **2.** Хабар. **4.** Абидос. **5.** Дуэнде. **6.** Лицо. **8.** Великобритания. **9.** Кандалупский. **11.** Ифимб. **14.** Йорек. **16.** «Аурус». **17.** Соллюкс. **18.** Афедрон. **21.** Радон. **22.** Харет. **23.** Ньюскул. **26.** Ликопин. **29.** Соник. **32.** Яблоня. **34.** Пиндос. **35.** Ошкуй. **36.** Сычуг. **38.** Накси. **39.** Юдина. **41.** Эдер..

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кто из будущих венгерских президентов завоевал две золотые олимпийские медали по фехтованию? **9.** Какие крымские скалы в свое время «намеревался купить» Федор Шаляпин? **10.** Полуторный меч рыцаря. **11.** Велосипед с тремя колесами. **12.** Стиль фламенко. **13.** Какой ювелир соз-

дал Большую императорскую корону для Екатерины Великой? **14.** Древнегреческий город, жители которого изгнали за городскую черту всех ремесленников, нарушавших шумом их отдых. **16.** «Испанская самбука». **19.** Самый эгоистичный символ каббалы. **21.** Барон, чья подпись стоит под договором продажи Аляски аме-

риканцам. **23.** Самый популярный кофе в Барселоне. **24.** Самый короткий отрезок времени у древних греков. **25.** Кто из наших фокусников «отпиливает себе руку» в фильме «Воры в законе»? **26.** Кто создал русскую семиструнную гитару? **27.** Две страницы в счетной книге с одним номером. **29.** Прыжок имени австрийского фигуриста. **31.** «Петляющая река» из романа «Происхождение». **33.** Глава комиссии по расследованию убийства Джона Кеннеди. **34.** «Книга мироздания» иудаизма. **35.** Змеевидная дыня, которую едят недозрелой. **37.** Какой танец когда-то лихо исполняли голландские моряки? **39.** «Самая молодая» разновидность покера. **40.** Из каких краев родом Блаженный Августин? **41.** Юбка на белоруске. **42.** Обитель дервишей.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Узбекская ткань. **2.** В каком венецианском кафе саживали за чашкой шоколада и Карло Гоцци, и Карло Гольдони? **3.** Корабль

«большого змея» у викингов. **5.** Какой американский режиссер снял чуть ли не первый фильм о Шерлоке Холмсе? **6.** Кто возглавляет рейтинг «Десяти самых ядовитых змей»? **7.** Континент из «Игры престолов». **8.** Шарль, ставший наставником Виктора Гюго. **13.** Какой монстр в перуанских мифах высасывает жир из своих жертв? **14.** Как члены «Опуса Деи» умерщвляют свою плоть? **15.** Какой процесс породил Плитвицкие озера? **16.** «Могущество печатного слова». **17.** Явное значение в тексте. **18.** «Питух» из сборника образных слов Морица Михельсона. **20.** «Идеальный правитель» из буддизма. **22.** Завеса перед алтарными воротами в византийской церкви. **28.** Бог знаний у египтян. **30.** Фараон, отказавшийся от пышного надгробия, чтобы не привлекать грабителей и избежать поругания могилы. **32.** Ад у индусов. **36.** Лягушка, вынашивающая икринки у себя на спине. **38.** Дерево духовного начала у магов.

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Публика. **7.** Шпиг. **10.** Химия. **12.** Бензоколонка. **13.** Хруст. **15.** Конкорс. **16.** Кантри. **19.** Туз. **20.** Кариес. **24.** Науз. **25.** Математик. **27.** Пика. **28.** Сальдо. **29.** Бомарше. **30.** Разгон. **31.** Бофорт. **33.** Бал. **36.** Порох. **37.** Буррата. **40.** Посев. **42.** Альпы. **43.** Горбуша. **44.** Аглая. **45.** Парео. **46.** Батарея.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Тигра. **2.** Пинск. **4.** Утечка. **5.** Лазурь. **6.** Кекс. **8.** Пунктуальность. **9.** Грациозность. **11.** Алмаз. **14.** Тотем. **16.** Кунис. **17.** Эксперт. **18.** Ирокезы. **21.** Салон. **22.** Веган. **23.** Масштаб. **26.** Каморра. **29.** Боров. **32.** Носова. **34.** Лучшее. **35.** Розги. **36.** Пегас. **38.** Алтай. **39.** Аппер. **41.** Юбка.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2023 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2023 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

СМЕНА

Дорогие читатели!

Все вы наверняка помните строчки из известной песни «Куда уходит детство, в какие города? И где найти нам средство, чтоб вновь попасть туда?..» Детство — это, наверное, лучшее время нашей жизни, светлое и теплое.

Увы, все когда-нибудь кончается... Но, постепенно уходя во взрослую жизнь, мы храним воспоминания о прекрасной поре, которая была окрашена в самые удивительные и невероятные цвета.

Вот мы и решили в 2023 году объявить среди наших подписчиков конкурс

«КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО...»

Напишите нам в форме рассказа или письма о самых ярких и незабываемых моментах своего детства, об этом счастливом (а может, и не очень) периоде в вашей жизни.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца октября 2023 года.

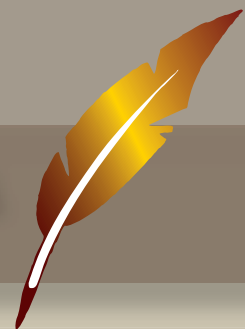
Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№7 июль 2023